

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования

«Российский государственный
гуманитарный университет»

ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ

Отделение восточных языков и культур

УНЦ «ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ РГГУ»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения

Ассоциация

преподавателей китайского языка

*Выдающимся российским
лингвистам-синологам
Тань Аошуан (1931–2017)
и Артемию Михайловичу Карапетьянцу (1943–2021)
посвящается*

Лингвистика
языков Китая, Кореи и Японии

Тезисы докладов
I международной
научно-практической конференции

Москва, 30 ноября – 1 декабря 2023 г.

Москва
2023

УДК 81'1(063)
ББК 81.2-5я431
Л59

Ответственный редактор
М.Б. Рукодельникова

Редакционная коллегия

А.Д. Дурыманова (РГГУ), М.Б. Рукодельникова (РГГУ), *отв. ред.*
Т.В. Ивченко (РГГУ), Е.Н. Емельченкова (СПбГУ)
А.В. Костыркин (ИВ РАН), А.С. Шварц (ИВ РАН)
Е.В. Бречалова (РГГУ), А.В. Шатравка (РГГУ)
А.Н. Коробова (РГГУ), К.С. Кожа (ИВ РАН)
А.А. Сакаева (РГГУ); А.Д. Дурыманова (РГГУ), *секретарь*

Лингвистика языков Китая, Кореи и Японии: Тезисы докладов
Л59 I Международной научно-практической конференции. Москва,
30 ноября – 1 декабря 2023 г. / Отв. ред. М.Б. Рукодельникова.
М.: РГГУ, 2023. 165 с.

ISBN 978-5-7281-3336-0

В сборник вошли материалы, представленные в виде докладов на международной конференции «Лингвистика языков Китая, Кореи и Японии».

Для лингвистов, филологов, преподавателей и всех интересующихся Китаем, Кореей и Японией.

УДК 81'1(063)
ББК 81.2-5я431

ISBN 978-5-7281-3336-0

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2023

Содержание

<i>Предисловие</i>	13
<i>А.В. Баврин</i> Некоторые синтаксические особенности японско-русских эквивалентных единиц на материале перевода романа «Золотой храм» Ю. Мисимы	16
<i>Е.В. Береза</i> Служебное слово 来着 (láizhe) в современном китайском языке	19
<i>Е.В. Бречалова</i> Об одном случае субстантивации причастия в корейском языке Е.А. Бобрикова	24
<i>Е.А. Бобрикова</i> Проблема интертекстуальности в переводе китайской классической литературы. На примере трактата Цзи Чэна “Устроение садов” (Юань, 园冶, XVII в.)	28
<i>Е.Г. Гавришева</i> Дистрибуция нереферентных местоимений в современном китайском языке: неверидикативный подход	32
<i>В.А. Горбунова</i> Морфологический статус аппликативных показателей в современном китайском языке	37
<i>Даулань Майэрхали, Ю.А. Мустафина</i> Неологизмы в современных китайских массмедиа	41
<i>Ю.А. Дрейзис</i> Тополектизация поэтического текста в годы формирования китайской «новой поэзии»	45
<i>А.Д. Дурыманова</i> Анализ категориальной нестабильности лексем семантического класса НАПРАВЛЕНИЕ на материалах текста Луньхэн (I в. н. э.) и русско-китайского корпуса	49

<i>Е.Н. Емельченкова, Огъен Церинг</i>	
Условные конструкции в сино-тибетских языках: общее и частное	54
<i>Е.С. Ермишина</i>	
Знаки препинания в цитационных конструкциях японского языка (на материале блогов).....	58
<i>А.С. Зверев</i>	
Вертикальное и горизонтальное письмо в японском языке как ключ к графическим свойствам пунктуации.....	60
<i>Т.В. Ивченко, А.В. Лебедева, Л.С. Холкина</i>	
Новая дискуссия о частях речи в китайской лингвистике: основные аргументы	62
<i>М.Я. Каплунова, Тянь Цзинлин</i>	
Роль традиционных исследований фонетики в китайском языкознании.....	68
<i>Л.В. Кирюхина</i>	
Грамматическая составляющая словаря «Юй чжу» Лу Ивэя	72
<i>А.О. Клытина, И.В. Шалина</i>	
Семантический потенциал номинативного знака «ЛИСА» в японском языке	76
<i>А.Н. Коробова</i>	
Структурные типы цветообозначений в прозе Фэн Цзицая.....	80
<i>Н.Г. Кузнецова</i>	
К вопросу различения комплемента степени от комплемента состояния и результата в СКЯ.....	85
<i>Ю.Н. Кузнецова</i>	
Функции guo в трех корпусах современного китайского языка	89
<i>А.А. Куликова</i>	
Акциональные ограничения на семантику японского прогрезультива.....	93
<i>Ю.Г. Лемешко</i>	
Перевод цитат из китайских классических произведений, используемых в информационных сообщениях (на материале СМИ КНР)	97

<i>А.В. Лобанова, В.В. Васильева, А.Г. Зенина, Е.С. Неминова</i> Создание и исследование корпуса современных корейских песен	101
<i>Н.В. Михалькова</i> Семантические принципы конструирования графики иероглифов-синонимов китайского языка.....	106
<i>Л.О. Наний, К.В. Кузьмина</i> Трудности совмещения лексико-грамматических систем взъняня и СКЯ у изучающих китайский язык.....	110
<i>Ро Чжи Юн</i> Стратегии и приемы в корейско-русском и русско-корейском синхронном переводе.....	113
<i>М.Б. Рукодельникова</i> Сравнительный анализ употребления показателей 着zhe и 在zai в современном китайском языке	115
<i>Т.А. Рыбакова</i> Нейросетевой перевод с китайского: проблема устранения языкового шума.....	120
<i>А.С. Слащева, Е.В. Максименко, Д.В. Сичинава, У.П. Стрижак</i> Японско-русский параллельный корпус: цели и перспективы.....	123
<i>М.В. Солдатова</i> Трудности передачи отсылок к текстам, неизвестным широкому российскому читателю, при переводе художественных произведений с корейского языка	127
<i>Тун Чао</i> Подсистемы количественных метафор в русском и китайском языках	129
<i>К.А. Ульянова</i> Стилистические факторы изменения порядка слов в китайском предложении (на примере инверсии)	132
<i>А.А. Усольцева</i> Идея патриотизма в китайской социальной рекламе.....	140
<i>А.М. Федотова</i> Особенности кодирования подлежащего при номинализациях в корейском языке (на материале устного и письменного корпусов корейского языка.....	144

<i>С.А. Хафизова</i>	
Тешица – вымирающие диалекты на территории Китая и Тибета. Тибетские и китайские когнаты	147
<i>А.В. Шатравка</i>	
Употребление предлога 比 bǐ в сравнительных предложениях современного китайского языка: анализ грамматических ошибок	150
<i>А.С. Шварц</i>	
Стяженные предложения как тип полипредикации в мандаринском китайском	154
<i>А.И. Шиябов</i>	
Некоторые заимствования библейской лексики и фразеологии в современном японском языке на основе словарей XIX–XX вв.	158
<i>Л.Г. Шляхтина</i>	
Опыт исследования японского союза ga по данным контрастивного анализа	162

Contents

<i>Preface</i>	13
 <i>Aleksei V. Bavrin</i>	
Some syntax characteristics of the Japanese-Russian equivalent elements in the translation of “The temple of the Golden Pavilion” by Mishima	16
 <i>Evgeniia V. Bereza</i>	
Function word 来着 (láizhe) in modern Chinese	19
 <i>Evgeniia V. Brechalova</i>	
The noun ending (i)la-n as a marker of nominalized modifier phrase	24
 <i>Elena A. Bobrikova</i>	
Translation of Ji Cheng`s Yuanze (园冶, 1635) in the perspective of Intertextuality	28
 <i>Elizaveta G. Gavisheva</i>	
Nonveridicality and distribution of non-referential pronouns in modern Chinese	32
 <i>Valeriia A. Gorbunova</i>	
Morphological status of applicative indicators in Mandarin.....	37
 <i>Dawulan Maierhali, Iuliia A. Mustafina</i>	
Neologisms in the modern Chinese mass media	41
 <i>Iuliia A. Dreyzis</i>	
Poetic Topolectization in the Formative Years of the Chinese “New Poetry”	45
 <i>Anastasiia D. Durymanova</i>	
Semantic class DIRECTION's lexemes and its lexical categories' inner-instability	49
 <i>Elena N. Emelchenkova, Ogyen Tsering (Ejincairang)</i>	
Conditional constructions in Sino-Tibetan languages: general and specific	54

<i>Ekaterina S. Ermishina</i>	
Punctuation marks in Japanese quotation (the study of blogs)	58
<i>Aleksei S. Zverev</i>	
Vertical vs. horizontal writing in Japanese: revealing graphic features of punctuation marks.....	60
<i>Taras V. Ivchenko, Aleksandra V. Lebedeva, Liliya S. Kholkina</i>	
New Debate on Parts of Speech in Chinese Linguistics: Main Arguments	62
<i>Mariia Ya. Kaplunova, Tian Jingling</i>	
On the Role of Traditional Phonetics Research in Chinese Linguistics	68
<i>Liubov Kiriukhina</i>	
The Grammatical Aspects of Lu Yiwei's "Yu Zhu"	72
<i>Alina O. Klypina, Irina V. Shalina</i>	
Semantic potential of the nominative sign "fox" in the Japanese language	76
<i>Anastasiia N. Korobova</i>	
Structural types of color-naming words in Feng Jicai's prose	80
<i>Nina G. Kuznetsova</i>	
On the subject of distinguishing the degree complement from the modal complement and the resultant complement	85
<i>Iuliia N. Kuznetsova</i>	
GUO functions in three Modern Chinese corpora	89
<i>Anna A. Kulikova</i>	
Actional Constraints on Semantics of Japanese Progresultive Aspect	93
<i>Iuliia G. Lemeshko</i>	
Translation of quotations from Chinese Classical works used in news reports (based on PRC Media)	97
<i>Alina B. Lobanova, Varvara B. Vasileva,</i> <i>Alena G. Zenina, Ekaterina S. Neminova</i>	
Creation and analysis of Contemporary Korean (K-pop) Song Corpus	101

<i>Nadezhda V. Mikhalkova</i>	
Semantic principles of the Chinese characters-synonyms construction	106
<i>Liudmila Nanii, Kseniia V. Kuzmina</i>	
Problems of incorporating lexico-grammatical systems of Classical Chinese into Modern Chinese.....	110
<i>Rho Ji Yun</i>	
Strategies and techniques in Korean-Russian and Russian-Korean simultaneous interpreting.....	113
<i>Mariia B. Rukodelnikova</i>	
Comparative analysis of the 着 zhe and 在 zai usage in modern Chinese	115
<i>Tatiana A. Rybakova</i>	
Neural Network Translation from Chinese: The Problem of Eliminating Language Noise.....	120
<i>Anna S. Slashcheva, Elizaveta V. Maksimenko, Dmitrii V. Sitchinava, Uliana P. Strizhak</i>	
A Japanese-Russian parallel corpus: objectives and prospects.....	123
<i>Mariia V. Soldatova</i>	
Difficulties in conveying references to texts, unknown to the general Russian reader, when translating literary works from Korean	127
<i>Tong Chao</i>	
Subsystems of quantitative metaphors in Russian and Chinese languages.....	129
<i>Ksenia A. Ulianova</i>	
Stylistic factors in Chinese word order variation (the case of inversion)	132
<i>Anastasiia A. Usoltseva</i>	
The idea of patriotism in Chinese social advertising	140
<i>Aleksandra M. Fedotova</i>	
Specific features of subject coding in nominalizations in Korean (on the material of Korean oral and written corpora).....	144
<i>Sophia A. Khafizova</i>	
Geshitsa – endangered dialects in China and Tibet. Tibetan and Chinese cognates.....	147

<i>Anna V. Shatravka</i>	
Use of the preposition 比 bi in comparative sentences in modern Chinese: an analysis of grammatical errors	150
<i>Anna S. Schwarz</i>	
Contracted sentences among polypredicatives in mandarin Chinese	154
<i>Anton I. Shiiabov</i>	
Some borrowings of biblical vocabulary and fixed expressions in modern Japanese based on 19th- and 20th-century dictionaries	158
<i>Liudmila G. Shliakhtina</i>	
A contrastive analysis of the Japanese conjunction <i>ga</i>	162

Предисловие

В 2019 г. с 3 по 5 октября в РГГУ была успешно проведена конференция «Китайская лингвистика и синология» (КЛиС), посвященная научному и педагогическому наследию выдающегося лингвиста и преподавателя китайского языка заслуженного профессора МГУ Тань Аошуан. По итогам КЛиС было принято решение проводить такие конференции регулярно, но время внесло свои коррективы. В марте 2020 г. началась пандемия, а 26 декабря 2021 г. нас постигла новая утрата: скончался супруг Тань Аошуан, выдающийся синолог и также заслуженный профессор МГУ Артемий Михайлович Карапетьянц.

В результате совершенно естественно возникла идея о проведении новой конференции, посвященной этим двум выдающимся советским и российским лингвистам и синологам. Учитывая разнообразие интересов Тань Аошуан и Артемия Михайловича Карапетьянца, было решено расширить и лингвистический «охват» конференции, включив в ее тематику также японский и корейский языки. Отсюда появилось и новое название: «I Международная научно-практическая конференция “Лингвистика языков Китая, Кореи и Японии” ЛиККиЯ». Такое название не только полнее отражает научные интересы Тань лаоши и Артемия Михайловича, но и лучше соответствует тому, что они называли «регионом китайского культурного и языкового влияния». В тематику конференции этого года, к сожалению, не попал вьетнамский язык, очень интересовавший Артемия Михайловича как язык, перешедший от иероглифики к латинице. Надеемся, что это будет исправлено в следующий раз.

Одновременно с увеличением количества языков была несколько сужена тематика: мы ограничились лингвистикой, оставив «за скобками» преподавание и методику. Соображения в пользу этого весьма очевидны: конференций по преподаванию китайского языка проводится достаточно много, а лингвистический аспект весьма часто оказывается в тени, при этом зачастую не учитываются достижения и последние теоретические разработки китайской, японской и корейской традиций. Хотелось бы надеяться, что данная конференция станет форумом для комплексного рассмотрения и детального анализа разных взглядов на синтаксис, семантику и прагматику языков Дальнего Востока. Не только в этот раз, но и в будущем.

Тань Аошуан и Артемий Михайлович задали очень высокую планку — научную, педагогическую, человеческую. Задача конференции,

посвященной их памяти, соответствовать этому уровню и, по возможности, идти дальше в исследовании того, чему они посвятили свою жизнь: осмысление китайского языка и культуры и их места в мировом наследии.

Речь идет не только о синхронном осмыслении языка, литературы и культуры Китая, Японии и Кореи, но и попытке понять их в их синхронно-диахронической целостности, которая во многом создана китайским языком как койне этого региона. С этой точки зрения эта конференция является попыткой уточнения и расширения следующих тезисов Тань Аошуан и Артемия Михайловича.

1. В китайском языке синтаксис не отделим от семантики, китайский синтаксис принципиально «семантичен» по своей природе и должен описываться именно с этой точки зрения.
2. Иероглифика не является просто средством письменной фиксации разговорного языка, это знаковая система, которая особым образом «формирует» письменный и разговорный языки, проникая в последний как стандарт грамотной речи и культурного кода.
3. Конечно, не все носители языка (китайского, японского и корейского) в одинаковой степени владеют литературной нормой или иероглификой. Поэтому людей, обладающих и не обладающих познаниями в данных областях, можно считать носителями разных языков.
4. Китайский классический язык *вэньянь* не является письменным стандартом, ушедшим в прошлое, он органично «инкорпорирован» в современный язык и во многом формирует его литературную норму. Именно поэтому рассмотрение лишь разговорного языка без *вэньяня* приводит к очевидной «плоскости» взгляда на тот объемный феномен, которым является язык.
5. Язык, обладающий письменностью и накопивший большое количество текстов, функционирует иначе, чем язык бесписьменный, и поэтому требует иной модели описания.

Мы надеемся, что данная конференция хотя бы частично подойдет к той полноте описания языка, о которой говорили Тань Аошуан и Артемий Михайлович.

В процессе подготовки конференции организационный комитет столкнулся с трудной задачей. Среди множества присланных интересных и талантливых работ нужно было отобрать самые интересные и наиболее соответствующие тематике конференции, попытаться уместить все принятые доклады в короткие два дня конференции. Нельзя сказать, что это полностью удалось: у нас, к сожалению, не получилось избежать предсказуемых ошибок субъективности. Мы приносим свои искренние извинения всем, чьи тезисы по тем или иным причинам не удалось включить в насыщенную программу конференции. Мы очень

надеемся, что наши недоработки и огрехи удастся исправить в следующий раз.

Данная конференция организована Отделением восточных языков и культур Института лингвистики РГГУ, Институтом Конфуция РГГУ, Восточным факультетом СПбГУ, Институтом востоковедения РАН и Ассоциацией преподавателей китайского языка. Организаторы будут благодарны за любые критические замечания и предложения по организации будущих конференций.

*Организационный комитет
конференции*

Некоторые синтаксические особенности
японско-русских эквивалентных единиц
на материале перевода романа
«Золотой храм» Ю. Мисимы

Алексей В. Баврин

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва

Some syntax characteristics of the Japanese-Russian
equivalent elements in the translation
of “The temple of the Golden Pavilion” by Mishima

Aleksei V. Bavrin

RAS Institute of Oriental Studies, Moscow

Abstract. This paper aims to analyze some of the syntax characteristics of Japanese-Russian equivalent elements in literary translation, which present special interest for several reasons. Firstly, even though Japanese-Russian contrastive works have been produced before (especially in lexicography), they have not conducted research into the overlooked non-standard word pairs, which can still prove to be valuable for linguistic analysis. Secondly, literary translation, due to its more creative nature, contains such non-standard, but recurring creative decisions the translator had to make in order to properly convey both the meaning and the form of the original text, which would not have been present in literal translation, providing enough material for the research of these recurring, non-standard decisions. In particular, this paper’s goal is to analyze Japanese cleft-sentences with a nominalized predicate phrase and how they have been translated into Russian.

Keywords: syntax, equivalent elements, Russian language, Japanese language

Сравнительный метод в контрастивной лингвистике имеет большой потенциал: приложенный к новому языку, он каждый раз способен давать новые лингвистические знания. Сравнение японского с европейскими языками – преимущественно с английским – давно служит источником ценных наблюдений и обобщений, и описание японского через сравнение с русским – не менее перспективная, самостоятельная и масштабная задача. Можно сказать, что в первом приближении она решена на лексическом уровне на пространстве основного японского лексикона в японско-русских словарях, однако за пределами лексикографии такая задача специально не ставилась. В силу установки словаря на подбор лексических одноранговых соответствий (перевод служебных

слов служебными, аффиксов – аффиксами, и т. д.) внутри эквивалентных классов (перевод глаголов глаголами, наречий наречиями и т. д.), системные отклонения от таких соответствий остаются неучтенными, даже если они имеют регулярный характер (ср. соответствия японских наречных сочетаний русским глаголам: *shiroku suru* – белить, *hiroku suru* – расширять; соответствие морфологически сложных каузативных форм морфологически простым переходным: *bikkuri saseru* – удивлять, *gattai saseru* – соединять). Специального внимания заслуживают синтаксические расхождения, которые в принципе не находят отражения в лексикографических работах.

В рамках этой задачи ценный материал для сравнительного метода дают параллельные тексты художественных произведений в сочетании со следующей исследовательской эвристикой: регулярно повторяющийся нестандартный, неожиданный выбор переводных эквивалентов и переводческих решений свидетельствует не только о мастерстве переводчика, но и позволяет на контрасте с ожидаемым и/или буквальным переводом обнаруживать не замечаемые в других условиях особенности исходного языка.

Доклад посвящен одной из японских конструкций, выявленных таким методом в романе «Золотой храм» одного из выдающихся мастеров слова XX в. Юкио Мисимы в сопоставлении с переводом Г. Чхартишвили. Обращают на себя внимание однотипные предложения со связочно-именным сказуемым и смысловым глаголом, оформленным как подлежащее с субстантиватором *no*. Все они переводятся однотипно более простыми по структуре предложениями с прямым порядком слов, сохраняющим их порядок в японском:

- (1) *Mawari ni iru no wa, shigonin no kenpei to, ryoushin de aru*
Рядом стояли ее родители и несколько жандармов. (букв.) те, кто стояли рядом, были...
- (2) *...Watashi ga omotteita no wa, hoka naranu kinkaku no koto de aru*
...я думал только о Золотом Храме. (букв.) то, о чем я думал, был храм
- (3) *Ima, watashi no kiiteiru no wa, kanzenna seishi, kanzenna muon de atta*
...я слышал лишь полную тишину и абсолютное беззвучие. (букв.) то, что я слышал, было...
- (4) *Onna ga detekita no wa, kousouna supeinfuu no yasiki no jimon de atta*
Женщина вышла из дверей роскошного особняка в испанском стиле. (букв.)
то, откуда вышла женщина, было дверями...
- (5) *Watashi no umareta no wa, ... misaki de aru*
Родился я на мысе... (букв.) То, где я родился, – [это] ... мыс.

(6) ...Rojou ni kuzuoreta no wa,onna no chuui wo hiku tame no de atta...
[он] упал на тротуар, чтобы привлечь к себе внимание девушки.

На таком контрасте обнаруживается параллелизм на семантическом (содержательном) и коммуникативном уровнях и расхождение на синтаксическом уровне анализа [Гак 1998: 432], что отвечает базовым требованиям к переводу. Относительно русского перевода японский демонстрирует трансформацию рематизации актанта (в 1 – подлежащего, в 2 и 3 – объекта) или сирконстанта (в 4, 5 – места, в 6 – причины), в других терминах – расщепленную (cleft) конструкцию [Matsumoto 1997: 68], ср. так же: [Вардуль 1964].

Инверсия актантов и сирконстантов относительно сказуемого в японском не такая тривиальная операция, как в русском, и решается комплексно: субстантивацией сказуемого, обособлением инветрируемого элемента и введением связки. Конструкция служит акцентированию члена предложения, синтаксическая связь которого заменена с прямой на косвенную, что хорошо согласуется с другими акцентуаторами, встречающимися в примерах или их переводах: (2) 他ならぬ *hokanaranu* «только», (3) «лишь», (6) *ため* *tame* «чтобы».

Данное наблюдение может быть использовано и в обратном направлении: при поиске японских синтаксических эквивалентов для русских конструкций с прямым порядком слов SVO, относительно которых нейтральный (канонический) японский порядок SOV, как показывает данный разбор, не обязательно будет точным структурным эквивалентом.

Литература

- Вардуль 1964 – Вардуль И.Ф. Очерки потенциального синтаксиса японского языка. М., 1964. 146 с.
Гак 1998 – Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Шк. «Яз. рус. Культуры», 1998. 763 с.
Matsumoto 1997 – Matsumoto Yoshiko. Noun-Modifying Constructions in Japanese: A Frame Semantic Approach. 1997. 21 p.

Служебное слово 来着(láizhe) в современном китайском языке

Евгения В. Береза
Амурский государственный университет, Благовещенск

Function word 来着 (láizhe) in modern Chinese

Evgeniia V. Bereza
Amur State University, Blagoveshchensk

Abstract. This article is devoted to the description of the main meanings and ways of functioning of the function word 来着(láizhe) in modern Chinese, where it is quite often used to express the aspectual and temporal characteristics of the event. The frequency of using 来着(láizhe) in colloquial Chinese makes it necessary to study the basic rules of its functioning, which makes this study quite relevant. The aim of this study is to analyze and check previous results on external data. We used the corpus of Beijing Language and Culture University as the material of the study, in particular, the section of colloquial speech, represented by clippings from social networks, modern films and serials. The total number of examples considered to identify the frequency of functioning methods was 500, presented as illustrative material – 18. As a result of the study, the characteristic of the part-of-speech accessory of the function word 来着 (láizhe) is provided, an analysis of its meanings, ways of using and frequency is carried out, each of which is supported by relevant examples, the features of the functioning of this function word are indicated and some limitations of its use are highlighted.

Keywords: 来着 (láizhe), function word, recent action, remind

В современном китайском языке существуют различные способы выражения видо-временных характеристик действия или состояния, одним из которых является употребление служебных слов. В настоящем исследовании речь пойдет об одном из них – служебном слове 来着 (láizhe), основной сферой употребления которого является разговорная речь [Ивченко 2022: 443; Li Xiaoqi 2005: 211; Lü Shuxiang 1999: 348].

Среди отечественных исследователей существуют разные мнения относительно классификации служебного слова 来着(láizhe), некоторые относят его к классу частиц, а именно к группе темпоральных [Горелов 1989: 84], другие к модальным / фразовым частицам [Ивченко 2022: 443], третьи называют его суффиксом [Драгунов 1952: 131].

Во всех рассмотренных нами классификациях китайских исследователей служебное слово 来着(láizhe) относится к классу 助词(zhùcí), который на русский язык может быть переведен как *частицы*. Однако, одни исследователи его относят к группе 动态助词(dòngtài zhùcí) *аспектуальные частицы* [Yang Yuling 2011: 186; Fang Yuqing 2001: 45; Li Xiaoqi 2005: 211; Liu Yuehua 2002: 407], другие также относят к группе Aspect particles *аспектуальные частицы*, но при этом указывают, что данное служебное слово является не типичным представителем этой категории, а периферийным элементом [Xing Fuyi 2017: 319], третьи к группе 时制助词(shízhì zhùcí) *временные частицы* при этом отмечают, что оно является типичным представителем данной категории [Zhang Yisheng 2002: 6; Bai Xiaohong 2007: 235].

Несмотря на расхождение относительно классификации слова 来着(láizhe), исследователи единогласны в том, что: во-первых, служебное слово 来着(láizhe) занимает особое место в системе видо-временных показателей, так как в отличие от них оно не всегда стоит после сказуемого, а обычно помещается в конец предложения (при наличии модальной частицы ставится перед ней) [Горелов 1989: 84; Lü Shuxiang 1999: 348; Яхонтов 1957: 57]; во-вторых, оно обозначает отнесенность действия к прошлому. Относительно последнего существует несколько мнений. Большинство исследователей отмечают, что 来着(láizhe) указывает на событие, отнесенное к недавнему прошлому [Драгунов 1952: 131–132; Lü Shuxiang 1999: 349; Bai Xiaohong 2007: 236; Zhang Bin 2000: 232–233], но есть мнение, что оно является показателем прошедшего времени без указания, что действие произошло недавно [Song Yuzhu 1981: 271–276].

Мы придерживаемся мнения, что данное служебное слово используется для обозначения недавно произошедшего события, однако оценивание его как недавнего – субъективно [Liu Yuehua 2002: 407; Ивченко 2022: 443], поэтому служебное слово 来着(láizhe) также может употребляться в предложениях, где говорится о событии, которое произошло давно, но говорящий хочет подчеркнуть, что ему кажется, что оно произошло совсем недавно [Hou Xuechao 1998: 379]. Например:

你20岁时做什么来着? Ты, когда тебе было 20 лет, чем занимался?

我还记得她们几个在丽花皇宫唱歌来着。 Я еще помню, как они пели во дворце Лихуа.

Относительно обозначения служебным словом 来着(láizhe) видо-вых (аспектуальных) характеристик действия необходимо отметить, что так как при обозначении таковых в китайском языке говорящий руководствуется смысловыми признаками, семантическими и прагма-

тическими факторами [Тань Аошуан 2002: 148], аспект, выраженный данным словом, может быть разным. 来着(láizhe) может обозначать как совершенство действия, так и то, что действие происходило, но не было достигнуто результата. Таким образом, на русский язык предложения с 来着(láizhe) иногда переводятся в совершенном виде, иногда в несовершенном. Например:

谁刚才留我来着? Кто меня только что оставил?

我刚才跟你丈夫跳舞来着。Я только что танцевала с твоим мужем.

Достаточно часто факт того, что событие произошло недавно подкреплен соответствующими временными словами (232 примера из 500 (46,4%)). Например:

你猜他昨儿晚上干什么来着? Ты догадайся, что он делал вчера вечером?

他老换号,前两天还换来着,我都不愿意跟他联系。Он всегда меняет номера, два дня назад опять поменял, я уже не хочу с ним связываться.

Если нет слов, указывающих на время, значит событие произошло недавно в соответствии с восприятием говорящего [Lü Shuxiang 1999: 349] (268 примеров из 500, 53,6%). Например:

什么也没干,睡午觉来着。Совсем ничего не делал, только спал обеденный сон.

你瞧,我整东西来着。Посмотри, я прибрал вещи.

Основное поле функционирования служебного слова 来着(láizhe) для обозначения недавно произошедшего события – это повествовательные утвердительные предложения (312 примеров из 500 (62,4%)), предложения со специальным (156 примеров из 500 (31,2%)), риторическим вопросом (18 примеров, 3,6%) и альтернативным вопросом (14 примеров, 2,8%) [Zhang Bin 2000: 232–233]. Например:

我在露台上散步来着。Я прогуливался на террасе (недавно).

是谁告诉我的来着? Кто сообщил мне это (недавно)?

你最近不是非常想你儿子来着? Ты разве недавно не скучал по своему сыну?

你说是兔子还是乌鸦来着? Ты (вот-вот) сказал кролик или ворона?

Еще одно значение, которое только косвенно можно соотнести со временем, 来着(láizhe) приобретает в специальном вопросе – это просьба о напоминании того, что говорящий знает и когда-то помнил, но

забыл [Hou Hueshao 1998: 379]. В данном случае не идет речь о времени происхождения действия, употребляя данное служебное слово, говорящий просит собеседника напомнить ему что-то, обозначить еще раз. Временное значение слова 来着(láizhe) раскрывается в том, что ситуация из прошлого оказывает влияние на настоящее время, то о чем хочет спросить говорящий сейчас актуально [Zhang Bin 2000: 233]. В корпусе найдено 33 примера такого функционирования (6,6%). Например:

她丈夫叫什么名字来着? Как зовут ее мужа?
你手机号多少来着? 13711100969? Какой у тебя номер телефона?
13711100969?

Существуют следующие ограничения использования служебного слова 来着(láizhe) [Bai Xiaohong 2007: 236; Lü Shuxiang 1999: 349]:

- 1) после глагола нет других видо-временных показателей (исключением является желание показать влияние произошедшего в прошлом на настоящую ситуацию [Zhang Bin 2000: 233], в корпусе 3 примера (0,06%), например: 我都说过什么来着? *Что я когда-то говорил?*)
- 2) после сказуемого нельзя использовать результативные морфемы и модификаторы направления движения;
- 3) не используется в предложениях с дублированным глаголом;
- 4) перед сказуемым не должно быть обстоятельства образа действия;

Кроме того, ввиду обозначения действия, которое уже произошло, существуют ограничения на модальность высказывания. 来着(láizhe) не может употребляться в побудительных предложениях, отрицательных и предложениях с общим вопросом.

Таким образом, служебное слово 来着(láizhe), является одним из показателей видо-временных отношений в современном китайском языке, функции которого можно свести к двум основным: (собственно видо-временная) – указание на недавно произошедшее событие, и обозначение того, что спрашивающий ранее помнил информацию, но сейчас забыл.

Литература

- Горелов 1989 – Горелов В.И. Грамматика китайского языка. М., 1982. 279 с.
Драгунов 1952 – Драгунов А.А. Исследования по грамматике современного китайского языка. М., 1952. 231 с.
Ивченко 2022 – Ивченко Т.В. Китайский язык. Полная грамматика в схемах и таблицах. М., 2022. 736 с.
Яхонтов 1957 – Яхонтов С.Е. Категория глагола в китайском языке. Л., 1957. 181 с.

- Тань Аошун 2002 – *Тань Аошун*. Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). М., 2002. 896 с.
- Bai Xiaohong 2007 – *Bai Xiaohong*. 15 Lectures on Chinese Function Words. Beijing, 2007. 315 p. (白晓红. 汉语虚词15讲)
- Li Xiaoqi 2005 – *Li Xiaoqi*. Lectures on Modern Chinese Function Words. Beijing, 2005. 260 p. (李晓琪. 现代汉语虚词讲义)
- Liu Yuehua 2002 – *Liu Yuehua, Pan Wenyu*. Use modern Chinese grammar. Beijing, 2002. 1003 p. (刘月华, 潘文娛. 使用现代汉语语法)
- Lü Shuxiang 1999 – *Lü Shuxiang*. 800 Function Words of Modern Chinese. Beijing, 1999. 760 p. (吕叔湘. 现代汉语八百词)
- Song Yuzhu 1981 – *Song Yuzhu*. About the time particles ‘的’ and ‘来着’// Chinese language, 1981. 4. P. 271–276. (关于时间助词‘的’和‘来着’// 中国语文)
- Fang Yuqing 2001 – *Fang Yuqing*. Practical Chinese Grammar. Beijing, 2001. 437 p. (房玉清. 实用汉语语法)
- Hou Xuechao 1998 – *Hou Xuechao*. Dictionary of Function Words in Modern Chinese. Beijing, 1998. 800 p. (侯学超. 现代汉语虚词词典)
- Zhang Bin 2000 – *Zhang Bin*. Function Words in Modern Chinese. Shanghai, 2000. 315 p. (张斌. 现代汉语虚词)
- Zhang Yisheng 2002 – *Zhang Yisheng*. Particles and related forms. Hefei, 2002. 384 p. (张谊生. 助词与相关格式)
- Xing Fuyi 2017 – *Xing Fuyi*. Modern Chinese Grammar: A Clause-Pivot Approach. London, 2017. 666 p.
- Yang Yuling 2011 – *Yang Yuling*. Modern Chinese Grammar Questions and Answers. Beijing, 2011. 386 p. (杨玉玲. 现代汉语语法答问)

Именное окончание (i)la-n как показатель субстантивированного причастия

Евгения В. Бречалова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

The noun ending (i)la-n as a marker of nominalized modifier phrase

Evgeniia V. Brechalova

Russian State University for the Humanities, Moscow

Abstract. The noun ending (i)la-n consists of the declarative ending of the copula and an ambiguous morpheme -n that marks either predicatives in modifier position or nouns in topic position. The ending (i)la-n originates from a contracted quoted speech construction of the copula. Such contracted constructions are mainly used before a noun like a modifier phrase. So, it is naturally to suppose that -n in (i)la-n have to be interpreted as a modifier ending. But the syntactic distribution of noun phrases with (i)la-n shows that it can be used without any modified noun, in semantic and syntactic contexts similar to that of noun phrases marked by the topic particle. In the paper it is claimed that in that context a noun phrase with (i)la-n can be treated as nominalized modifier phrase which is rather rare in Korean.

Keywords: Korean morphosyntax, modifier phrase, nominalization, morphological ambiguity

В настоящей работе разбирается вопрос о том, какие грамматические характеристики следует приписывать каждому из показателей, входящих в состав цепочки i-la-n/Ø-la-n, в предложениях следующего типа:

- (1)
phwungswucili-**la-n** sa.yencili hyensang-ul inkan saynghwal-ey
phyenkiha-key iyongha-ye
фэншуй-Ø-**la-n** природный.ландшафт объект-ACC люди жизнь-DAT
удобный-ADV использовать-CVB
inkan-uy palcen-kwa hayngpok-ul chwukwuha-nun hakmun i-pnita.
люди-GEN развитие-COM счастье-ACC стремиться-REL наука
Copul-DEF.DECL

Фэншуй – это область знаний, которая стремится использовать объекты природного ландшафта в жизни людей так, чтобы люди развивались и жили счастливо.

По содержанию рассматриваемые предложения представляют собой определения понятий.

По синтаксической организации предложения типа (1) представляют собой Copul-конструкции. В стандартной Copul-конструкции субъект маркируется топиком или номинативом, ср.:

- (2)
phwungswucili-**nun** hakmun i-pnita.
фэншуй-ТОП наука Copul-DEF.DECL
Фэншуй – это область знаний.

В предложениях типа (1) цепочка показателей i-la-n/Ø-la-n заменяет топик при субъекте стандартной Copul-конструкции, ср.:

- (3)
phwungswucili-**la-n** hakmun i-pnita.
фэншуй-Ø-**la-n** наука Copul-DEF.DECL
Фэншуй – это область знаний.

Copul-конструкция в предложениях типа (1) часто расширена пространственным причастным оборотом, относящимся к комплементу Copul¹.

По морфологическому строению цепочка i-la-n/Ø-la-n состоит из двух показателей, присоединившихся к i/Ø, корню Copul i/Ø.

Показатель -la представляет собой утвердительное финитное окончание Copul, употребляющееся только в придаточных предложениях при глаголах речи (т. е. в придаточных косвенной речи).

Показатель -n на первый взгляд допускает двоякую интерпретацию: во-первых, он может пониматься как краткая версия топика; во-вторых, он может пониматься как окончание причастия.

Первая интерпретация выглядит сомнительно, поскольку в нормальном случае частица топика сопровождает имя и некоторые окончания деепричастий, но не финитные формы предикативов.

Вторая интерпретация выглядит более приемлемой с морфологической точки зрения, поскольку существует целая серия стяженных форм косвенной речи аналогичного строения. Они присоединяются к предикативу (обозначим его «Р»), который выполняет роль финитного предикатива придаточного предложения. Стяженные формы образовались

¹ Ср. в примере (1): «...область знаний, *которая* стремится...» Фактически все слова, расположенные между phwungswucili-**la-n** и hakmun i-pnita, образуют этот распространенный причастный оборот.

в результате сокращения развернутой конструкции: выпадения глагола речи *ha- говорить* и показателя *-ko*. Если *ha- говорить* оформлен показателем причастия *-n*, который в развернутой конструкции присоединялся к *ha-*, то получаются такие стяженные формы:

Стяженная форма	Развернутая конструкция
P-ta-n	P- ta -ko ha- n
P-nya-n	P- nya -ko ha- n
P-ca-n	P- ca -ko ha- n

Аналогично и с *Copul* в роли финитного предикатива придаточного предложения:

Стяженная форма	Развернутая конструкция
i=la=n, Ø-la-n	i=la=ko ha=n Ø=la=ko ha=n

В предложении эти стяженные формы косвенной речи функционируют как определение к последующему имени, поскольку правила порядка слов требуют, чтобы за причастием следовало имя, например:

(4)

ku pun-i na-l taytanhi sinloyha-ko iss-**ta-nun** cungke y=a.

тот господин-NOM я-ACC крепко доверять-**ta-nun** доказательство
Copul-DECL

Это доказательство того, что он мне очень доверяет.

Вот подобное стандартное употребление стяженной формы *i-la-n/Ø-la-n*:

(5)

ku san=e-y kkoch **i-la-nun** kes=un hana=to eps=e-yo.

тот гора-DAT цветы Copul-**la-nun** факт/вещь-ТОП один-ДАЖЕ
отсутствовать-FIN.DECL

В этих горах нет ничего, что можно назвать цветами.

² Выбор алломорфов *Copul* подчиняется правилу CVC-согласования: после имени, оканчивающегося на согласную, вариант *i-*; после имени, оканчивающегося на гласную, вариант *Ø-*.

Итак, естественно считать, что показателю -n в цепочке i-la-n/Ø-la-n следует приписывать грамматическую характеристику «причастие».

Однако в предложении (1) неверно считать словокомплекс phwungswucili-**la-n** определением имени sa.yencili *природный ландшафт*. Т. е. синтаксическое употребление этой цепочки отклоняется от стандартного. В настоящей работе предлагается считать подобное употребление субстантивированным употреблением причастия. Тогда предложения с таким субстантивированным причастием можно считать построенными по модели «называемое “X”-ом – это такой Y, который...» Для предложения (1) получится:

называемое «фэншуй» – это область знаний, которая...

Заметим, что субстантивация причастий не характерна для корейского языка. Она практически не используется и как словообразовательный механизм: имя el.un *взрослый*, причастие от глагола el- *взрослеть*, представляет собой редкий случай³.

³ Гораздо чаще для словообразования используется модель «причастие + имя с ограниченной синтаксической дистрибуцией». Например, имя i человек, тот. Ср. kul.ssun.i писатель от kul текст и ssu- писать, букв. тот, кто пишет тексты.

Проблема интертекстуальности в переводе
китайской классической литературы.
На примере трактата Цзи Чэна «Устроение садов»
(Юань, 园冶, XVII в.)

Елена А. Бобрикова
*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва*

Translation of Ji Cheng's *Yuanye* (园冶, 1635)
in the perspective of Intertextuality

Elena A. Bobrikova
Lomonosov Moscow State University, Moscow

Abstract. The paper focuses on the problem of translation of intertextual elements in Ji Cheng's *Yuanye* (1635), the famous Chinese treatise on garden design from the Ming dynasty (1368–1644). Searching for research methodology that could improve literary translation of Chinese classics, the paper applies a comprehensive categorization of intertextual elements, suggested by M. Verbitskaya and A. Guseva. It is shown that although, due to the nature of intertextual elements in classical Chinese literature, the translation requires commentary and explication, categorization of intertextual elements provides a new perspective for the translation metatext.

Keywords: Chinese literature, intertextuality, categorization, literary translation

Интертекстуальность глубоко присуща китайской литературной традиции в силу текстоцентричности китайской культуры, характеру китайского канона, а также авторитету классики и особым, диалогическим отношениям с ней.

Интертекстуальность и связанная с ней проблема перевода осмыслялась синологами в разных терминах не одно десятилетие. Отечественные исследователи М.В. Вербицкая и А.А. Гусева формализуют подход к решению этой проблемы путем категоризации интертекстуализмов и выделяют следующие категории [Вербицкая, Гусева 2009: 11]:

- 1) категория известности прототекста (текста, на который ссылается автор) описывает интертекстуализм с точки зрения его узнаваемости для читателя перевода. Узнаваемость весьма высока для универсальных, «ядерных» текстов для обеих культур;
- 2) категория доминантной функции интертекстуального элемента описывает интертекстуализм с точки зрения преобладающей функ-

ции речевой коммуникации по Р.О. Якобсону: экспрессивной, коммуникативной, поэтической, фатической, метаязыковой и апеллятивной;

- 3) категория уровня функционирования интертекстуального элемента (семантического, метасемиотического, метаметасемиотического) описывает интертекстуализм с точки зрения намерения автора при выборе данной языковой единицы.

Рассмотрим эти категории на материале трактата Цзи Чэна «Устроение садов» (*Юанье*, 1635 г.). Это произведение написано в духе классической литературы на *вэньяне*. Трактат посвящен эстетике и практике садово-паркового искусства. Текст представляет собой чередование «технической прозы» на *байхуа*, аналогичной по содержанию прозы на классическом *вэньяне* с обширными лирическими отступлениями, посвященными эстетике частного сада и написанными, в основном, в стиле парных построений, с обилием цитат и аллюзий.

Интертекстуализмы в трактате «Устроение садов» многочисленны, но не очень разнообразны и с точки зрения категории известности прототекста отсылают к «ядерным текстам» китайской культуры, а именно трактатам *Чжуан-цзы* («[Трактат] учителя Чжуана», IV–III вв. до н. э.) и *Лунь Юй* («Суждения и беседы», V в. до н. э.), историческим хроникам, «Историческим запискам» Сыма Цяня (II–I вв. до н. э.) и поэзии Тао Юаньмина (365–427 гг.). Отдельные главы представляют собой цитаты из классических китайских словарей *Ши мин* (II в.) и *Эр я* (III–II вв. до н. э.). Вопрос узнаваемости этих текстов русскоязычной аудиторией не вполне однозначен. С одной стороны, в эпоху глобализации и доступности информации можно предположить, что некоторые «ядерные тексты» китайской культуры типа *Лунь Юй* и *Дао Дэ Цзин* («Канон дао и дэ, VI в. до н. э.) стали универсальными. С другой стороны, даже если полагаться на необходимое, по В.М. Алексееву, условие достоверного перевода, «эрудицию с обеих сторон – переводчика-писателя и его читателя» [Алексеев 2003: 154], нельзя рассчитывать на полную узнаваемость этих текстов из-за обилия различных переводов и интерпретаций. То есть в любом случае все цитаты и аллюзии должны быть атрибутированы в той или иной форме.

Что касается доминирующей функции интертекстуальных элементов в трактате «Устроение садов», учитывая обстоятельства его написания и публикации, стоит особо отметить фатическую функцию. Как известно, автор *Юанье* Цзи Чэн имел конфуцианского образования, был художником и мастером сооружения искусственных гор, по сути ремесленником. При этом обширные пассажи изящной прозы и искусное цитирование классики в *Юанье* отчетливо указывают на то, что автор видит свое детище как произведение классической литературы

на *вэньяне* – достояние конфуанской элиты. В предисловии к *Юанье*, написанном «заказчиком» и покровителем Цзи Чэна сановником Чжэн Юаньсюнем, прямо говорится: «Кто осмелится сказать, что его труд не станет столь же знаменитым, как [трактат о ремесленном производстве, являющийся частью конфуцианского канона *Чжоу ли*] *Као гун цзи*» [Цзи Чэн 2012: 227]. Можно предположить, что Цзи Чэн использует интертекстуализмы как своего рода обращение к читателю, ученому конфуцианцу, призванное подтвердить общность культурного контекста и определить место «Устроения садов» в китайской традиции. При этом доминирующая (фатическая) функция обращена к аудитории, которая очень хорошо знакома с конфуцианским канонам и классической литературой Китая. В переводе она едва ли сможет быть реализована без подробного комментария или экспликации.

Анализируя интертекстуализмы в трактате «Устроение садов» с точки зрения уровня их функционирования, мы находим немало случаев использования цитат и аллюзий на семантическом уровне: например, глоссы из толковых словарей в описаниях типов построек. Также Цзи Чэн прибегает к интертекстуализмам для выражения метафорического, образного содержания, поднимаясь таким образом на метасемiotический уровень: нередко ссылки на стихотворения и биографию Тао Юаньмина – идеолога «опрощения» как образа жизни, который был весьма популярен в среде интеллигентов и, наряду с другими факторами, определил появление в Китае такого феномена, как «частный сад» или «сад ученого». На метасемiotическом уровне интертекстуализмы в трактате Цзи Чэна вступают в диалог с текстами конфуцианского канона и значимыми произведениями на *вэньяне*, помещая «Устроение садов» в некий «гипертекст» классической литературы Китая, сообщая таким образом читателю установку автора на авторитет классики и приверженность традиции, попутно легитимизируя его творение. Очевидно, что все перечисленные уровни функционирования интертекстуализмов должны и могут быть отражены в переводе с помощью подробного комментария.

Итак, на первый взгляд может показаться, что категоризация интертекстуализмов никак не влияет на традиционный подход к переводу классической литературы Китая и, как отмечал В.М. Алексеев почти сто лет назад, «надо оговаривать и каждое слово текста, и своего перевода» [Алексеев 2003: 150]. Однако анализ интертекстуальных элементов с точки зрения категорий, предложенных М.В. Вербицкой и А.А. Гусевой, позволяет переосмыслить форму и содержание метатекста при переводе классической литературы и сформулировать для него новые принципы. В частности, коммуникативные функции оригинального текста и намерения его автора, выраженные на разных уровнях функ-

ционирования оригинала, реализуется не столько в тексте собственно перевода, сколько в метатексте.

Литература

- Вербицкая, Гусева 2009 – *Вербицкая М.В., Гусева А.А.* Проблема перевода интертекстуальных элементов: категориальный подход // Вестник Московского университета. 2009. № 2. С. 9-18.
- Алексеев 2003 – *Алексеев В.М.* Труды по китайской литературе. Кн. 2. М., 2003. 511 с.
- Цзи Чэн 2012 – *Цзи Чэн.* Устроение садов / Пер. и коммент. е.А. Кузьминой // Иностранная литература. 2012. № 6. С. 221–236.

Дистрибуция нереферентных местоимений
в современном китайском языке:
неверидикативный подход

Елизавета Г. Гавришева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Nonveridicality and distribution
of non-referential pronouns in modern Chinese

Elizaveta G. Gavisheva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

Abstract. This article deals with the theory of nonveridicality, a relatively new linguistic approach that has hardly been used in the studies of Modern Standard Chinese language before. The theory of nonveridicality is mainly applied to the linguistic phenomenon of polarity and the problem of the asymmetry of affirmation and negation. However, as linguistic and experimental data show, nonveridicality affects many different seemingly unrelated linguistic phenomena, and its manifestations are found in typologically different languages. In particular, there are studies which shows that the theory of nonveridicality is intended to explain the distribution of indefinite pronouns, formally coinciding with interrogative pronouns, in Modern Standard Chinese language. Despite the seeming persuasiveness of the approach, the theory encountered some difficulties in this matter, which necessitates further research.

Keywords: Modern Standard Chinese language, nonveridicality, indefinite pronouns

В конце прошлого века в англоязычной лингвистической литературе появился термин «nonveridicality» («неверидикативность»). Неверидикативность – свойство утверждаемых пропозиций, которое заключается в том, что к ним неприменимы понятия истинности и ложности (безотносительность к истине) [Xie Zhiguo 2007: 124]. Например, в контексте *Возможно, его не было дома* мы не можем утверждать ни истинность, ни ложность пропозиции ‘его не было дома’, т. е. такой контекст является неверидикативным.

Теория неверидикативных контекстов используется главным образом для объяснения лингвистического явления полярности. В естественных языках существуют так называемые «элементы отрицательной полярности» (ЭОП), т. е. слова и словосочетания, которые, не будучи

отрицательными по своей природе, могут употребляться только в контексте отрицания, а также «элементы положительной полярности» (ЭПП), для которых, напротив, невозможно употребление с отрицанием. Например:

- (1a) Один человек **погоды не делает**.
- (1b) *Один человек **делает погоду**.
- (2a) Платье **изумительно** шло ей.
- (2b) *Платье **не изумительно** шло ей.
- (2c) ?Платье **изумительно не** шло ей.

Так, утвердительный контекст исключает появление отрицательно поляризированной фраземы (ЭОП) *погоды не делает*. Положительно поляризованное наречие (ЭПП) *изумительно*, напротив, возможно в утвердительном контексте, в то время как в отрицательном контексте его появление неуместно.

Элементы отрицательной полярности получили такое название, поскольку именно отрицание является ключевым фактором в их распределении, однако, как показывает лингвистический материал, в действительности ЭОП могут появляться и в других контекстах, а именно – в неверидикативных контекстах, к которым, помимо отрицания, относятся также сослагательное наклонение, императив, вопрос, сравнение, имплицитное отрицание, модальные и вводные слова со значением предположительности, неуверенности, сожаления, удивления и т. д. [Падучева 2014: 400-401].

Явление полярности – не единственное, порождаемое неверидикативностью. В частности, неверидикативный подход используется также для объяснения дистрибуции нереферентных местоимений в современном китайском языке (СКЯ).

Было замечено, что в СКЯ вопросительные местоимения в определенных контекстах могут выступать в качестве неопределенных (нереферентных) [Cheng Lisa 1994: 616]. Нереферентными называются неопределенные местоимения (ИГ), которые не соотносятся ни с каким конкретным объектом реального мира и выражают экзистенциальную квантификацию, т. е. позволяют упоминать один объект из того или иного класса (множества), не индивидуализируя его – не устанавливая референции к какому-либо объекту внешнего мира (рус. *какой-нибудь*, *кто-нибудь*, *что-нибудь* и т. д.) [Падучева 2017]. Примерами таких местоимений в СКЯ могут служить 谁 *shuí* (кто; чей; кто-нибудь, кто-то; чей-нибудь, чей-то), 什么 *shénme* (что; какой; что-нибудь, что-то; какой-нибудь, какой-то), 何时 *héshí* (когда; когда-нибудь, когда-то), 哪儿/哪里 *nǎr/nǎlǐ* (где; где-нибудь, где-то), 多少 *duōshao* (сколько; сколько-нибудь,

сколько-то), 怎么 *zěnmě* (как; как-нибудь, как-то), 为什么 *wèishénme* (зачем, почему; отчего-нибудь, отчего-то)

Как и для типичных ЭОП, для возможности появления в высказывании нереферентного местоимения необходимо наличие в предложении некоего разрешающего условия (лицензиата). Основные контексты (лицензиаты) СКЯ для нереферентных местоимений соответствуют типичным неверидикативным контекстам. Как показывают данные Корпуса современного китайского языка¹, это могут быть: отрицание, общий вопрос, условное предложение, контекст квантора общности, установка на будущее, хабитуальность и т. д. Примеры 5–6 иллюстрируют вопросительное и невопросительное употребление местоимения 什么, соответственно (разрешающим условием для возможности появления нереферентного местоимения в примере (6) выступает контекст общего вопроса):

(5) 你想吃什么?

nǐ xiǎng chī shénme

2SG хотеть есть что

‘Что ты хочешь есть?’

(6) 你想吃什么吗

nǐ xiǎng chī shénme ma

Ты хотеть есть что Q

‘Ты хочешь **чего-нибудь** поесть?’

Кроме того, так же, как и для элементов полярности, существуют некоторые типичные контексты, препятствующие появлению нереферентных местоимений. К ним относятся: простое утвердительное высказывание изъявительного наклонения (включая риторическое значение), частный вопрос и т. д. [Xie Zhiguo 2007: 128]. Ср.:

(7) 老师自己可以教学生什么

lǎoshī zìjǐ kěyǐ jiào xuéshēng shénme

учитель сам может учить ученик что

‘[Да] **чему** учитель сам может научить учеников?’; *‘Учитель может сам **чему-нибудь** научить учеников’.

¹ CCL语料库检索系统 (网络版). 北京大学中国语言学研究中心. CCL text corpus retrieval system Peking University Chinese Linguistics Research Center. (network edition). URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus; BCC 语料库 Beijing Language and Culture University Corpus. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn>.

(8) 老师错以为自己可以教学生什么

<i>lǎoshī</i>	<i>cuò</i>	<i>yǐwéi</i>	<i>zìjǐ</i>	<i>kěyǐ</i>
учитель	ошибочно	считать	сам	может
<i>jiào</i>	<i>xiéshēng</i>	<i>shénme</i>		
учить	ученик	что		

‘Учитель ошибочно полагает, что может **чему-нибудь** научить учеников’.

Тем не менее существуют также примеры употребления нереперентных местоимений в контекстах, нетипичных для других ЭОП. Их наличие ставит под сомнение правомерность объяснения, предлагаемого теорией неверидикативности [Xie Zhiguo 2007: 126]. К таким контекстам относится, в частности, контекст дуратива:

(9a) 明子的母亲和花子的母亲在亲切地谈着什么。

<i>Míngzi</i>	<i>de</i>	<i>mǔqīn</i>	<i>hé</i>	<i>huāzǐ</i>	<i>de</i>	<i>mǔqīn</i>
Акико	POSS	мать	и	Ханако	POSS	
<i>zài</i>	<i>qīnqiè</i>	<i>de</i>	<i>tán-zhe</i>	<i>shénme</i>		
DUR	дружески	ADV	обсуждать-DUR	что		

‘Мать Акико и мать Ханако вели о **чем-то** дружескую беседу’.

Также нереперентные местоимения могут появляться в веридикативных контекстах при указании на полное безразличие субъекта по отношению к объекту, к которому они отсылают:

(107) 王明在路上买了盒什么水果就赶来了。

<i>Wáng</i>	<i>Míng</i>	<i>zài</i>	<i>lù-shàng</i>	<i>mǎi</i>	<i>le</i>
Ван	Мин	PREP	дорога-LOC.в	покупать	PERF
<i>hé</i>	<i>shénme</i>	<i>shuǐguǒ</i>	<i>jiù</i>	<i>gǎn-lái</i>	<i>le</i>
CLF	какой	фрукт	MOD	спешить-DIR	PERF

‘Ван Мин купил по дороге коробку **каких-то** фруктов и поспешил сюда’.

Еще одним нехарактерным для классических ЭОП лицензиатом нереперентных местоимений в СКЯ является контекст цитации (часто сопровождается неодобрительным/пренебрежительным отношением говорящего по отношению к предмету речи):

(10)说什么“既然是要我负 总，那就要按我的意见办”。

<i>shuō</i>	<i>shénme</i>	<i>jiǎn shì</i>	<i>yào</i>	<i>wǒ</i>	<i>fù</i>	<i>zǒng</i>
говорить	что	раз	FOC	хотеть я	брать	ответственность
<i>nà jiù</i>	<i>yào</i>	<i>àn</i>		<i>wǒ</i>	<i>de yìjiàn</i>	<i>bàn</i>
то	MOD	нужно согласно	1SG	POSS	мнение	делать

‘... говорит, **типа**: «Раз хотите, чтобы я за все отвечал, то надо делать по-моему»’.

Материал СКЯ свидетельствует о большом потенциале теории неверидикативности, которая, тем не менее, на данный момент не способна полностью объяснить дистрибуцию нереферентных местоимений в СКЯ, что, в свою очередь, обуславливает необходимость дальнейших исследований.

Литература

- Падучева 2014 – *Падучева Е.В.* Отрицание, снятая утвердительность и двойственность // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. СПб., 2014. С. 400–413.
- Падучева 2017 – *Падучева Е.В.* Референциальный статус именной группы. 2017 // Интернет-проект «Русская корпусная грамматика». URL: http://rusgram.ru/%D0%A0%D0%B5%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%81_%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%BF%D0%BF%D1%8B (дата обращения: 29.05.2023).
- Cheng Lisa 1994 – *Cheng Lisa*. Wh-words as Polarity Items // Languages in China and Linguistics. 1994. № 2. P. 616-640.
- Xie Zhiguo 2007 – *Xie Zhiguo*. Nonveridicality and Existential Polarity Wh-Phrases in Mandarin // Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society. 2007. № 2 (43). P. 121–135.

Морфологический статус
аппликативных показателей
в современном китайском языке

Валерия А. Горбунова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Morphological status of applicative
indicators in Mandarin

Valeriia A. Gorbunova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

Abstract. This paper is devoted to the study of morphological means used to express changes in the structure of an event in Mandarin. The author focuses on the indicators that are currently in the process of grammaticalization and morphologization, and examines this process using the example of the applicative indicator 给 *gěi*. The tendency of the gradual transformation of auxiliary words into affixes was marked.

Keywords: grammaticalization, morphologization, applicative constructions, valence-changing constructions

Данный доклад посвящен исследованию морфологических средств, служащих для выражения изменений в структуре события в современном китайском языке (СКЯ). В нашем докладе мы уделим основное внимание показателям, которые в данный момент находятся в процессе грамматикализации и морфологизации, и рассмотрим данный процесс на примере аппликативного показателя 给 *gěi*.

Однако прежде всего кратко обозначим, что такое аппликативность. Аппликатив – тип актантной деривации, при котором в ситуации, описываемой исходным двухактантным глаголом, позицию второго актанта занимает участник ситуации, выполняющий роль Адресата, Бенефактива, Малефактива, Инструмента, Места, Цели и т. д., который в исходной ситуации выступал третьим актантом (занимал позицию косвенного дополнения) или сирконстанта и был необязательным [Храковский 2011: 185].

Природа аппликативных показателей в СКЯ представляет собой дискуссионный вопрос. Так, 给 *gěi* имеет отглагольное происхождение от знаменательного глагола ‘давать’:

(1) 他的话给了我很大的启示。

Tā-de huà gěi-le wǒ hěn dà-de qǐshì

3.Sg-POSS слова давать-PFV 1.Sg очень большой-ATTR вдохновение
'Его слова очень вдохновили меня'

В ходе грамматикализации продуктивных сериальных конструкций, в которых использовался глагол 给 *gěi*, образовались новые синтаксические структуры, в которых 给 *gěi*, очевидно, выступает в качестве служебного грамматического показателя. Обычно 给 *gěi* встречается в трех основных конструкциях в сочетании со смысловым глаголом [Paul, Whitman 2010: 265]:

(2) a. S V-gěi IO DO (конструкция с двумя дополнениями):

美国出口商卖给了英国进口商一批商品。

Měiguó chūkǒushāng mài-gěi-le Yīngguó jìnkǒushāng

Америка экспортер продавать-APPL-PFV Англия импортер

yī-pī shāngpǐn

один-CL товар

'Американский экспортер продал партию товара английскому импортеру.'

b. S V DO [_{PP} gěi IO] (дательная конструкция):

美国出口商卖一批商品给英国进口商。

Měiguó chūkǒushāng mài-le yī-pī shāngpǐn

Америка экспортер продавать- PFV один-CL товар

gěi Yīngguó jìnkǒushāng

PREP Англия импортер

'Американский экспортер продал партию товара английскому импортеру.'

c. S [_{PP} gěi IO] V DO (бенефактивная конструкция):

他给我当翻译。

Tā gěi wǒ dāng fānyì

3.Sg PREP 1.Sg быть переводчик

'Он переводит для меня'

В (2с) и (2б) 给 *gěi* не примыкает к глаголу, его можно считать предлогом, аргументы этой трактовки следующие:

1) В этих конструкциях 给 *gěi* не допускает после себя видо-временные суффиксы [Paul 2016: 128], например, 了 *-le*, это характерная грамматическая примета глаголов (кроме служебных):

(3) *他给了我当翻译。

Tā gěi-le wǒ dāng fānyì

3.Sg PREP-PFV 1.Sg быть переводчик

'Он переводит для меня'

- 2) 给 *gěi* и вводимое им косвенное дополнение могут выноситься в абсолютное начало предложения, подобная стратегия топикилизации характерна для предложных групп, но невозможна для глагола:

(4) 给我他当翻译。

Gěi wó tā dāng fānyì
 PREP 1.Sg 3.Sg быть переводчик
 ‘Для меня он переводит’

В конструкциях типа (2a) 给 *gěi* примыкает к смысловому глаголу и оформляется видо-временными суффиксами, как в примере (5) [Paul 2016: 128]. Наличие суффикса 了 *-le* в этой конструкции делает невозможной трактовку 给 *gěi* как предлога, однако это можно считать косвенным аргументом в пользу трактовки 给 *gěi* как аффиксальной морфемы или квазиаффикса. Кроме того, мы можем рассматривать данное явление как инкорпорацию предлога в структуру глагола, о которой писал М. Бейкер в [Baker 1988: 341-347], однако данное утверждение требует дополнительного рассмотрения.

(5)将自己的石油资产卖给了外国公司。

jiāng zìjǐ-de shíyóu zīchǎn mài-gěi-le wàiguó gōngsī
 ACC свой-DET нефть актив продать-APPL-PFV иностранный компания
 ‘[Он] продал свои нефтяные активы иностранным компаниям.’

В конструкции типа (2a) 给 *gěi* не является знаменательным глаголом, не может он считаться и частью составного глагола (compound verb). В составных глаголах в вопросах со структурой «V-NEG-V» (общий вопрос) (6) редуцироваться может либо первый компонент сложного глагола, либо оба компонента, т. е. сложный глагол целиком. В сочетании V-*gěi* отрицание не может располагаться после 给 *gěi* (7b) [Paul 2016: 129]. Это свидетельствует о том, что сочетание V-*gěi* не является единицей лексического уровня в отличие от составного глагола.

(6) a. 你喜不喜欢看戏?

Nǐ xǐ bù xǐhuan kàn xì
 2.Sg любить NEG любить смотреть театр
 ‘Ты любишь театр?’

b. 你喜欢不喜欢看戏?

Nǐ xǐhuan bù xǐhuan kàn xì
 2.Sg любить NEG любить смотреть театр
 ‘Ты любишь театр?’

(7) a. 他还不还给你钱?

Tā huán bù huán gěi nǐ qián
3.Sg вернуть NEG вернуть APPL 2.Sg деньги
'Он вернет тебе деньги?' [Paul 2016: 129]

b. *他给还不还给你钱?

Tā huán gěi bù huán gěi nǐ qián
3.Sg вернуть APPL NEG вернуть APPL 2.Sg деньги
'Он вернет тебе деньги?' [Paul 2016: 129]

Так, в [Paul 2016: 125–130] продемонстрирована невозможность однозначной трактовки 给 *gěi* как самостоятельного глагола или частью составного слова (compound verb), однако и традиционное представление 给 *gěi* как предлога представляется сомнительным. На материале китайского языка мы можем наблюдать образование аппликатива на базе грамматикализации сериальной глагольной конструкции, что характерно для языков изолирующего строя. Однозначно определить статус аппликативного показателя в СКЯ представляется затруднительным, поскольку он может трактоваться как аффикс, квазиаффикс или слово.

Литература

- Храковский 2011 – Храковский В.С. Каузативная деривация (особый случай) // Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы: Материалы и тезисы докладов / Под ред. В.С. Храковского. СПб.: Нестор – История, 2011. С. 184–192.
- Baker 1988 – Baker M. Incorporation: A Theory of Grammatical Function Changing. Chicago: University of Chicago Press, 1988. 691 p. URL: <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/15069> (дата обращения 30 мая 2023).
- Paul, Whitman 2010 – Paul W., Whitman J. Applicative Structure and Mandarin ditransitives // Argument Structure and Syntactic Relations. A cross-linguistic perspective / Ed. by M. Duguine, S. Huidobro, N. Madariaga. Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 261–282.
- Paul 2016 – Paul W. Double Object Construction // Encyclopedia of Chinese Language and Linguistics / Ed. by R. Sybesma Leiden: Brill, 2016. P. 125–130.

Неологизмы в современных китайских массмедиа

Даулань Майэрхали
Казанский Федеральный университет, Казань

Юлия А. Мустафина
Казанский Федеральный университет, Казань

Neologisms in the modern Chinese mass media

Dawulan Maierhali
Kazan Federal University, Kazan

Iuliia A. Mustafina
Kazan Federal University, Kazan

Abstract. The article deals with the problem of the emergence of neologisms in the modern Chinese language of mass media. It is emphasized that neologisms are not only a new unit of language, but also act as a reflection of changes in society and social structure that can be traced in the Chinese language, and in particular in the mass media, which occur under the influence primarily of computerization, globalization and other factors. The process of continuous improvement of the language, the formation of new, unique lexical units requires theoretical study and illustrative examples, which will allow us to successfully systematize all the newly arrived neological material, determine the basic rules that govern the formation of new neologisms and identify the direct dependence of linguistic and socio-cultural factors, and will also allow us to immerse into the modern language space of China.

Keywords: Chinese, neologisms, mass media, vocabulary

Возникновение неологизмов и их внедрение в общество, как правило, обусловлено развитием социума, изменением, которое оно претерпевает вкупе со всеми сферами жизнедеятельности человека. Так, в конце 70-х гг. XX в., Китай начал новую, неизвестную для себя ранее политику «реформ и открытий», которая характеризовалась не только нововведениями в экономической сфере, но также затронула и социальную составляющую государства. В течение следующих 10 лет в китайской речи стали появляться все новые и новые неологизмы (新词语 *xīncíyǔ*), борющиеся друг другом за место в устной и письменной речи китайцев, число которых росло чуть ли не в геометрической прогрессии в языке

народа. «Для воспроизведения и закрепления новых понятий любой язык вынужден порождать новые лексические единицы. Чаще всего, их рождение – это следствие иного восприятия действительности, необходимости обозначения возникшей реалии» [Гальцева 2014:1].

В широком смысле под неологизмами принимают новые понятия уже используемых слов, а также их измененные значения в рамках той или иной сферы человека. СМИ выступает не только рычагом воздействия на общество, но также доносят до народа и закрепляют характерные символы эпохи. И именно поэтому в средствах массовой информации неологизмы употребляются наиболее часто.

Известно также, что Китай – страна с наиболее большим количеством пользователей сети Интернет и других средств массовой информации [Ефремов 2013]. Так, в опубликованной статье «Объединенного информационного интернет-центра Китая (CNNIC)» и их статистического исследования развития интернета, к лету 2020 г. 77% населения страны являлись активными пользователями всех видов СМИ [CNNIC 2020:32]¹. И именно это еще раз свидетельствует о том, что в Поднебесной интернет-пространство и сфера масс медиа широко развиты и являются самой благоприятной средой для достижения различных целей коммуникации.

Для написания этой статьи мы выбрали наиболее распространенные единицы, встречающиеся в китайских СМИ, отличающихся особой живостью, возможностями самовыражения и характерной специфичностью, которые многие языковеды называют «лингвистическим творчеством», приводящим к созданию ярких языковых явлений, позволяющих добиваться решения актуальных коммуникативных задач.

Так, можно условно распределить неологизмы на группы, вот некоторые из них:

- 1) лексика, с оттенком повседневности, отражающая в себе быт людей, отношения между представителями социума, их привычки, чувства и эмоции, например:

顶 dǐng (букв. «нести на голове, толкать вперед») – «поддерживать, восхищаться» впервые появился в фильме Стивена Чоу «Шаолиньский футбол». Данное слово часто используется в трансляциях киберспорта и в спортивных новостях; 汗 hàn (букв. «пот, испарина») – «смутиться, стыдиться» появился из сценки Чэнь Пейси «Создание фильма»;

¹ Statistical Report on Internet Development in China. 2020. September. URL: <https://www.cnnic.com.cn/IDR/ReportDownloads/202012/P020201201530023411644.pdf>. р. 22 (дата обращения: 10.12.2022).

摸鱼 mōyú (букв. «трогать рыбу») – «создавать видимость работы, лениться» произошел от идиомы 浑水摸鱼 «ловить рыбу с неожиданной выгодой». Описывает людей, которые лишь создают вид работы;

内卷 nèi juǎn (букв. «скрученный внутри») – «бессмысленная конкуренция» термин, появившийся в 2020 г. использовался студентами для обозначения иррациональной конкуренции (конкуренция за ограниченные ресурсы со снижением индивидуального соотношения усилий и выгод, т. е. борьба за ограниченный ресурс, где конкурируют все больше людей, а выгоды становится меньше). Позже термин распространился и на другие группы людей для жалоб на сильное давление в обществе. Также у неологизма есть и второе значение – одновременного движения, например, ехать на велосипеде и слушать лекцию в наушниках и т. д.;

2) Неологизмы, возникшие ввиду развития интернета и активной коммуникации в сети, например:

潜水 qiǎnshuǐ (букв. «погружаться в воду») – «скрытый режим онлайн» относится к человеку, который в интернете только читает новости, чаты без раскрытия своей личности и без публикации личной информации, а также, который не отвечает другим пользователям сети. Такое поведение сравнивают с нырянием в воду; 灌水 guǎnshuǐ (букв. «поливать») – «спамить» означает отправку бессмысленных сообщений; 大虾 dà xiā (букв. «королевская креветка») – «продвинутый пользователь Интернета» противоположный 菜鸟. Описывает человека с богатым опытом и глубокими знаниями.

Также неологизмы разделяют по способу образования. Среди них:

1) лексические созвучия (омонимия): «желаю тебя счастья» (оригинал 祝你快乐 zhù nǐ kuàilè заменяется на 版猪 bǎnzhū, где 猪 zhū имеет значение «свинья»);

2) заимствования. В конце XX – начале XXI в. в китайском языке лексический состав пополняется за счет заимствований. Этому способствует повсеместное развитие и взаимодействие культур в самых разнообразных сферах жизни: в науке, культуре, религии и т. п., Например, это такие фонетические заимствования как:

酷 kù (разг. круто, крутой) – “cool”;

3) графические неологизмы образованы методом комбинирования латиницы и иероглифики. Языковед порой определяют их как слова-кентавры. Их подразделяют на:

1. созданные с помощью соединения латинского алфавита и китайских иероглифов: 栓Q shuān Q (букв. «затвор Кыю») – спасибо 我emo了 wǒ emo le (букв. «я эмо») – эмоциональный человек

2. созданные с помощью соединения арабской цифры и иероглифа: 10后 поколение, родившиеся с 2010 по 2019 г.

3. Визуальный способ: T型台 – подиум. Сцена похожа на букву Т.

4. Состоит из иероглифов, букв латинского алфавита и арабских цифр: 2H准则 – сохранять спокойствие и стремиться к победе;
4) Явление аббревиации – аббревиатура с использованием заглавных букв в транскрипции слогов:

WA – wā восклицание «Wā! », выражающее восторг (иер. 哇);

GG – gēge «старший брат/ друг мальчик» (иер. 哥哥);

Стоит отметить, что все вышеуказанные процессы и методы возникновения данных языковых единиц в китайском языке во многом совпадают с процессами словообразования в английском и русском языках, а именно активные заимствования, использование аббревиатур, смешанных форм и так далее [Иванова 2011].

Нужно помнить, что подобные изменения в языке неизбежны и нам ничего не остается, кроме как принимать их, изучать и активно использовать в нашей речи, ведь как говорила И. М. Некипелова: «Язык должен постоянно развиваться, продуцируя новые формы своей реализации. Отсутствие развития языковой системы приводит к ее смерти» [Некипелова 2015:354].

Литература

- Гальцева 2014 – Гальцева А.А. Неологизмы XXI века. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/neologizmu-xxi-veka> (дата обращения: 30.11.2022).
- Ефремов 2013 – Ефремов В. Русский язык в Интернете // Журнальный зал. 2013. Октябрь. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2013/5/e15.html> (дата обращения: 30.11.2022).
- Иванова 2011 – Иванова Т.С. Речевое поведение общения масс-медиа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/rechevoe-povedenie-mass-media> (дата обращения: 01.12.2022).
- Некипелова 2015 – Некипелова И.М. Глобализация языка: неизбежность или необходимость? URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/globalizatsiya-yazyka-neizbezhnost-ili-neobhodimost> (дата обращения: 30.11.2020).

Тополектизация поэтического текста в годы формирования китайской «новой поэзии»¹

Юлия А. Дрейзис

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва
Институт языкознания РАН, Москва

Poetic Topolectization in the Formative Years of the Chinese “New Poetry”

Iuliia A. Dreyzis

Lomonosov Moscow State University, Moscow
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow

Abstract. The paper explores the infiltration of topolect into the poetry of Liu Bannong, induced by the Folk Song Collection Movement, often labeled as “introducing vernacular into poetry” (*tubai ru shi*). The language of Liu Bannong’s New Poetry presents a complex hybrid between the emerging literary norm, local Beijing vernacular and his native lect of the northern Taihu region. Many contemporaries noted his poetry’s merits and his invaluable contribution to New Poetry development, greatly facilitated by Liu Bannong’s professional linguistic training. Despite the fact that further influence of Liu Bannong’s topolect poetry remained underestimated, the emerging connection between the topolect and the authentic embodiment of the idea of a national language has become important for any discussion about language reform in the new China.

Keywords: contemporary poetry, Liu Bannong, oral / written dichotomy, topolect poetry

Так называемая китайская новая поэзия (*синь ши* 新诗) появилась на свет как часть масштабной литературной революции, запущенной в 1916–1917 гг. и затронувшей всё пространство китайской литературы. Главным отличием «новой поэзии» от традиционных форм была установка на использование вернакуляра – а также отказ от ритма, метра и рифмовки классической поэзии, по меньшей мере декларативный.

Существовавшее на протяжении многих столетий напряжение между строгостью формы, заточенной под классический письменный «высокий» язык (*вэньянь* 文言), и периодически возникающим стремлением писать на языке разговорном, было переосмыслено теоретиками «новой

© Дрейзис Ю.А., 2023

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

поэзии» в духе бинарной оппозиции. Группа интеллектуалов, тесно связанных с Пекинским университетом, провозгласила, что не письменный китайский литературный канон, но скорее развитие устной словесности должно служить образцом новой литературы на вернакуляре [Там 2020: 114]. Чтобы донести свою концепцию до более широкого круга исследователей и авторов, эта группа во главе с Лю Баньнуном 刘半农 (1891–1934), сформировала Бюро по сбору народных песен при Пекинском университете (*Бэйцзин дасюэ гэяо чжэнцзи чу* 北京大学歌谣征集处).

Участники группы сделали ставку именно на народные песни, так как эти тексты соответствовали всем требованиям пришедшей языковой модерности: они были устными, они нарушали строгие правила «высокой» поэзии и происходили при этом из народной среды. Они олицетворяли невыразимую подлинность повседневности, которую так отчаянно пыталось ухватить литературное движение «четвёртого мая». Устное измерение повседневности принимало в них форму тополектного².

Прежде всего именно устный характер народных песен делал их заслуживающими изучения. Однако их фиксация, как отмечал Чжоу Цзожэнь 周作人 (1885–1967), составляла проблему: озвучивание песен, исполняемых на тополекте, не было очевидным для читателя; тексты часто содержали тополектную лексику, для записи которой отсутствовали соответствующие символы. Чжоу считал подлинное сохранение «тополектной поэзии» (*фаньянь ши* 方言诗) почти невыполнимой задачей [周作人 1923: 1].

Мы рассмотрим индуцированное движением за сбор народных песен просачивание тополекта в поэтические тексты Лю Баньнуна, часто маркируемое как «проникновение просторечия в поэзию» (*тубай жу ши* 土白入诗) [饶孟侃 1926: 20].

Язык «новой поэзии» Лю Баньнуна представляет собой сложный гибрид между формирующейся литературной нормой, локальным пекинским просторечием и родным для него северным *у* региона Тайху (*уюй Тайху нянь фаньянь* 吴语太湖片方言). Тексты Лю Баньнуна, о которых идёт речь, были опубликованы только в 1926 г. При этом многие отмечали заслуги Лю как «первого человека в китайской литературе,

² Термин «тополект» был предложен синологом Виктором Мэром [Maig 1991] в качестве наиболее нейтрального перевода китайского термина *фаньянь* 方言, традиционно используемого для описания идиомов с проблемным статусом (китайских «диалектов»). Мы будем применять термин «тополект» как обозначение репрезентативного идиома для каждого пучка близких диалектов (С.Е. Яхонтов называет их «группами диалектов», носители которых «не понимают друг друга» [Яхонтов 1980]), составляющих более крупные региональные разновидности языка.

который использовал тополект и низкий стиль (*ли дяо 俚调*) для создания стихов, причём успешно» [渠门 1985: 277], чему немало способствовало и наличие у него профессиональной лингвистической подготовки. Кроме того, он много сил отдавал фольклористике, и тексты его поэтических сборников «Взмах плети» (*Ян бянь цзи 扬鞭集*, 1926) и «Глиняный котёл» (*Вафу цзи 瓦釜集*, 1926) имитировали стиль народных песен.

В отдельных стихах Лю Баньнуна («Хлеб и соль» *Мяньбао юй янь 面包与盐*; «Подражание песенке» *Ни ницуй 拟拟曲*) доминирует пекинский говор, но большая часть характеризуется преобладанием родного для поэта говора Цзяньиня 江阴. В сборнике «Глиняный котёл» содержится 21 текст такого плана; несколько стихотворений («Подражание детской песенке» *Ни эргэ 拟儿歌*; «Кипение» *Фэйжэ 沸热*; «Тридцатый день рождения» *Саньши чуду 三十初度*; «Вечер крестьянина» *Игэ сяо нунцзя дэ му 一个小农家的暮* и др.) вошли и в его книгу «Взмах плети». Некоторые стихи явно маркированы пометой «с использованием тополекта» (например, «Подражание детской песенке»).

Рассмотрим подробно 19-й текст сборника «Глиняный котёл» – «Что за платье стираешь ты, сестрица, на берегу?» (*Хэбянь лан ацзе ни сигэ ша ишан 河边浪阿姐你洗格啥衣裳*). Как и все остальные стихи сборника (кроме самого первого текста), это стихотворение представляет собой имитацию народной песни и содержит большое количество тополектной лексики.

Отдельные лексемы автор считает нужным пояснить для читателя, приводя в сноске их нормативные соответствия (*и цзи 一记* ‘один взмах, удар’ = *и ся 一下*; *лэду 勒笃* ‘находиться’ = *цзай 在*). Другие (например, *лан 浪* ‘на’ = *шан 上*) оставляет без комментария. С точки зрения формы тексты сборника тяготеют к определённому типу четверостишия, который широко представлен в народной поэзии *шаньгэ 山歌* (букв. «горные песни»), однако строки не равны по числу слогов. Большая часть текстов строится на разного рода повторах и полуповторах; в них используются эмфатические частицы, характерные для цзяньиньского говора, и так называемые «вставки» (*чэньцзы 衬字*), вводимые сверх размера ради ритмического и мелодического разнообразия.

Несмотря на то, что движение за сбор народных песен быстро утало, а влияние тополектной поэзии Лю Баньнуна, например, на авторов группы «Новолуние» (*Синъюэ пай 新月派*), осталось недооценённым, возникшая связка между тополектом и аутентичным воплощением идеи общенационального языка стала важной для любой дискуссии о языке и языковой реформе в новом Китае.

- Зограф 2016 – *Зограф И.Т.* Среднекитайский язык: Опыт структурно-типологического описания. М., 2016. 259 с.
- Яхонтов 1980 – *Яхонтов С.Е.* Оценка степени близости родственных языков // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980. С. 148–157.
- Mair 1991 – *Mair V.H.* What Is a Chinese ‘Dialect/Topolect’? Reflections on Some Key Sino-English Linguistic terms // *Sino-Platonic Papers*. 1991. № 29. P. 1–31.
- Tam 2020 – *Tam G.A.* Dialect and Nationalism in China, 1860–1960. Cambridge, 2020. 261 p.
- 饶孟侃 1926 – *Жао Мэнкань* 饶孟侃. Синьши хуа: тубай жу ши 新诗话·土白入诗 (О новой поэзии: проникновение просторечия в поэзию) // *Чэньбао фукань*. *Ши цзюань* 晨报副刊·诗铎. 1926. № 8. С. 20–64.
- 渠门 1985 – *Цюй Мэнь* 渠门. Ду «Вафу цзи» ихоу пэн Баньнун сяньшэн 《读瓦釜集》以后捧半农先生 (Хвалебное слово господину Баньнуну по прочтении сборника «Глиняный котёл») // Лю Баньнун яньцзю цзыляо 刘半农研究资料 (Исследовательские материалы по творчеству Лю Баньнуна). Тяньцзинь 天津, 1985. 542 с.
- 周作人 1923 – *Чжоу Цзожэнь* 周作人. Гэю юй фаньянь дяоча 歌谣与方言调查 (Народные песни и диалектологические исследования) // *Гэю чжоукань* 歌谣周刊. 1923. № 31. С. 1–3.

Анализ категориальной нестабильности
лексем семантического класса НАПРАВЛЕНИЕ
на материалах текста Луньхэн (I в. н. э.)
и русско-китайского корпуса

Анастасия Д. Дурыманова
*Российский государственный гуманитарный университет
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва*

Semantic class *DIRECTION*'s lexemes
and its lexical categories' inner-instability

Anastasiia D. Durymanova
*Russian State University for the Humanities
National Research University «High School of Economics», Moscow*

Abstract. The paper aims to highlight and try to clarify several questions aroused by some evidences about lexical categories flexibility in the Chinese language, specifically in the post-Classic Chinese like the Lunheng text (I A.D.). This paper deals with the most likely noun lexemes included in the *DIRECTION* semantic class such as 東 *dōng* 'east', 南 *nán* 'south', 西 *xī* 'west', 北 'north'. After proceeding several stages of analysis (compatibility with the specifically chosen distinction contexts ran by automatic algorithm, semantic class differentiation, syntactic distribution analysis etc) we got some results emphasizing the fact that the *DIRECTION* semantic class lexemes 'east', 'south', 'west' and 'north' can demonstrate some occasional syntactic shift. This can indirectly lead to a possible conclusion that some noun lexemes associated with the *DIRECTION* semantic class not only possess noun lexeme's features but verb's as well, still maintaining some grammar restrictions.

Keywords: lexical categories, syntactic function, semantic class, Lunheng, distinction context

Задача данного исследования выяснить, есть ли разница между именами и глаголами, и, если есть, в чем она выражается. Ввиду отсутствия морфологии, морфологический анализ видится бесперспективным, а синтаксический дистрибутивный – едва ли не единственно возможным и эффективным методом анализа.

Для того, чтобы исследовать лексемы на серьезных объективных основаниях, мы выработали критерии отбора класса лексем, потенциально принадлежащих к именам или глаголам. Одним из таких

критериев стала классификация лексем в зависимости от их употребления в так называемых *дистинктивных контекстах*¹. При помощи автоматизированного алгоритма на базе языка программирования Python было проанализировано 250 лексем, составившие 84 241 вхождение. При этом каждую из 250 лексем удалось разметить хотя бы в некоторых случаях.

Чтобы получить более четкую картину возможных различий или сходств критериев категориальной принадлежности исследуемых 250 лексем из Луньхэна (предположительно именных и глагольных), мы проанализировали данный список на материале параллельного русско-китайского корпуса современных текстов². В количественном измерении мы получили соизмеримые результаты частотности и в Луньхэне, и в корпусе. В следствие чего мы можем заключить, что проведение подобного сравнения не будет искаженным в виду сильного различия в показателях частотности.

После мы получили 29 лексем ни разу не встретившихся в предикативных контекстах в современном корпусе, но более одного раза встретившихся в аналогичных контекстах в Луньхэне, которые можно условно разделить на разные семантические классы, в зависимости от того, обозначают ли лексемы объект или действие. Наше деление на семантические классы опирается на более ранние работы [Sun 2020: 154-155; Bisang 2008a: 568-589; Bisang 2008b]. В данной работы мы не будем рассматривать все семантические классы, так как для нас в настоящем интересуется лишь один:

Направление

Данный семантический класс не проанализирован в вышеуказанных исследованиях, но основываясь на наших данных, мы делаем вывод что, возможные предикативные функции (не переходные): направляться КУДА-ТО и совершать действия по направлению КУДА-ТО.

- 東 dōng ‘восток’
- 南 nán ‘юг’
- 西 xī ‘запад’
- 北 běi ‘север’

¹ Дистинктивные контексты – место в предложении рядом с определенной лексемой, которое позволяет определять синтаксическую функцию лексемы (аргумент или предикат), находящейся в пределах контекста. Фактически ДКон помогает идентифицировать позицию, занимаемую лексемой справа или слева от него, как аргументную или предикативную. Один и тот же ДКон не может идентифицировать позицию и аргумента, и предиката одновременно (на базе исследуемого материала).

² <http://ruzhcorp.ruscorpora.ru>

Рассмотрим проблему подробнее на примере лексемы 南 *nán* ‘юг’

Общая частотность лексемы 南 *nán* в Луныхэне 183. Исключить из рассмотрения стоит 36 вхождений, где 南 *nán* является частью имени собственного, например:

淮南 *Huáinán* Хуайнань (название местности с южной стороны р. Хуанхэ), 南陽 *Nányáng* Наньян (местность, находящаяся на территории современной провинции Хэнань) и т. д.

Среди оставшихся 147 употреблений 南 *nán* находится в предикативной позиции в 3 случаях, например:

(a)

使	治	廟	汾陰	南
shǐ	zhì	miào	fényīn	nán
CAUS	управлять	храм	Фэньинь	юг
‘приказал, чтобы храм переместили к югу в Фэньинь’				

Так 南 *nán*, используется в позиции предиката в значении либо ‘находиться на юге’, либо ‘направляться на юг’.

Довольно интересным видится употребление 南 *nán* фактически в глагольном двуслоге типа 南徙 *nán xǐ* ‘юг переселяться’, 南游 *nán yóu* ‘юг странствовать’, 南望 *nán wàng* ‘юг смотреть’. Двуслоги подобного типа имеют значение ‘совершать какое-то действие в направлении юга’.

(b)

孔子	東	南	望
Kǒngzǐ	dōng	nán	wàng
Конфуций	восток	юг	смотреть
‘Конфуций обратил взор на юго-восток’			

Нельзя сказать, что 南 *nán* в таких случаях не занимает позицию предиката, а лишь обозначает направление глагола движения, как в примере выше 汾陰南 *fényīn nán* [‘перенести] к югу в Фэньинь’.

Но в случае, если необходимо поставить отрицание 不 *bù* ‘не’ (в предложении занимает место после субъекта перед предикатом), оно будет предшествовать всему двуслогу, тем самым обозначая, что 南 *nán* является не только модификатором направления, но и частью глагольного двуслога, то есть с чисто синтаксической точки зрения все же занимает позицию предиката.

(c)

雖	不	南	北	徙
suī	bù	nán	běi	xǐ
хотя	NEG	юг	север	переселяться
‘хотя и не переселились на юг и север’				

Особенно данная структура выглядит необычной в виду того, что также в текстах I–II вв. н. э. при необходимости использовать глагол движения и модификатор направления уже использовалась структура *глагол+модификатор*, но не *модификатор+глагол*:

(d)

徙	南	北	郊
xǐ	nán	běi	jiāo
переселяться	юг	север	предместье
‘направился в южные и северные предместья’			
漢書 / Hànsū (Книга Хань 36–111 гг.)			

В современном китайском для указания направления движения используется инверсированная конструкция с вынесением модификатора направления в позицию перед глаголом, но исключительно при помощи предлогов.

(e)

往	南	走
wǎng	nán	zǒu
PREP	юг	идти
‘идти на юг’		

Соответственно в синтаксическом выражении двуслоги типа 南徙 nán xǐ ‘юг переселяться’, 南游 nán yóu ‘юг странствовать’, 南望 nán wàng ‘юг смотреть’ не корректно рассматривать как конструкции типа *модификатор направления + глагол*, но как глагольный двуслог с подвижным и семантически обусловленным первым слогом, обозначающим направление совершаемого движения.

Подобный анализ применим и к лексемам 東 dōng ‘восток’, 西 xī ‘запад’, 北 běi ‘север’, в ходе которого можно также прийти к схожим выводам о потенциальной возможности лексем семантического класса «направление» занимать в предложениях не только аргументные, но и предикативные позиции, что косвенно может свидетельствовать

о подвижности границ лексических категорий имя-глагол, при сохранении некоторых синтаксических ограничений.

Литература

- Bisang 2008a – *Bisang W.* Precategoriality and syntax-based parts of speech: The case of Late Archaic Chinese // *Studies in Language*. 2008. № 32. P. 568–589.
- Bisang 2008b – *Bisang W.* Precategoriality and argument structure in Late Archaic Chinese. // *Constructional approaches to language* / Ed. by Jaakko Leino. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 55–88.
- Sun 2020 – *Sun L.* Flexibility in the Parts-of-Speech System of Classical Chinese. Berlin: De Gruyter Mouton, 2020. 334 p.

Условные конструкции в сино-тибетских языках:
общее и частное

Елена Н. Емельченкова
*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

Огьен Церинг
*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, КНР*

Conditional constructions in Sino-Tibetan languages:
general and specific

Elena N. Emelchenkova
Saint Petersburg State University
Ogyen Tsering (Ejincairang)
Saint Petersburg State University, PRC

Abstract. A typological survey of conditional constructions in two Sino-Tibetan languages – Mandarin Chinese and Tibetan – shows strikingly similar patterns despite the differences in the preferred structures they employ. The survey based on the language typology methodology developed at the St. Petersburg Typological School aims to describe and explain the structural diversity and common properties of two languages. Both of them has a number of ways of expressing conditionals. In Sino-Tibetan languages the most common way of expressing conditionals involves the use of the subordinate clause conjunctions which introduce a protasis. There is also specific for Tibetan postpositive marker *na* ‘if, when’, often treated as Locative case, which can introduce the protasis in conditionals and correlate to 的话 *dehua* or 的 *de* in juridical texts. Apodosis in Chinese can be marked with a special marker. The difference between two languages, such as Tibetan and Chinese, is that the former prefer to make use of the morphological forms as a part of the conditional constructions. The paper also proposes the possible etymology and source of grammaticalization of the conditional relevant marker in Tibetan and Chinese.

Keywords: Sino-Tibetan languages, Chinese, Tibetan, conditional construction, conditional clause typology

В докладе на материале современного китайского (путунхуа) и различных вариантов тибетского (в том числе «стандартного тибетского», основанного на лхасском диалекте, современного литературного и раз-

говорного языка, а также классического тибетского) языков обсуждаются типологически релевантные черты условных конструкций (далее – УК) в сино-тибетских языках. Методология исследования опирается на инструментарий Ленинградской (Санкт-Петербургской) типологической школы, уже давно и плодотворно изучающей семантическую и синтаксическую структуру предложения в разных языках разнотипных типов.

Настоящим исследованием мы бы хотели восполнить лауну, существующую в типологически ориентированных описаниях сино-тибетских языков на предмет организации и функционирования УК, поскольку этот материал не был представлен в рамках научно-исследовательского проекта Лаборатории типологического изучения языков ИЛИ РАН, результаты которого изложены в [Типология 1998]. Анализируя языковой материал в соответствии с разработанной универсальной анкетой для описания УК, мы ставили своей целью охарактеризовать общие для данной пары языков свойства и типологические, преимущественно формальные различия между ними.

Материал тибетского языка был собран и проанализирован соавтором-носителем языка из литературных и лексикографических источников, а также живой разговорной речи; китайский язык анализировался на корпусном материале с привлечением носителей китайского языка при работе с анкетой исследования.

Прототипическая УК в обоих языках относится к бипредикативному типу, т. е. представляет собой сложноподчиненное предложение, в котором протасис как семантически независимая ситуация-условие может иметь следствием своей реализации возможное наступление семантически зависимой ситуации (аподосис), которая обозначена в главном предложении:

Примеров «сворачивания» УК до именных групп как типичной стратегии выражения условно-следственных отношений, подобно часто встречающимся в русском языке примерам: *При пожаре звонить 01. При возникновении пожара звонить 01.*, которые следует рассматривать как осложненные типы, но все же простые (монопредикативные) по своей природе предложения, в данной языковой выборке представлено не было, хотя один периферийный, но довольно интересный случай заслуживает отдельного обсуждения.

С точки зрения линейной организации сложного предложения и китайский, и тибетский в целом соответствуют универсалии, отмеченной еще в [Гринберг 1970: 159], согласно которой протасис (ситуация-условие) линейно предшествует аподосису. Общим также будет преимущественное расположение в протасисе служебных слов, указывающих на наличие синтаксической связи между частями предложения

и раскрывающих ее семантическое содержание. Однако китайский и тибетский языки разнятся между собой по набору средств кодирования условных значений в предложении. Если для тибетского характерно использование специализированных соединительных слов (частиц, союзов) совместно с глагольными категориями, то в китайском языке, практически не имеющем привычных нам грамматических форм, выстраиваемых в четкие и регулярные парадигматические ряды и выражающих общее грамматическое значение, эту функцию выполняют исключительно союзы (соединительные слова, наречия и т. п.).

Так, к базовым средствам выражения условных значений в тибетском языке относятся форманты *na* (наиболее частотный, часто описываемый в том числе как показатель локативного падежа), *phyin* и *tshe*, которые употребляются постпозитивно в УК, а также союзы *gal.te* ‘если’, *gal.srid* ‘если’ и *rgya.la* ‘даже если’, которые ставятся в самом начале протасиса. Для тибетского, как и для многих других языков данного ареала, употребление союзов не является обязательным, что справедливо и для китайского, но реже и с большими ограничениями.

Репертуар условных союзов в китайском языке формально значительно богаче тибетского, среди наиболее частотных маркеров условия названием союзы 如果 *rúguǒ*, 要是 *yàoshi*, 只要 *zhǐyào*, 只有 *zhǐyǒu*, 不管 *bùguǎn*, 无论 *wúlùn*, 即 *jíshǐ*, 哪 *nǎpà*, которые чаще всего занимают позицию в начале протасиса. Базовая условная семантика большинства этих слов в китайском языке осложняется дополнительными значениями, что имеет следствием несовпадение классификаций УК в китайской лингвистике, обзор см. [Ван 2010].

Анализ китайского материала также выявил возможность употребления постпозитивных формантов в протасисе, в частности разговорное выражение 的话 *dehua* ‘если сказать/ скажем’ и типичный для юридического дискурса постпозитивный показатель 的 *de*, зачастую как раз и реализующие условное значение при отсутствии союза в начале протасиса, однако эти служебные морфемы в тибетском и китайском языках (исходя из их внутренней формы и этимологии) очевидно имеют различную природу.

Условные союзы в протасисе китайского предложения часто имеют коррелирующее им наречие (по факту союзное (соединительное) слово: 就 *jiù*, 才 *cái*, 那么 *nàme*) в аподосисе, что является специфической чертой УК в китайском.

Общим для обоих языков является вариативность интерпретации бессоюзных ирреальных предложений, поскольку и тибетские, и китайские примеры обнаруживают неоднозначность трактовки связи между частями сложного предложения, аналогично контрфактическим пре-

дикациям в русском языке, допускающим вариативное маркирование условными и временными союзами (*если бы/ когда бы/коли бы*): *Когда бы град Петров стоял на Черном море...*

В докладе в деталях обсуждаются стратегии маркирования глагольных форм в зависимости от типа условия. В науке степень вероятности реализации ситуации–условия стала критерием выделения реальных, ирреальных и контрфактических условий [Плунгян 2011: 430]. В этом аспекте тибетский язык в силу несовпадения структурных характеристик анализируемых языков ожидаемо проявляет свои специфические свойства.

Особого внимания в китайском материале заслуживает союз 除非 *chúfēi* ‘если (бы) не’, который без сомнения носит периферийный характер, однако обнаруживает ряд интереснейших грамматических особенностей, включая нетипичную для данного ареала способность вводить именную группу в роли протасиса, в структуре предложения линейно занимать не только препозицию по отношению к аподосису, но и постпозицию, а также иметь референциальные ограничения на именную группу.

Очевидно, что синтаксис сино-тибетских языков требует более пристального внимания и нуждается не только в общей характеристике, но и в более детальном изучении лингвоспецифических характеристик.

Литература

Типология 1998 – Типология условных конструкций. СПб., 1998. 584 с.

Гринберг 1970 – *Гринберг Дж.* Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. Вып. 5 (языковые универсалии). М., 1970. С. 114–162.

Ван 2010 – *Ван Чуньхуэй.* Типологическая классификация условных предложений китайского языка // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. Сер. 13. 2010. № 2. С. 174–185.

Плунгян 2011 – *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира М., 2011. 669 с.

Знаки препинания в цитационных конструкциях японского языка (на материале блогов)

Екатерина С. Ермишина

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Punctuation marks in Japanese quotation (the study of blogs)

Ekaterina S. Ermishina

Russian State University for the Humanities, Moscow

Abstract. This paper examines punctuation marks in a quotation in modern Japanese speech. Based on the texts of electronic diaries, an attempt was made to examine all the types of punctuation marks in the blogs and then to put them in categories. The peculiarity of the approach is in the analysis of several texts of one author in order to determine the language techniques characteristic of this author. The material convinces us that narrators prefer to use punctuation marks to give a citation a particular tone, express emotions of a speaker. This can be related to a 'theatrical nature' of quotation itself.

Keywords: citation, punctuation marks, narrator, speaker

Актуальность

В современном мире письменные блоги представляют собой особый феномен, так как они являются письменными по модусу и одновременно неформальными, т. е. близкими к устной речи. Поэтому передача чужой речи в блогах может отличаться от известных нам способов в письменной речи. Особенно важным представляется анализ использования знаков пунктуации для передачи читателям тона и\или эмоциональной окраски той или иной цитаты.

Научная новизна

В целом, сфера изучения пунктуации в японском языке находится в процессе своего становления с большим количеством различной и противоречивой информации. Однако большая часть авторов соглашается, что знаки пунктуации в японском языке являются «авторскими», используются для придания фразе экспрессивности. Цитация же представляет собой «театрализованную» передачу речевого события, так что именно в ней активно проявляются свойства знаков препина-

ния, передающих экспрессивность говорящего. То есть анализ знаков препинания в цитации может помочь получить более четкую картину как цитации, так и пунктуации в современном японском языке, что, в свою очередь, может быть полезно для преподавания японского языка.

Цель: проанализировать использование знаков препинания в цитатах японского языка на материале блогов

Ход и методы исследования:

- изучить литературу по пунктуационным и цитации в японском языке;
- выписать из авторского корпуса цитаций блогов на бытовую тему (324 примера) все случаи использования знаков препинания;
- разделить все случаи использования знаков препинания на категории;
- проанализировать категории, используя конкретные примеры из корпуса;
- сделать выводы.

Выводы В целом, изучив случаи применения знаков препинания в цитатах на материале блогов, можно отметить, что данные частицы служат для того, чтобы продемонстрировать читателю тон сообщения, эмоции, которые, по мнению нарратора, испытывал говорящий при его трансляции. Это можно связать с тем, что блогеры хотят не просто передать слова, но и вызвать определенные чувства читающих, побудить их подписаться на блог. Таким образом, цитате стараются придать «облик живой речи», оставаясь при этом в письменном модусе.

Вертикальное и горизонтальное письмо
в японском языке как ключ
к графическим свойствам пунктуации

Алексей С. Зверев

Институт востоковедения РАН, Москва

Vertical vs. horizontal writing in Japanese:
revealing graphic features of punctuation marks

Aleksei S. Zverev

RAS Institute of Oriental Studies, Moscow

Abstract. Modern Japanese texts can be written in either horizontal or vertical format. Switching between these two modes can be used as an effective test to reveal latent graphic features of punctuation marks.

Keywords: Japanese, punctuation, horizontal writing, vertical writing

Письменные языки восточноазиатского региона исторически придерживались вертикального расположения строк, но в современном японском языке активно используются сразу два направления письма: вертикальное (сверху вниз) и горизонтальное (слева направо). Они неравномерно распределены по разным областям письменного дискурса: например, в научно-технических изданиях преобладает горизонтальное письмо, а в публицистике и художественной литературе – вертикальное [Маевский 2000: 107-108], – но в целом практически любой текст, по крайней мере потенциально, может быть оформлен обоими способами.

В отличие от языков «среднеевропейского стандарта», где альтернативное (вертикальное) направление письма скорее маргинально, в японском вопрос о том, как должна вести себя та или иная единица при смене направления, носит более практический характер и отсылает к широкому употреблению и устоявшимся графическим нормам (ср. указания японского промышленного стандарта JIS X 4051 «Правила форматирования для японских документов» [JIS 2004]).

Возможность подобных преобразований делает доступным на японском материале объективный тест, позволяющий аргументированно раскрыть неочевидные графические свойства, которые нельзя наблюдать непосредственно при взгляде на конкретную текстовую цепочку. В первую очередь это представляет интерес для изучения таких специфически письменных единиц, как знаки препинания.

Сравнение вертикальных и горизонтальных текстов помогает пролить свет на следующие три аспекта пунктуации:

- 1) степень графической интеграции пунктуационных знаков: на каком уровне графической структуры они объединяются с контекстом? Ср. различия в поведении скобок в выражениях типа (笑), где скобки перемещаются и поворачиваются по общим правилам, и (一), которые могут выступать как единый символ (см. [Shoogakukan 2007: 84]), так что скобки сохраняют ориентацию и положение относительно внутреннего текста;
- 2) форма знака в ее отношении к пространственной организации текста – чувствительность к направлению главной оси развертывания письменного дискурса (направлению строки). Поворот таких знаков, как скобки или тире, наглядно демонстрирует, что для них характерна не абсолютная вертикальная/горизонтальная, а относительная поперечная/продольная ориентация, и необходимость ее сохранения указывает на значимость этой характеристики (ср. наблюдения [Зверев 2018: 34]).
- 3) отношения эквивалентности между знаками. Распределение «европейских» и «японских» точек и запятых (・, vs. 。、) между горизонтальным и вертикальным письмом (см. [Данилов, Сыромятников 2011: 56-57]) с возможностью (или необходимостью) замены «японских» знаков «европейскими» (и наоборот) при изменении направления письма обосновывает равноценность взаимозаменяемых единиц как графических вариантов одного показателя.

Литература

- Данилов, Сыромятников 2011 – Данилов А.Ю., Сыромятников Н.А. Японский язык. Пунктуация, знаки повтора, вспомогательные пометы. М.: Муравей-Гайд, 2001. 128 с.
- Зверев 2018 – Зверев А.С. Графическая связность: линейно-синтагматический статус японских пунктуационных показателей // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. № 426. С. 27–38.
- Маевский 2000 – Маевский Е.В. Графическая стилистика японского языка. М.: Муравей-Гайд, 2000. 176 с.
- Shoogakukan 2007 – 句読点、記号・符号活用辞典. [Практический справочник по употреблению пунктуации, специальных знаков и символов]. Tokyo: Shoogakukan, 2007. 322 с.
- JIS 2004 – 日本語文書の組版方法. Formatting rules for Japanese documents (JIS X 4051). [Правила форматирования для японских документов]. Tokyo: Japanese Industrial Standards Committee, 2004. 177 с.

Новая дискуссия о частях речи в китайской лингвистике: основные аргументы

Тарас В. Ивченко

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Александра В. Лебедева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Лилия С. Холкина

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

New Debate on Parts of Speech in Chinese Linguistics: Main Arguments

Taras V. Ivchenko

Russian State University for the Humanities, Moscow

Aleksandra V. Lebedeva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

Liliya S. Kholkina

Russian State University for the Humanities, Moscow

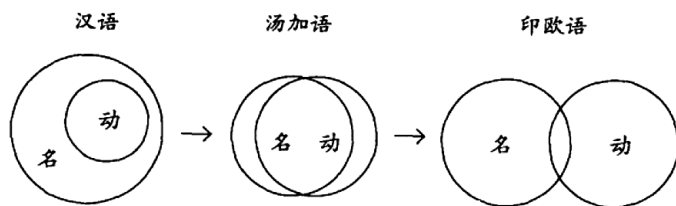
Abstract. The paper is devoted to a new debate about parts of speech in Chinese linguistics. Shen Jiaxuan 沈家煊 proposed a hypothesis according to which verbs and adjectives in Chinese are a subclass of nouns. This theory removes questions about the status of verbs and adjectives in the object position and about the distinction between an object 宾语 and a complement 补语. However, according to the argumentation of Lu Jiangming 陆俭明, this hypothesis does not take into account 1) cognitive oppositions within language associated with the object-action opposition; 2) differences in the nature of parts of speech in isolating languages and languages with rich morphology; 3) the fact that the presence of syntactic positions in a sentence is determined not by the properties of the lexemes that occupy them, but by the properties of the lexemes that control these positions; 4) the possibility of one and the same word belonging to different parts of speech in different sublanguages within the Chinese language; 5) the possibility of expanding the verb control model; 6) syntactical-semantic mechanism for ordering lexemes within a sentence. The discussion is to be continued.

Keywords: Chinese, parts of speech, verb, noun, parts of speech transition

Дискуссия о частях речи в китайском языке (КЯ) (как выделять, сколько их, какова природа частеречных классов в КЯ и т. п.), доминировавшая в китайской лингвистике и советской китаистике с 1950-х по 1980-е гг., казалось, утихла. Однако это «затишье» нарушили работы профессора Академии общественных наук КНР Шэнь Цзясюаня, а ответы на его работы со стороны профессора Пекинского университета Лу Цзяньмина напомнили времена жарких споров о частях речи в 1950-е и 1960-е гг.

Приведем основные тезисы Шэнь Цзясюаня в несколько упрощенном виде.

1. Традиционная система Чжу Дэси и его последователей [Чжу 1982; Лу 2005; Го 2002] не отражает специфику КЯ. Отношение между частеречными классами в КЯ принципиально отличается от ситуации во многих других языках мира. Вот, например, как выглядит отношение между множеством глаголов и существительных в китайском, тонганском (язык Королевства Тонга) и индоевропейских языках по версии профессора Шэня [Шэнь 2011: 75]:

Из схемы видно, что в отличие от тонганского языка, где пересечение между классом существительных и глаголов весьма значительно (средняя схема), и индоевропейских языков, где пересечение не столь значительно (правая схема), в КЯ глаголы являются подклассом существительных (левая схема), а прилагательные в свою очередь (что отражено в других работах и схемах Шэнь Цзясюаня, см. [Шэнь 2016]), являются подклассом глаголов, а значит и подклассом существительных.

2. Теория 'глаголов как подкласса существительных' (名动包含 míng dòng bāohán) по мнению ее автора позволяет решить трудные вопросы китайской грамматики, среди которых можно выделить два основных:
 - 1) если глагол и прилагательное появляются в позиции подлежащего и дополнения, то они субстантивируются или все-таки сохраняют свою частеречную принадлежность? С точки зрения Шэнь Цзясюаня ответ на этот вопрос очевиден: так как глаголы и прилагательные являются подклассом существительных, то их появление в этих синтаксических позициях с точки зрения КЯ весьма закономерно;

2) как различать дополнение (宾语 bīnyǔ) и дополнительный элемент (补语 bǔyǔ) и сколько типов дополнительных элементов следует выделять? Обычно считается, что дополнение, как правило, выражается существительным, а дополнительный элемент – глаголом, но так как глагол и существительное относятся к одному и тому же классу, согласно теории Шэнь Цзясюаня, все синтаксические составляющие после глагола можно называть дополнительными элементами, разделив их на ‘объектные дополнительные элементы’ (对象补语 duìxiàng bǔyǔ) и ‘результативные дополнительные элементы’ (结果补语 jiéguǒ bǔyǔ). Кроме того, дополнительный элемент может обозначать некоторую вещь (事物补语 shìwù bǔyǔ ‘дополнительный элемент со значением вещи’), а может – некоторое качество или состояние (性状补语 xìngzhuàng bǔyǔ ‘дополнительный элемент со значением качества или состояния’) [Шэнь 2011: 89]. Отсюда профессор Шэнь делает вывод, что такие сочетания как 打假 dǎjiǎ ‘бороться с подделками’ и 打死 dǎsǐ ‘убить, забить насмерть’ имеют одну и ту же структуру и отличаются лишь тем, что в первом случае (打假 dǎjiǎ) мы имеем дело с объектным дополнительным элементом, обозначающим некоторое качество или состояние, а во втором (打死 dǎsǐ) – с результативным дополнительным элементом, тоже обозначающим некоторое состояние. Аналогичным образом словосочетания 问个明白 wèn ge míngbai ‘расспросить’ и 盖个亭子 gài ge tíngzi ‘построить беседку’ имеют одну и ту же структуру [Шэнь 2011: 89].

Несмотря на некоторую непривычность и парадоксальность рассуждений Шэнь Цзясюаня, его теория заставляет нас снова задуматься над некоторыми «старыми» вопросами о частях речи в КЯ, которые мы полагали уже давно решенными, и дать на них ответы в новом контексте.

Во-первых, частеречные классы не только отражают синтаксические отношения между лексическими единицами языка, но и имеют отношение к некоторым базовым когнитивным оппозициям внутри языка как системы. В частности, это такие оппозиции как предмет – действие, предмет – качества/свойства предмета, ситуация – участники ситуации, участники ситуации – их роли (маркируемые, как правило, какими-либо показателями или служебными словами), действие – движение – состояние и т. д. Поэтому достаточно сложно представить ситуацию полного пересечения между классами или полного включения всех знаменательных частей речи в один класс. Кроме того, как справедливо подчеркивает Лу Цзяньмин в своих критических ответах, в КЯ только 23% глаголов и 4.62% прилагательных могут выступать в роли существительных без какой-либо маркировки [То 2002]. Так, например, глагол 知道 ‘знать’ (в отличии от глагола 认识 ‘знать, познавать’) не может субстантивироваться ни в каких контекстах.

Во-вторых, особенность КЯ, как справедливо замечает Лу Цзяньмин [Лу 2021], заключается не в том, что глагол и прилагательное могут появляться в позиции подлежащего или дополнения, а в том, что в этих позициях они никак не маркированы, хотя в некоторых случаях возможно и использование специальных показателей (吃 *chī* ‘есть’ – 吃的 *chīde* ‘еда’). Поверхностная немаркированность частей речи – важная особенность КЯ, и очевидно, что частеречные классы в таком языке как китайский не могут иметь абсолютно ту же природу, что и части речи в языке с богатой морфологией, например, в русском. При этом названия частей речи могут совпадать (и это вводит в заблуждение), но стоящее за названиями содержание отличается. Можно утверждать, что в КЯ используется комбинированный синтактико-семантический механизм построения предложения.

В-третьих, структура простого предложения в КЯ и варианты взаиморасположения его синтаксических составляющих (варианты порядка слов) зависят от нескольких факторов:

- 1) семантический тип глагола-сказуемого, который определяет основные синтаксические позиции в предложении;
- 2) тип действия, к которому относится глагол-сказуемое (процесс, движение, состояние, мгновенное изменение и т. д.)

Семантический тип глагола и его модель управления определяют общий набор актантов, тип синтаксической связи между ними, а также возможность одновременной реализации нескольких актантов на синтаксическом уровне. То, какие синтаксические позиции имеются в предложении, зависит не столько от той лексемы, которая эту позицию занимает, сколько от той лексемы, которая этой позицией управляет (открывает). В частности, возможность занимать позицию дополнения (возможно, ее и не следует считать таковой?) в предложениях с модальным глаголом является не свойством смыслового глагола, занимающего эту позицию, а свойством модального, этой позицией управляющего. Аналогичным образом в предложениях типа

(1) 劳动创造世界。

Láodòng chuàngzào shìjiè.

‘Труд создает этот мир’.

в качестве подлежащего глагола 创造 *chuàngzào* ‘создавать, творить’ может выступать только номинативная составляющая, поэтому в этой позиции без специальных маркеров появляются только те глаголы, которые могут выступать в роли названия (номинатива) той ситуации, которую они обозначают (трудиться – труд).

В то же время словосочетание 有好处/害处 *yǒu hǎochu/hàichu* ‘быть полезным/вредным (для чего-то)’ допускает появление в позиции подлежащего (или в позиции дополнения предлога 对 *duì*, которым

управляет данное словосочетание) глагола, глагольного словосочетания или целого предложения, которые в этом случае не теряют способности выражать видовременные отношения и, в частности, сочетаться с отрицанием:

(2) 你说吧, 干有什么好处? 不干有什么害处?

Nǐ shuō ba, gàn yǒu shénme hǎochu? Bú gàn yǒu shénme hàichu?

‘Вот скажи, какая польза от того, что (это) сделаешь? А вред от того, что не сделаешь?’

Глагол 干 gàn ‘делать’ и его отрицательная форма 不干 bú gàn ‘не делать’, находящийся в предложении (2) в позиции подлежащего, никогда не субстантивируется, то есть не выступает в качестве названия (вневременного) ситуации, которую обозначает. Их возможность появления в данной позиции полностью обусловлена свойствами конструкции.

В-четвертых, в разных подъязыках внутри КЯ лексема, записываемая одними и теми же иероглифами, может относиться к разным частеречным классам. Так, в разговорном языке лексема 金 jīn ‘золотой’ является дифференцирующим словом (区别词 qūbiécí), а в языке химии – существительным (金 jīn ‘золото’ (название химического элемента)).

В-пятых, модель управления глагола может расширяться: глагол может появляться в некоторых контекстах, не свойственных этому глаголу при его употреблении в разговорном языке, а потом закреплять за собой такие «окказиональные» модели управления. Например, в конструкции ‘V+在 zài +Loc’ на первой позиции могут появляться односложные глаголы, для которых эта позиция в разговорном языке не свойственна, и даже компоненты двухсложных слов, не употребляющиеся самостоятельно: 乒在东京 pīng zài Dōngjīng ‘выступать на соревнованиях по пинг-понгу в Токио’. В результате глагол может появиться в контексте, характерном для существительного, и наоборот. В таких случаях мы имеем дело со случаем ‘окказионального употребления элемента одного частеречного класса в функции другого’ (词类活用 cílèi huóyòng).

В-шестых, механистичная и слишком формальная аргументация в КЯ не работает: язык с бедной поверхностной маркировкой синтаксических отношений использует синтактико-семантический механизм упорядочивания лексем в одну цепочку внутри предложения. Так, например, если два глагола одновалентны, то это еще не означает, как считает профессор Шэнь, что они должны вести себя синтаксически одинаковым образом.

Дискуссия о частях речи, возобновившаяся в китайской лингвистике, требует, очевидно, гораздо более подробного анализа. В качестве

промежуточного итога можно сказать, что несмотря на несостоятельность аргументации Шэнь Цзясюаня в целом, его труды имеют большое значение для более глубокого анализа вопроса о частях речи в КЯ. Очевидно, что работу в этом направлении необходимо продолжать.

Литература

- Го 2002 – *Го Жуй*. Исследование частей речи в современном китайском языке. Издательство Шаньу, 2002 (郭锐《现代汉语词类研究》商务印书馆 2002).
- Лу 2005 – *Лу Цзяньмин*. Курс по исследованию грамматики современного китайского языка. Издательство Пекинского университета, 2005. (陆俭明《现代汉语语法研究教程》北京大学出版社 2005).
- Лу 2021 – *Лу Цзяньмин*. «Вновь к вопросу о частях речи в китайском языке. О теории проф. Шэнь Цзясюаня ‘глаголов как подкласса существительных’». (陆俭明《再论汉语词类问题 ——从沈家煊先生的“名动包含”观说起》 2021.10.18). URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzI5OTQ5NDQyNg==&mid=2247535594&idx=1&sn=cb7aff00f493f4dd79598d15807f3286&chksm=ec97b69fdbe03f895e720e7e83b9fc0a061676deb86a12c131575f9cb3e2dcbc2046a98f9f02&scene=27 (дата обращения: 15.08.2023).
- Чжу 1982 – *Чжу Дэси*. Курс лекций по грамматике. Издательство Шаньу, 1982 (朱德熙《语法讲义》商务印书馆 1982).
- Шэнь 2011 – *Шэнь Цзясюань*. Шесть лекций по грамматике. Издательство Шаньу, 2011 (沈家煊《语法六讲》商务印书馆 2011).
- Шэнь 2016 – *Шэнь Цзясюань*. Существительное и глагол. Издательство Шаньу, 2016 (沈家煊《名词和动词》商务印书馆 2016).

Роль традиционных исследований фонетики в китайском языкознании

Мария Я. Каплунова

Институт Языкознания РАН, Москва

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Тянь Цзинлин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва

On the Role of Traditional Phonetics Research in Chinese Linguistics

Mariia Ya. Kaplunova

Lomonosov Moscow State University, Moscow

RAS Institute of Linguistics, Moscow

Tian Jingling

Lomonosov Moscow State University, Moscow

Abstract. The article discusses the key concepts and objects of study of traditional Chinese phonetic studies (音韵学), analyzes the key stages in the development of these areas in Chinese linguistics. It is concluded that despite the fact that at the present stage of development of Chinese linguistics, under the influence of the results of studies of foreign phonetic schools (oriented towards non-isolating languages), Chinese phonetic studies have somehow lost their originality and need to revive their unique approaches to the study of phonetics, knowledge of the key methods and concepts of the previous stages of the study of phonetics in China is still necessary for researchers involved in the study of modern Chinese.

Keywords: Chinese language, Phonetics, Phonology, traditional Chinese phonetics

1. К понятию «иньюньюсюэ» 音韵学»

Китайская традиционная фонетика (音韵学/声韵学) – это дисциплина, посвященная исследованию фонологической системы китайского языка, которая изучает как общую систему древнекитайской фонологии, так и древнекитайскую фонологию в ее историческом развитии. Традиционные китайские фонетические исследования тесно связаны с китайской историей, китайской диалектологией, экзегезой (учении о толковании древних текстов), китайской классической литературой, историей, филологией и т. д.

В результате, охват рассматриваемых фонетических явлений китайской традиционной фонетики можно приравнять непосредственно к такому разделу фонетики, как историческая фонетика (历史语音学), что позволяет говорить о различиях между китайской традиционной фонетикой и общей фонетикой с точки зрения ключевых объектов исследования.

Таким образом, отличие китайской традиционной фонетики от науки фонетики (语音学), во-первых, выражается в том, что область исследования «фонетики» значительно шире, чем у «китайской традиционной фонетики», что также проявляется на уровне самого термина: 音韵学 – букв. «наука о рифмах», 语音学 – букв. «наука о звуках». При этом, безусловно, соотносённость с китайским языком с его спецификой как слогового языка с иероглифической письменностью изначально обеспечило специфику китайской традиционной фонетики в сравнении с фонетикой в отношении языков фонетического или алфавитного письма. В традиционном китайском языкознании «иньюньсюэ» наряду исследованием иероглифов (文字学) и экзегетикой (训诂学) образует важную триаду, именуемую «сяосюэ» (小学, букв. «начальная школа») [Wang Li 1962:2].

2. Основные этапы развития китайской традиционной фонетики

В истории развития китайской традиционной фонетики «иньюньсюэ» можно выделить три основных этапа: фонологические исследования в древности (上古时期), фонологические исследования в средние века (中古时期) и фонологические исследования в новый период истории Китая (近古时期) до династии Цин.

Китайские лингвистические исследования древности, начиная с династии Шан в XVI в до н. э. и заканчивая династией Цзинь в III в. н. э. отличаются, прежде всего, вниманием ученых к форме и содержанию иероглифа. Это период создания древнекитайского словаря «Шовэнь цзецзы» (说文解字 букв. «обсуждение письма и объяснение иероглифов») Сюй Шэня, первого словаря китайских диалектов «Фаньянь» (方言 букв. «диалекты») Ян Сюна и словаря «Шимин» (释名 букв. «объяснение имен») Лю Си. Причем для передачи звучания малоизвестных иероглифов в словаре «Шовэнь цзецзы» использовалась запись “x若x”, указывающая на омонимический характер тех или иных иероглифов. Однако в силу недостатков данного метода постепенно получает развитие метод передачи произношения иероглифов «фаньце» (反切, букв. «переворачивание и разрезание»), основанный на подборе двух известных иероглифов, инициаль одного и финаль второго из которых передают чтение незнакомого иероглифа. Появление метода «фаньце» принято связывать с влиянием исследования санскрита в индийской лингвистической традиции.

Последующий этап исследования китайской фонетики в средние века (с IV в. до Сунской эпохи в XII в.), именуемый также «*韵书时期*» («период рифмы») ознаменован систематическими фонетическими исследованиями на фоне продолжающегося внимания ученых к структуре и толкованию значения иероглифа. В этот период появляются некоторые сборники рифм: «*Шэн Лэй*» (声类 букв. «разновидности тона») Ли Дэна и «*Юнь Цзи*» (韵集 букв. «сборник рифм») Люй Цзина, где указаны так называемые «*пять звуков*» (五音) “*гong, shang, jiao, wei, yu*”, имеющие отношение к тонам, причем разделяются уже не только слоги, но и отдельные фонемы, что является значимым с точки зрения развития фонетических учений. Таблица рифм Юньцзин (韵镜) данного периода также демонстрирует классификацию согласных звуков с точки зрения места образования, работы голосовых связок, а также учета тона слога.

Новый период истории Китая, включая эпоху династии Юань, Мин и Цин, характеризуется, с одной стороны, изучением фонетики в практически ориентированном ключе; и изучением древних звуков и значений при династии Цин с другой. В этот период появились книги, фиксирующие фонетику династии Юань: «*Рифма центральных равнин*» (中原音韵) Чжоу Дэцина, «*Монгольская рифма слова*» (蒙古字韵), «*Официальная рифма Хуньфу*» (洪武正韵) и т. д. В работах данного периода используется терминология, выработанная в средневековый период, включая понятие входящего тона, ровного тона и т. д. Кроме того, вопрос наличия вибрации голосовых связок превратился в вопрос высоты тона, поэтому автор «*Рифмы центральных равнин*» разделил ровный тон на Инь и Ян. Характеристики согласных звуков в данный период начинают включать способ образования преграды и наличие или отсутствие аспирации. Последующий этап в эпоху династии Цин был ознаменован стремлением ученых понять древний язык, в связи с чем необходимо было разобраться в значениях, именах и системах древних знаков, что определило содержание языкознания в эпоху Цин главным образом изучением древних звуков и значений.

3. Заключение. Китайская традиционная фонетика vs. общая фонетика и фонология

С постепенным развитием фонетических исследований (语音学), расширивших область исследования китайских лингвистов, в особенности под влиянием зарубежных фонетических школ с 1980-х, с одной стороны, китайские исследователи стали отмечать успешные результаты «интеграции» фонетики и фонологии как способствующие развитию научных исследований в данной области знаний [Shi Baohui 1996], с другой стороны, имеет место точка зрения, согласно которой лингвистиче-

ские исследования в Китае за последние 70 лет в основном опираются на иностранные теории, игнорируя давнюю исследовательскую традицию, в результате чего «эпохальная ответственность и историческая миссия современных отечественных [китайских] ученых – развивать местные теории фонетики и фонологии» [Xi Liusheng, Huang Chunying 2020]. Так или иначе, специфика китайского языка накладывает свои особенности и на исследования фонетики на современном этапе, что требует от исследователей владения терминологическим аппаратом и ключевыми концепциями предыдущих этапов изучения фонетики в Китае.

Литература

- Wang Li 1962 – *Wang Li*. History of Chinese Linguistics. 1962 (王力. 中国语言学史)
- Xi Liusheng, Huang Chunying 2020 – *Xi Liusheng, Huang Chunying*. A Survey of Domestic Research on Phonetics and Phonology in the Past 70 Years // Yunnan shifandaxue xuebao. 2020. Vol. 18. № 2 (席留生, 黄春迎. 近 70 年国内语音学和音系学研究综览)
- Shi Baohui 1996 – *Shi Baohui*. Research Status and Development Direction of Phonetics and Phonology in my Country // Waiyu Jiaoxue yu Yanjiu, no 2(106), 1996 (史宝辉. 我国语音学与音系学研究现状和发展方向)

Грамматическая составляющая словаря
«Юй чжу» Лу Ивэя

Любовь В. Кирюхина
Иркутский государственный университет, Иркутск

The Grammatical Aspects of Lu Yiwei's "Yu Zhu"

Liubov Kiriukhina
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Ancient Chinese scholars weren't interested in special description of words' grammatical features. Even particular function words' dictionaries were essentially made to comment classic canonical works. The main difference between such dictionaries and other lexicographic works is the selection of vocabulary: the units described do not convey significant meaning. This article discusses some grammatical problems that were raised at the first function words' dictionary written by 卢以纬 Lu Yiwei in 1324. It is shown that the author of 《语助》 "Yu Zhu": 1) clearly distinguishes significant and functional meanings of lexical units; 2) sometimes indicates the origin of the functional meaning from the significant one; 3) emphasizes the importance of lexical units' syntactic functions; 4) relies on the intonational characteristics of the sentence to describe meanings of function words; 5) uses synonymous to describe meanings. It is emphasized that there is no consistent use of grammatical terms in the monograph under consideration, but the most common ways to name function word are 语助 *yu zhu*, 辞 *ci* and 声 *sheng*. Some exceptions are given and translated into Russian.

Keywords: Chinese linguistic tradition, Classical Chinese, lexicography, grammar, function words

Специальное описание грамматических особенностей лексики не входило в задачи исследователей традиционного китайского языкознания. Даже особые словари этого периода – словари служебных слов – по своей сути носят типичный для того времени комментаторский характер, однако их отличает от других лексикографических трудов подбор лексики: описываемые единицы не передают знаменательное значение. На материале первого сочинения подобного рода – работы 《语助》 «Юй чжу» (1324) 卢以纬 Лу Ивэя – предлагается рассмотреть затрагиваемые автором указанной монографии грамматические проблемы (хотя, безусловно, определённый интерес представляют лексикографический, фонологический и другие аспекты).

Прежде всего обратим внимание на название словаря. До появления 《马氏文通》 «*Ма ши вэнь тун*» (1898) среди филологов Китая не наблюдалось терминологического единства для обозначения «служебных слов». Лу Ивэй для этого использует вынесенный в заголовок вариант 语助 *юй чжу*, а также – 辞 *цы* и 声 *шэн* (все три варианта встречались ранее в языковедческих трудах).

Представленные в «Юй чжу» лексические единицы включают, пользуясь современной терминологией, частицы, союзы, наречия, предлоги, междометия [Кирюхина 2019: 427]. В монографии Лу Ивэя отсутствует устойчивая форма для обозначения схожих по классовой принадлежности единиц. Например, 呜呼, 吁, 噫嘻 именуются 辞 *цы*, а 噫, 恶, 於 названы 声 *шэн*, но по сути все эти единицы являются междометиями (хотя у некоторых есть и другие значения).

Кроме того, отмечается многозначность лексических единиц. С этим связан ряд грамматических особенностей. Так, автор говорит о возможности некоторых иероглифических знаков выступать в качестве своего рода словообразовательных элементов, в частности, это относится к одному из значений знака 然 [Лю Яньвэнь 1986: 26]: 形容之语助 [обозначающее] описание вспомогательное слово (например, в 晬然 *пышно*). Аналогичные значения имеются у знаков 尔 и 如.

Различные значения обуславливают позиционные различия. Так, знак 夫 в качестве вспомогательного элемента может употребляться в начале, в середине или в конце предложения [Лю Яньвэнь 1986: 33–34], знак 乎 – в конце предложения или в середине [Там же: 2–3] и т. д. Приведём в качестве примера статью 62 (знак 兮): 有在句中者, 有在句末者, 皆咏歌之助声 [Там же: 81]. *Вспомогательный элемент (досл. звук), который употребляется при чтении стихов, [может стоять] как в середине, так и в конце предложения.* Необходимо отметить, что в целом описанию синтаксических позиций знаков в «Юй чжу» уделяется значительное внимание. Например, в четвёртой словарной статье, посвящённой описанию знака 者, разбирается, что в первой части предложения может быть употреблён знак 者, а во второй – 也, причём при помощи 者 выносятся вперёд то, о чём идёт речь, а вторая часть предложения (где присутствует 也) поясняет то, о чём говорится в первой части [Там же: 6–7]. В 63 словарной статье (几希 *самая малость*): 近於无而希少, 亦在句结, 或有一“矣”字 [Там же: 82]. *Почти нет и мало, употребляется в конце предложения, может сопровождаться [конечной частицей] 矣.* В 24 статье: 粤 – это 发语之辞 *начальное слово*, соответственно, употребляется в качестве вспомогательной единицы в начале высказывания [Там же: 31].

Лу Ивэй чётко разделяет «знаменательное» и «незнаменательное» употребление лексических единиц, хотя случаев, где разъясняется

знаменательное значение знаков, немного. В качестве примера можно привести знак 顾: его знаменательное значение – *回视 смотреть назад*, однако у него также есть значение *反 наоборот* [Лю Яньвэнь 1986: 62–65]. Интересно, что впоследствии 袁仁林 Юань Жэньлинь – автор другого словаря служебных слов 1710 г. – подчёркивал связь знаменательного и незнаменательного значений иероглифических знаков, иллюстрируя эту связь в том числе и при помощи знака 顾 [Юань Жэньлинь]. В 25 словарной статье «Юй чжу» есть такое пояснение: 亦如“大概”, 则用概於斗斛之面, 坦然一平。“一切”则用刀切物。其平一同, 皆普言之也 [Лю Яньвэнь 1986: 32]. *Как и* 大概 ‘в общих чертах’, [где] 概 – ‘рейка для разравнивания зерна в мерке’, ‘гладко разравнивать’. В ‘一切 ‘весь’, [切 означает] ‘отрезать что-то ножом’. [Эти слова] объединяет идея ‘выравнивания’, все они [передают смысл] ‘говорить общо’. В 59 статье поясняется, что основное значение знака 已 – это 止 *останавливаться*, далее автор указывает и на другое (служебное) значение: 语终而止 *остановка*, [связанная с тем, что] *высказывание закончилось* [Там же: 76]. Таким образом, Лу Ивэй демонстрирует, что служебные значения лексических единиц тесно связаны с их знаменательными значениями.

Вероятно, также стоит отметить некоторые особенности толкования значений лексических единиц (хотя это в большей степени связано со схолиастикой). Во-первых, различия в значениях могут обозначаться сопорой на интонационные характеристики. Так поясняются различия в употреблении конечных частиц 也, 矣 и 焉: у 也 интонация 平 *ровная*, у 矣 интонация 直 *прямая*, у 焉 интонация 扬 *повышающаяся* [Лю Яньвэнь 1986: 1]. Во-вторых, Лу Ивэй активно прибегает к методу сопоставления, причём для этого могут использоваться как синонимы из письменного языка, так и из разговорного, а также может сравниваться употребление лексической единицы в разных функциях (речь идёт об упоминавшихся выше позиционных различиях).

Таким образом, можно заключить, что Лу Ивэй: 1) чётко различает знаменательные и служебные значения лексических единиц; 2) в некоторых случаях намеренно указывает на происхождение служебного значения от знаменательного; 3) подчёркивает важность синтаксических возможностей лексических единиц, связывая с такими возможностями различия в значении описываемых знаков; 4) при толковании опирается в том числе и на интонационные характеристики предложения; 5) прибегает к толкованию при помощи единиц с синонимичными значениями. В дополнение отметим, что последовательное использование определённых терминов могло способствовать формированию системы грамматических понятий. Такого последовательного, однозначного употребления терминов в «Юй чжу» не прослеживается. Вероятно, это

служит свидетельством того, что грамматический терминологический аппарат только формируется, не является устоявшимся.

Литература

- Кирюхина 2019 – *Кирюхина Л.В.* Класс служебных слов в китайском языке (на материале словаря Лу Ивэя) // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: К 150-летию академика В.В. Бартольда (1869–1930): Материалы конгресса, Санкт-Петербург, 09–21 июня 2019 г. Т. 1. СПб.: НП-Принт, 2019. С. 426–428.
- Лю Яньвэнь 1986 – *Лю Яньвэнь*. «Юй чжу» с комментариями. Чжэнчжоу: Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ, 1986. 85 с. (刘燕文. 语助校注)
- Юань Жэньлинь – *Юань Жэньлинь*. Сюй цзы шо (袁仁林. 虚字说). URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=305050&remap=gb> (дата обращения: 15.06.2023).

Семантический потенциал номинативного знака «ЛИСА» в японском языке

Алина О. Клыпина

Иркутский государственный университет, Иркутск

Ирина В. Шалина

Иркутский государственный университет, Иркутск

Semantic potential of the nominative sign “fox” in the Japanese language

Alina O.Klypina

Irkutsk State University, Irkutsk

Irina V. Shalina

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. This article is devoted to the consideration of the image of a fox in Japanese linguistic culture. Many myths are devoted to these animals, various symbolic meanings are attributed to them. The variety of images and symbols inherent in foxes in Japanese culture is quite large, and it cannot be said for sure that the semantics of the image of a fox has a positive or negative connotation.

Keywords: Japan, the image of a fox, Japanese linguistic culture

Образу лисы в японской культуре уделено большое внимание. Этим животным посвящено множество мифов, им приписывают различные символические значения. Разнообразие образов и символов, присущих лисам в японской культуре, достаточно велико, и нельзя точно сказать, что семантика образа лисы имеет положительный или отрицательный оттенок.

Семантический потенциал номинативного знака «лиса», в первую очередь включает в себя прямое значение – лиса как животное. Данное значение выражается в японском языке в основном во внешних характеристиках, таких как форма глаз или золотистый цвет шерсти. Так, в японском языке существует выражение 狐目 *кицунэ мэ* – «лисины глаза», означающее глаза, вытянутые к вискам [Сорокина 2021]. С подобным выражением в Японии часто ассоциируется детективная история середины 1980-х о преступнике, занимающемся похищениями и шантажом. После неудачной попытки найти подозреваемого следователь, который видел его, описал преступника как 狐目の男 *кицунэ мэ но отоко* – «мужчина с лисьими глазами». Позже это выражение закрепилось за подозреваемым.

Существует также выражение для людей, внешне похожих на лису худой и вытянутой формой лица – 狐顔 *кицунэ гао* – «лисье лицо». В устойчивых выражениях и пословицах японского языка уделяется внимание и шерсти лис, как символу чего-то очень дорогого. Например, в выражении 一狐之腋 *икко-но-эки* – «подмышка одной лисицы», т. к. именно мех с подмышек обладает белым цветом и является наиболее ценным. Характерный золотистый цвет лисьей шерсти также назван в её честь – きつね色 *кицунэ иро* – «цвет лисицы». Существует поговорка, отсылающая к этому цвету: 焼き餅は狐色 *якимоти ва кицунэ иро* – «жареные моти должны быть золотистого лисьего цвета». Здесь слово *якимоти* также имеет значение «ревность», а смысл выражения в том, чтобы ревность была умеренной, как степень прожарки рисовых пирожков. Японцы также называют «лисьими» блюда с таким ингредиентом, как тофу, например, 狐うどん *кицунэ удон*. Традиционно жареный тофу оставляют в качестве подарка лисам, являющимся посланниками и слугами Инари – синтоистской богини плодородия, изобилия, риса и других злаковых культур.

По этой причине лисы имеют ассоциацию со священностью, благословением. Статуи в виде лис обычно стоят при входе в храм вышеупомянутой Инари. Сама Инари также может изображаться в виде белой лисицы, но чаще – в виде молодой девушкой в сопровождении белых лис. Лисам поклоняются, чтобы они передали Инари молитвы о хорошем урожае и плодородии. В сущности, поклонение лисам как прислужникам Инари – это одна из немногих уникальных черт образа лисы в Японии. Представления о лисах как о фольклорных образах во многом заимствовано из китайской культуры. Из литературы древнего Китая перекочевало множество мифов о лисах-оборотнях. В частности, сюжеты о том, как лисы перевоплощаются в людей и обманом хотят завладеть их домом, состоянием, семьёй и т. д. [Трынкина 2013]. Например, в сборнике «Японские рассказы из области чудесного» есть рассказ о Лисе-Колдунье, которая перевоплотилась в красивого рыцаря, чтобы взять в жёны дочь губернатора и жить у него в хоромаш. Лиса в облике человека также умела возрастать до невероятных размеров и устраивать землетрясения, чтобы запугивать непокорных ему людей [Глюк 1909]. И этот, и похожие сюжеты, где лиса показана в негативном ключе, обычно заканчиваются тем, что главный герой сумел обхитрить лису.

Умение хитрить и обманывать, как основная характеристика образа лисы, роднит японские предания с преданиями многих других культур. Однако в Японии коварство лисы выведено на более глобальный уровень – в сюжетах народных японских сказок они могут вселяться в людей, превращаться в разных существ, создавать видения. Чтобы лисам этому научиться, им необходимо прожить очень много лет.

По достижении 1000 лет, лиса становится небесным созданием и попадает на небо. С возрастом у лис также вырастают новые хвосты. Максимальное количество хвостов – 9, поэтому девятихвостая лиса является символом мудрости, большого опыта и огромной силы.

Выделяющимся сюжетом о *кицунэ* считается история в сборнике рассказов «Нихон Рёики». В нём, помимо того, что лиса-оборотень является положительным персонажем, фольклорно объясняется этимология слова *кицунэ*. Сюжет истории прост: мужчина прожил со своей женой несколько лет, та родила ему детей. Но неожиданно выяснилось, что его жена – не человек, а лиса в облике женщины. На это муж отреагировал спокойно и сказал ей: «Не уходи, пойдем спать». Выражение 来つ寝 «пойдём спать» читается как *кицу нэ*. По другой версии, название образовано от фразы 来常 *ки цунэ* «всегда приходит», так как лиса в облике женщины приходила к супругу каждую ночь [Фролова, Бабенко 2015]. Данная история достаточно необычна, поскольку по сюжету лиса не вредительствует человеку.

В «Нихонги» упоминается, что держать дома лису – к большой удаче, поэтому лисицы жили при дворе императрицы Гэммэй [Фролова, Бабенко 2015]. Есть также ряд историй, в которых лиса вознаграждает своих спасителей. Одним из вариантов вознаграждения является дар понимать всех животных, иногда же это волшебное лекарство, способное вылечить любую болезнь [Casal 1959: 18]. Однако в японской мифологии лисы чаще сами становились источниками болезней. Самая известная из них – одержимость лисой: человек, в которого вселялась лиса на продолжительное время назывался 狐憑き *кицунэ-цуки*, симптомами могли являться неконтролируемый смех, безудержные танцы без явных на то причин. Интересно, что одержимость лисами вышла за пределы преданий и до XIX в. являлась медицинским термином, реально существующей болезнью [Фролова, Бабенко 2015].

Рассмотрев устойчивые выражения, где лиса ассоциируется с некоторыми качествами, мы смогли отметить, что образ лисы символизирует неожиданность, хитрость, злой умысел. Тем не менее, в культуре Японии лиса не может иметь однозначную ассоциацию, в зависимости от контекста лиса может являться символом удачи, или обмана, быть спасением или проклятием.

Литература

- Глюк 1909 – Глюк Ж. Японские рассказы из области чудесного. Иокосама, 1909. 45 с.
Сорокина 2021 – Сорокина Е.С. Образ лисы в японской языковой картине мира // Modern oriental studies. 2021. Vol. 3. № 2. P. 295–303.

- Трынкина 2013 – *Трынкина Д.А.* Волшебные лисы Японии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2013. № 4. С. 99–116.
- Фролова, Бабенко 2015 – *Фролова Е.Л., Бабенко Е.М.* Образы лисы-оборотня и духа мононокэ в японской мифологии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2015. Т. 14. № 7. С. 299–306.
- Casal 1959 – *Casal U.A.* The Goblin Fox and Badger and Other Witch Animals of Japan // Folklore Studies. Vol. 18. Nanzan University, 1959. P. 1–93.

Структурные типы цветообозначений в прозе Фэн Цзицая

Анастасия Н. Коробова

*Институт Китая и современной Азии РАН, Москва
Российский государственный гуманитарный университет, Москва*

Structural types of color-naming words in Feng Jicai's prose

Anastasiia N. Korobova

*Institute of China and Contemporary Asia,
Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow
Russian State University the Humanities, Moscow*

Abstract. The paper deals with color terms used by Feng Jicai in his fiction. It is argued that his accent on the black is not typical for Chinese culture, where red, green and yellow are highly appreciated. I propose that this is because of Chinese landscape painting influence – Feng Jicai is famous not only for his literary works, but also as an artist and calligrapher. In this paper our concrete tasks are the following: to introduce our data collected in texts by Feng Jicai (with volume of more than 100 000 characters), to discuss the influence of Chinese painting *guohua* on the vocabulary of Feng Jicai, especially on the variations of black color, and to present structural types of color terms in his fiction.

Keywords: Feng Jicai, color terms, contemporary Chinese literature

Фэн Цзицай (р. 1942) известен в Китае не только как выдающийся писатель, но и как художник-пейзажист и каллиграф. Не получив профессионального образования, он стал, тем не менее, профессиональным художником благодаря частным урокам и Студии каллиграфии и *гохуа* Союза художников Тяньцзиня. В студии он обучался технике монохромной живописи, копируя пейзажи, выполненные тушью на шёлке выдающимися мастерами эпохи Северная Сун – Фань Куаня, Ма Юаня, Го Си и др. Особо отметим тот факт, что эпоха Сун (960–1279) – период, когда многие художники стали отдавать предпочтение монохромной живописи, особенно монохромному пейзажу, и экспериментировать с размывами туши и оригинальными способами ее нанесения. С нашей точки зрения изучение стиля этих средневековых художников в значительной степени повлияло на стиль живописи самого Фэн Цзицая (он работает в жанре пейзажа преимущественно

тушью и цветными водяными красками) и, как следствие, повлияло на его литературное творчество.

Многие исследователи отмечали, что изучение особенностей цветообозначений (далее ЦО) в художественном тексте есть составная часть проблемы научного лингвистического описания художественного текста. Мы уже обращались к исследованию цветовой картины мира в прозе Фэн Цицзя. Материалом нашего исследования служили ЦО, полученные методом сплошной выборки из следующих произведений Фэн Цицзя: повести «Крик», «Человек в тумане» и «Картина “Противостоящие холоду”»; рассказы «Резная трубка», «Высокая женщина и ее муж-коротышка», «Прогулка в храм покровительницы моряков»; эссе «Лю-Ловкие руки» общим объемом 152 669 иероглифов. При анализе составленной картотеки, куда вошло 99 ЦО, было установлено, что основная цветовая гамма у Фэн Цицзя черно-красно-белая, при значительном преобладании черного цвета, что не совпадает с китайской цветовой картиной мира, в которой лидируют зеленый, желтый, красный. Черный цвет лидирует в текстах писателя как по частоте употребления в тексте (150 раз из 488), так и по количеству ЦО (21 из 99). Далее мы попытаемся выявить, какие из структурных типов ЦО преобладают в упомянутых авторских текстах.

Все выписанные ЦО можно разделить с точки зрения их структуры на простые (которые делятся на основные и неосновные) и составные, которые, в свою очередь, подразделяются на сложносоставные (или комплексные) и производные [Ли Хунъинь: 50].

К основным ЦО китайского языка в настоящее время относят 白 белый, 黑 черный, 灰 серый, 红 красный, 黄 желтый, 绿 зеленый, 蓝 синий, 紫 фиолетовый [Шевчук: 13], они употреблены 279 раз. К неосновным ЦО относят односложные прилагательные из вэньяня, дошедшие до наших дней; они имеют ограниченную сочетаемость и преимущественно употребляются в составе сложных слов и устойчивых выражений. Их 37 [Шевчук: 13]. В тексте встретились 7: 朱 (багряный, цвета киновари), 赤 (красный, алый), 碧 (лазурный, бирюзовый, цвета яшмы), 乌 (вороной), 青 (синий, зеленый, черный, темный), 皓 (ослепительно белый, сверкающий белый) и 粉 (белый, беленый, выбеленный, пудровый).

Сложносоставные ЦО с количественной точки зрения преобладают в современном китайском языке, китайские лингвисты подразделяют их на 5 типов:

1) с уточняющими прилагательными в препозиции:

1.1. определяющими интенсивность цвета (深 *shēn* \ 暗 *àn* «темно-» и 浅 *qiǎn* \ 淡 *dàn* «светло-» или «бледно-»),

1.2. определяющими яркость \ насыщенность цвета (大 *dà*, 鲜 *xiān* и 明 *míng* «ярко-»; 品 *pǐn* «ярко-», «сочно-», и чистоту тона (通 *tōng*, «чистый, без примеси»),

1.3. указывающими на восприятие цвета (嫩 *nèn* «нежно-» и др.)

Некоторые из данных уточняющих прилагательных имеют ограниченную сочетаемость. Из этой группы автор отдает предпочтение ЦО с уточняющими прилагательными 鲜 *xiān*, 大 *dà*, и 通 *tōng*; чаще других они встречаются с ЦО красного: 大红 *dàhóng* (ярко-красный) – 6 раз, а также 鲜红 *xiānhóng* (алый, пунцовый, ярко-красный) и 通红 *tōnghóng* (насыщенно красный, ярко-красный, алый) – по 5 раз;

2) *состоящие из двух ЦО с целью конкретизировать оттенки* (黑青 черный + синий = темно-синий, 朱红 багрово-красный). Обычно связывают между собой ЦО, объединенные по цветовому тону, например, группы желтого и зеленого, красного и желтого, синего и черного, других цветов [Шевчук: 14], однако могут указывать и на смешение оттенков и сочетание двух цветов (黄紫 желто-пурпурный). Таких ЦО в текстах 9, трижды встретились 碧绿 (изумрудно-зелёный) и 苍白 (бледный, светло-серый, сероватый);

3) *лексическими комплексами, где первый компонент обозначает предмет или явление, уточняющие цвет, а второй компонент – ЦО* (土黄 землисто-желтый; 银白 серебристо-белый). Вообще, метафорическое обозначение цвета – один из наиболее продуктивных способов образования ЦО, в том числе в русском и западноевропейских языках. Основные группы, образующие подобные ЦО в китайском языке – предметы и явления неживой природы, флора, фауна, металлы, драгоценные камни и природные ископаемые, предметы обихода. Несмотря на обилие таких ЦО в китайском (их 187, из которых 32,5% связаны с флорой [Шевчук 2005: 21]), у Фэн Цзицая они представлены мало – мы обнаружили всего 8, причем ни одно из них с флорой не связано. Наиболее часто у автора встречается 雪白 *xiěbái* (белоснежный, белый как снег), 乌黑 *wūhēi* (вороной \ цвета вороного крыла) и 漆黑 *qīhēi* (лаково-черный);

4) *лексическими комплексами, где первый компонент – предмет характерной окраски, а второй – морфема 色 «цвет»*, причем большинство из морфем, являющихся первыми компонентами, сами по себе цвет не означают (напр., 茶色 чайный цвет, 银色 серебряный цвет). В исследованных текстах из этой группы зафиксированы 7 ЦО, в том числе дважды 金色 (золотой цвет) и 墨色 (густой черный, цвета туши);

5) *лексическими комплексами «ЦО+ морфема 色 «цвет»* (红色 красный цвет, 黄色 желтый цвет, 黑色 черный цвет и т. д.) или смешанные цвета «сочетание двух ЦО + морфема 色 «цвет» – напр., 黑绿色

(черно-зеленый, темно-зеленый). Здесь лидируют 黑色 (черный цвет) и 灰色 (серый цвет), встретившиеся 16 и 10 раз соответственно.

Производные ЦО (派生颜色词) представляют собой *трехсложные комплексы «цвет+редуплицированный модификатор»* (чаще всего в этой роли выступают прилагательные). Принято считать, что подобные редуплицированные модификаторы (далее РМ) служат для:

- интенсификации признака цвета (указания на насыщенность) – значение РМ близко семантике слова-основы, напр., 红彤彤 *hóngtóngtóng*, ярко-красный, пламенеющий;
- указания на блеск или сияние цвета – напр., 黑亮亮 *hēiliàngliàng*, блестяще-чёрный, чёрный с полированным блеском.
- создания ритма в тексте (в этом случае в роли РМ нередко выступают звукоподражания и междометия) – напр., 黑啾啾 *hēijiūjiū* (чёрный + звукоподражание свисту, щебету);

В ряде случаев, однако, РМ содержат и иную информацию, не относящуюся собственно к цвету: так, ЦО черного заложена информация о сочности\увлажненности; отрицательной коннотации (отвращении), высокой концентрации предметов черного цвета и др. [Ли Хуньинь: 184–186].

Отметим, что подобные трехсложные комплексы лидируют в китайском по количеству возможных способов образования оттенков черного цвета, с которым может сочетаться 47 РМ, и составляют 46,1% среди всех оттенков черного [Ли Хуньинь: 243–251]. Достаточно часто (в 25,8% оттенков) такие комплексы образует и белый цвет, принимая 25 РМ, хотя для белого этот способ не является лидирующим. 23 РМ сочетается с красным цветом, 18 – с желтым.

Именно эти ЦО представляют для нас особый интерес ввиду возникающих сложностей при их переводе. Таких трехсложных комплексов встретилось 14 (20 упоминаний в тексте), из них 8 – для черного цвета, 3 для белого и по 1 – для красного, зеленого и серого. Чаще других наблюдаем: 糊糊 *hūhū* (смутный, неясный); 亮亮 *liàngliàng* (блестящий) и 晃晃 *huǎnghuǎng* (ослепительный, блестящий). Все они связаны с характеристикой цвета – его яркостью, насыщенностью и наличием и отсутствием блеска.

Итак, для прозы Фэн Цзицзя характерна скорее высокая концентрация ЦО в тексте, нежели разнообразие структурных типов. Среди его ЦО преобладают основные ЦО (黑 черный, 白 белый, и т. д.), затем следуют лексические комплексы «ЦО+ морфема “цвет”» и лексические комплексы, где первый компонент обозначает предмет или явление, а второй компонент – ЦО. Разнообразие наблюдается среди ЦО черного цвета, где писатель активно использует трехсложные комплексы «цвет+РМ» типа (блестяще-чёрный, чёрный с полированным

блеском), указывающие на наличие света, прозрачности или блеска (с указанием характеристики блеска: тусклый, жирный, масляный и т. п.).

Литература

- Виноградова 2011 – *Виноградова Н.А.* «Горы–воды». Китайская пейзажная живопись. М., 2011.
- Шевчук 2005 – *Шевчук О.П.* Цветообозначения китайского языка, их особенности и национально-культурная специфика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Ли Хунъинь 2007 – *Ли Хунъинь 李红印.* Сяньдай ханьюй яньсэцы юйи фэньси 现代汉语颜色词语义分析 [Анализ семантики цветообозначений в современном китайском языке]. Пекин, 2007.
- Фэн Цицай сюань цзи 1984 – Фэн Цицай сюань цзи (цюань сань цэ). [Избранные сочинения Фэн Цицай в трех томах] 冯骥才选集 (全三册) – 天津, 百花文艺出版社. Тяньцзинь, 1984.

К вопросу различения комплемента степени от комплемента состояния и результата в СКЯ

Нина Г. Кузнецова

Дальневосточный Федеральный Университет, Владивосток

On the subject of distinguishing the degree complement from the modal complement and the resultant complement

Nina G. Kuznetsova

Far Eastern Federal University, Vladivostok

Abstract. Three categories of complement in Chinese language – degree, resultant and modal have similar structure in terms of usage with the predicate in adhesive type predicate-complement structure (without marker 得) and in composite type constructions with marker 得. In this research the author is looking into the difference between these three categories of complements, their semantic and structural features in the given sentences and how do we tell one from another when there is no clear difference in the structure of the sentences. Also, the few examples of the exceptional usage of the degree complement are given, by which we only prove that the basic rules for degree complement remain the same.

Keywords: Chinese language, degree complement, resultant complement, modal complement, adhesive and composite type constructions

Комплемент – это второстепенный член предложения, занимающий позицию после сказуемого. Комплемент степени (程度补语) в СКЯ представляет собой один из традиционно выделяемых типов комплемента, наравне с комплементами результата, состояния, возможности, направления и пр. [Lu Jianmin 1990: 13]. Тем не менее, в исследованиях китайских лингвистов, изучающих данный вопрос, бытуют различные мнения о том, какие комплементы могут быть отнесены к данному типу, чем они отличаются от комплементов результата (结果补语) и состояния (状态补语), двух типов, структурно наиболее близких к комплементу степени.

Данный вопрос в должной мере не изучен российским лингвистическим сообществом, поэтому представляется актуальным провести исследование структурных и семантических особенностей комплемента степени, выделить ряд черт, характерных для данного комплемента. Кроме того, в данной работе, при разграничении самого комплемента степени, выделяются его структурные разновидности и те комплементы

степени, которые могут считаться исключением в правилах их использования.

Источником примеров использования комплементов служит база корпусов BCC 语料库 (BLCU Corpus Center), а теоретическим обоснованием работы таких китайских лингвистов, как Лю Юэхуа [Liu Yuehua, Pan Wenyu, Gu Wei 2021], Лю Ланьмин [Liu Lanmin 2003] и др.

Традиционно, можно выделить 2 типа конструкций, в которых функционирует комплемент степени: конструкцию составного типа «Сказуемое + маркер 得 + Комплемент» и конструкцию спаянного типа «Сказуемое + Комплемент» [Zhu Dexi 1997: 125; Zhu Jun, Wei Hong 2009: 18]. Здесь мы подходим к первому исключению, комплементу степени 多, который в равной степени может использоваться и в конструкции спаянного, и в конструкции составного типа, тем самым формируя третий тип, который, по примеру китайских лингвистов, можно назвать 两可式述补结构 предикативно-результативная конструкция универсального типа, прим.: 好得多 и 好多了 «Очень даже хорошо» [Cai Li 2010: 93].

Кроме того, следует обращать внимание на то, какие части речи выступают в качестве сказуемого перед комплементом степени: прилагательные, а также глаголы, выражающие психологическое и физиологическое состояние. С глаголами действия такие слова, как 死, 透, которые часто используются как комплемент степени, будут выступать в качестве комплемента результата, а, например, слово 可以 может выступать как комплемент состояния.

Комплемент степени в предложении семантически связан со сказуемым, а комплемент состояния – с подлежащим [Wu Qinqing 2012: 12]. Сравним 2 предложения: 他日子过得不行 «Его жизнь проходит не очень» и 这儿无聊得不行 «Здесь скучно до невозможности». В первом случае, будучи комплементом состояния, 不行 семантически указывает на подлежащее 他日子 «Его жизнь» и при вынесении сказуемого за скобки смысл предложения не меняется 他日子不行 «Его жизнь не очень». Во втором случае комплемент степени 不行 «до невозможности» указывает на сказуемое 无聊 «скучно», дополняя его и добавляя ему определенную степень. Если мы уберем сказуемое, смысл предложения изменится: 这儿不行 и его значение будет дословно переводиться, как «Здесь не пойдет».

Акцент в структуре составного типа с комплементом степени делается на выражение степени, характера либо действия, а изначальное лексическое значение комплементов степени стирается [Zhang Yisheng 2000: 5]. Тем самым, при произнесении, комплемент степени может читаться нейтральным тоном. В сравнении с этим, комплементы результата и состояния нейтральным тоном не произносятся, так как в случае с ними важнейшей информацией считается та, что стоит после маркера комплемента 得.

Стоит отметить, что в конструкции составного и спаянного типа могут использоваться и комплемент степени, и комплемент состояния. Выделим ряд различий:

Комплемент степени обычно не принимает перед собой отрицания, когда как комплемент состояния легко может ставиться в отрицательную форму [Fang Fang 2006: 15]. С комплементом степени невозможно сказать 高得不多 вместо 高得多, таким образом рушится сама логика высказывания, нацеленного на преувеличенное, абстрактное выражение степени.

Перед комплементом степени или сказуемым в составе конструкции нельзя поставить наречия степени 挺, 非常, 很 (очень, чрезвычайно). Невозможно сказать: 热得很要死 «Очень до смерти жарко», однако, перед сказуемым возможно использование аффективных наречий, которые усиливают тон высказывания и выражающих субъективность: 的确, 实在, 真 (действительно, вправду) и пр. Прим.: 实在简单得很 «Вправду очень даже просто». Перед комплементом состояния использование и наречий степени, и аффективных наречий является возможным. Для комплемента степени исключением является слово 厉害, которое может использоваться с наречиями степени на позиции комплемента степени.

При функционировании в конструкции составного типа комплемент степени не может, в отличие от комплемента состояния, выступать ответом на вопрос в отрыве от сказуемого, так как в таком случае предложение будет нести другой смысл. Нельзя на вопрос 冷得怎么样? «Насколько холодно?» ответить 要死, так как вне контекста это будет означать дословно «Скоро умру». Комплемент состояния, напротив, может использоваться отдельно и на вопрос 写得怎么样? «Как написано?» мы сможем ответить просто 可以 «Сойдёт».

Между сказуемым и комплементом степени не возникает причинно-следственных отношений, как, например, с комплементом результата. Составная конструкция с комплементом степени не может быть встроена в грамматическую структуру 因为...所以 «Так как..., поэтому...». Одновременно с этим, данная структура используется с комплементом результата.

Различия же между комплементом состояния и комплементом степени состоит в том, что структурно формула «Сказуемое + маркер 得 + комплемент состояния» может отвечать на вопрос 做...做得怎么样? «Сделано как?». Слова по позиции комплемента состояния дают подробное пояснение, не выражая субъективного отношения.

Тем самым, стоит заключить, что выделение ряда представленных выше особенностей помогает дать более четкое определение комплементу степени, его функционированию в предложении и его связи со сказуемым.

- Cai Li 2010 – *Cai Li*. Degree Category and Its Syntactic Realization in Complement System. Guangzhou, 2010. 229 p. (蔡丽, 程度范畴及其在补语系统中的句法实现)
- Fang Fang 2006 – *Fang Fang*. A multi-dimensional research of the highest degree complements in modern Chinese. Chengdu, 2006. 51 p. (方芳, 现代汉语极限性程度补语的多维考察)
- Liu Lanmin 2003 – *Liu Lanmin*. A preliminary study on the highest degree complement in modern Chinese language // Journal of Beijing Normal University (Social Science Edition), 6.2003. 115-120. (刘兰民, 现代汉语极性程度补语初探)
- Liu Yuehua, Pan Wenyu, Gu Wei 2021 – *Liu Yuehua, Pan Wenyu, Gu Wei*. Practical grammar of modern Chinese III. Sentence constituents. New York, 2021. 219 p.
- Lu Jianmin 1990 – *Lu Jianmin*. The complexity of the complement structure // Language teaching and research. 1990. № 1. P. 13-20. (陆剑明, 述补结构的复杂性)
- Wu Qinqing 2012 – *Wu Qinqing*. Research on the Complementary Structure «V/A + 得 + Degree Complement». Shanghai, 2012. 78 p. (武钦青, 述补结构 «V/A + 得 + 程度补语» 研究)
- Zhang Yisheng 2000 – *Zhang Yisheng*. A Study of Adverbs of Degree as Complements // Chinese teaching worldwide. 2000. № 2. P. 3–12. (张谊生, 程度副词充当补语的多维考察)
- Zhu Dexi 1997 – *Zhu Dexi*. Grammar Lectures. Beijing: Commercial Press, 1997. 231 p.
- Zhu Jun, Wei Hong 2009 – *Zhu Jun, Wei Hong*. Investigation on the solidified predicate-complement structure // Journal of Chuxiong Normal University. 2009. № 2. P. 18–24. (朱军, 魏红. 固化式述程结构考察)

Функции guo в трех корпусах современного китайского языка

Юлия Н. Кузнецова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва
Институт проблем передачи информации РАН им. А.А. Харкевича, Москва*

GUO functions in three Modern Chinese corpora

Iuliia N. Kuznetsova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow
Kharkhevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow*

Abstract. We clarified the function of the aspectual marker guo and attributed it as existential in the general case. The actual experiential uses of this marker are also possible, but require the support of a context that provides the idea of characterization. The statistical analysis made it possible to establish that the distribution of guo usage in different functions is not the same for three Chinese idioms: Mandarin, Cantonese and Taiwanese guoyu.

Keywords: Chinese corpus, experiential, existential

Предметом нашего исследования является полифункциональный глагольный показатель GUO (过) в разных идиомах современного китайском языке. GUO во всех своих функциях является результатом грамматикализации глагола guò (过) с исходным значением «проходить», при этом в современном китайском языке сохраняются употребления GUO, соответствующие разным этапам его грамматикализации:

- 1) лексический глагол с широкой семантикой («проходить», «проходить мимо», «проводить (время)», «праздновать», «превышать» и др.);
- 2) показатель траектории в глагольных композитах, в том числе преодоление препятствия, преграды (tiào-guò «перепрыгнуть»), пересечение пространства (pǎo-guò «подбежать») или движение относительно ориентира (zǒu-guò chuāngkǒu «пройти мимо окна»);
- 3) показатель комплетива в глагольных композитах;
- 4) показатель экзистенциалиса.

Наибольшее количество исследований посвящено GUO в роли видовременного показателя, который чаще всего анализируется как экспериентивный, при этом смысл термина «экспериентив» у разных авторов может не совпадать [Dahl 1985; Bybee et al. 1994]

В [Вострикова 2010] предлагается типологический взгляд на экспериентив как аспектуальное значение на основе анализа нескольких десятков генетически и ареально далеких языков. Проводится разграничение экспериентивной и экзистенциальной семантики: в экзистенциальных предложениях идея характеристики, они только сообщают о существовании некоторой ситуации в прошлом (1).

- (1) 他 来-过 三 次
 tā lái-guò sān cì.
 он приходить-EXS три раз
 'Он приходил трижды.'

Для экспериентивных предложений семантика характеристики обязательна, сама ситуации наделяет участника, некоторым релевантным опытом (2), именно поэтому с дискурсивной точки зрения экспериентивные предложения часто служат для обоснования каких-либо выводов.

- (2) 你 没 死-过 凭 什么 说
 nǐ méi sǐ-guò píng shénme shuō
 ты NEG.PST умирать-EXP основываться что говорить
 死刑 不 痛苦
 sǐxíng bù tòngkǔ?
 смертная_казнь NEG мучение
 'Ты никогда не умирал, на основании чего ты говоришь, что смертная казнь не мучительна?'

В связи с указанной терминологической проблемой особый интерес представляет оригинальный анализ видовременного показателя *guo* Тань Аошуан [Тань 2002], который выполнен с опорой на достижения исследований по аспектологии в русском языке. Несколько перерабатывая разработанный Е.В. Падучевой список признаков, характерных для общефактического экзистенциального значения глагола в русском языке [Падучева 1996: 43], Тань выводит шесть семантических компонентов, сочетание которых обеспечивает *guo* экзистенциальное значение:

- 1) кратность – ситуация, обозначенная глаголом или прилагательным (т. е. действие или состояние) имела место, по крайней мере, один раз;
- 2) разобщенность действия с моментом речи (для акциональных глаголов верно даже несохранение результирующего состояния в момент речи);

- 3) фактичность (семантический «компонент иметь место»);
- 4) неопределенность времени реализации действия (а также его нереферентность);
- 5) ретроспективная точка отсчета (в том числе для будущего времени);
- 6) реализованность действия (состояния).

Высказывания, в которых содержится guo, могут быть квалифика- тивны по своей цели, то есть, будучи ориентированным на кодирование экзистенциальных контекстов, guo может употребляться и в контекстах экспериентивных, но экспериентивность не составляет семантическое ядро. Наблюдения Тань и сам анализ guo являются весьма полезными и точными, и мы считаем правильным рассматривать guo как показате- ль экзистенциалиса, который может фигурировать в экспериентив- ных контекстах при необходимой поддержке контекста.

Опираясь на теоретические исследования, мы рассмотрели распре- деление функций GUO в трех корпусах китайского языка: Chinese Web 2017 (zhTenTen17) Simplified, Chinese Traditional Web 2017 (zhTenTen17) и Cantonese Web (CantoneseWaC). Для всех предложений размечались два параметра:

- принадлежность к одному из трех идиомов: путунхуа – zh, кантонс- кого – can и тайваньского гоюя – tw;
- функция (func) guo: самостоятельный лексический глагол (гл), показатель комплетива (комп), показатель экзистенциалиса (экз).

Хотя показатель траектории движения и показатель комплетива являются семантически разными категориями, из-за небольшого коли- чества вхождений они были объединены в одну на основании общей дистрибуции.

Итоговый объем выборки составил 2498 контекстов, распределение которых указано на рис. 1.

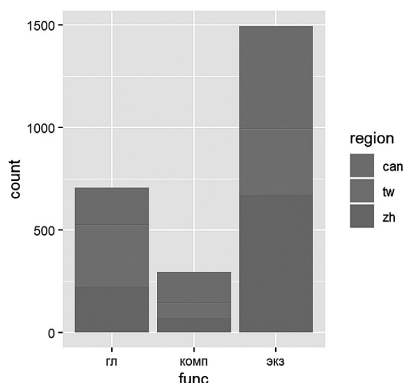

Рис. 1. Распределение количества контекстов с GUO в трех идиомах

проверки статистической значимости различий в распределении использовался критерий Пирсона (хи-квадрат). Получено значение $p\text{-value} < 2.2\text{e-}16$, из чего следует, что различие в распределении функций GUO в трех идиомах статистически значимо.

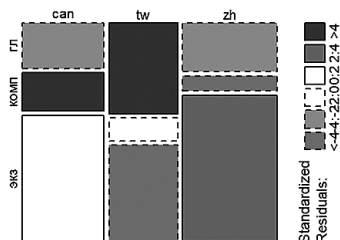

Рис. 2. Мозаичная диаграмма распределения функций GUO

Мозаичная диаграмма стандартизированных остатков на рисунке 2 показывает, что все три выборки отличаются друг от друга и что нельзя назвать одну функцию, которая дает основной вклад в различия в распределении.

Мы можем сделать вывод о том, что в трех китайских идиомах распределении функций GUO неравномерно. Наиболее отклоняющаяся тайваньская выборка демонстрирует максимальную долю употреблений лексического глагола и при этом минимальную долю экзистенциальных употреблений, что может служить аргументом в пользу незавершившегося процесса грамматикализации. Наиболее продвинувшимся по пути грамматикализации является стандартный китайский, в то время как кантонский занимает срединное положение.

Литература

- Вострикова 2010 – *Вострикова, Н.В.* Типология средств выражения экспериментивного значения: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2010.
- Падучева 2010 – *Падучева, Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
- Тань 2002 – *Тань Аошун.* Проблемы скрытой грамматики. Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя. М.: Языки славянской культуры, 2002. 896 с.
- Bybee, Perkins & Pagliuca 1994 – *Bybee, J., Perkins, R. & Pagliuca, W.* The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago & London: The University of Chicago Press, 1994.
- Dahl 1985 – *Dahl, Ö.* Tense and aspect systems. Oxford: Basil Blackwell. 1985.

Акциональные ограничения на семантику японского прогрезультива

Анна А. Куликова

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва*

Actional Constraints on Semantics of Japanese Progresultive Aspect

Anna A. Kulikova

National Research University «High School of Economics», Moscow

Abstract. The aim of the research is to revise constraints on the interpretation of Progresultive *-te i-* form, which is argued to be ambiguous about progressive and resultative meanings. Previously, two types of constraints were argued to be at play: actional and syntactic (thematic-role-driven). The current proposal is to classify some Japanese verbs using actional classification of S. G. Tatevosov [Tatevosov 2015], which has never been applied to Japanese data. The set of available interpretations for each verb is compared with set of the interpretations available to the Progresultive. Several generalizations are drawn and their implications for semantics of the form are discussed. I show that actional constraints are sufficient to account for different interpretations arising with causative and anticausative correlates.

Keywords: aspect, actionality, progressive-resultative polysemy

В настоящем исследовании рассматривается взаимодействие акциональных свойств японского глагола и значений, доступных форме на *-te i-* (далее – прогрезультив¹). Прогрезультив сочетает в себе прогрессивное и результативное значение (также выделяются хабитуальное и перфектное значения [Shirai 2000: 333]).

¹ Термин вводится в данной работе вследствие того, что предыдущий термин – инкомплетив [Плунгян 2011] – непрозрачен и может быть использован для обозначения широких имперфективных форм.

- (1) *そしていま、それをこうして苦笑いしながら書いている*²
 sosite ima sore wo kousite nigawaraisi-nagara **kai-te-i-ru**
 затем сейчас то ACC так грустно.улыбаться-CNV писать-CVB-
 AUX-NPST
 ‘И после теперь, так грустно улыбаясь, это пишу’
- (2) *日本全国の人がおいわいしている、と書いている*
 nihon zenkoku no hito ga oiwaisi-te-i-ru
 Япония вся.страна GEN человек NOM праздновать-CVB-AUX-NPST
 to **kai-te-i-ru**
 CMP писать-CVB-AUX-NPST
 ‘Написано, что празднуют люди со всей Японии’ [ibid.]

Ограничения, позволяющие разграничить эти значения, широко обсуждаются в литературе. Акциональные ограничения связаны с семантикой глагола. Если глагол допускает длительность, возникает прогрессивное значение, а если глагол не допускает длительность и обладает предельностью, возникает резульгативное значение [Shirai 2000: 341-342]. Синтаксические ограничения³ опираются на семантическую роль субъекта. Агентивный субъект вызывает прогрессивную интерпретацию, а пациентивный – резульгативную. Это ограничение необходимо для объяснения различия в интерпретациях, которое возникает у каузативных и антикаузативных глагольных коррелятов [Конума 2011]. В отсутствие различий в лексической семантике глагольной основы у каузативного коррелята возникает прогрессивная, а у антикаузативного – резульгативная интерпретация. Отметим, что прогрессивная и резульгативная интерпретация не исключены для одного глагола, как показывают примеры (1)-(2).

- (3) a. *Kodomotati wa oni wo kime-te-i-ru*
 дети TOP вода ACC решать-CVB-AUX-NPST
 ‘Дети решают, кто будет водой’
- b. *Oni ga kimat-te-i-ru*
 вода NOM решаться-CVB-AUX-NPST
 ‘Решено, кто вода’ [Jacobsen 1992: 176] цит. по [Shirai 2000: 347]

Считая акциональные ограничения первичными [Куликова 2022], мы предлагаем применить акциональную классификацию С. Г. Татевон

² В исследовании используются данные используется материал корпуса BCCWJ (Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese: <https://shonagon.ninjal.ac.jp/>)

³ Также релевантны такие факторы, как сила свидетельства [Nara 1999] и рефлексивность [Kikuta 1999].

сова [Татевосов 2015] к японским данным. В отличие от предыдущих используемых классификаций [Kindaichi 1950, Vendler 1957] она позволяет учесть межъязыковое варьирование в области акциональности и вариативность в интерпретациях, доступных разным видо-временным формам глагола. В рамках этой акциональной классификации каждому объекту классификации приписывается акциональная характеристика вида {PFV, IPFV}, где PFV и IPFV – множества интерпретаций в частно-языковых формах, соответствующих перфективному и имперфективному межъязыковым категориальным типам (МКТ) по [Dahl 1985]. Возможные интерпретации представляют собой множество {EP, ES, MP, P, S}, где EP – вхождение в процесс, ES – вхождение в состояние, MP – мультипликативный процесс, P – процесс, S – состояние.

В качестве основной перфективной формы (PFV) мы принимаем форму Прошедшего времени *-ta*, а в качестве основной имперфективной формы (IPFV) – несколько диагностических нефинитных форм: *-ru toki* ‘когда, во время, пока’, *-nagara* (деепричастие фонового действия), *-ru uchi ni* ‘пока’. Например, глагол 書く *kaku* ‘писать’ принадлежит к классу <ES P, P>: в Прошедшем времени ему доступны интерпретации ‘вхождение в состояние’ и ‘процесс’, а в диагностических формах – интерпретация ‘процесс’.

Мы установили акциональные классы некоторых глаголов корпусным методом и в рамках классификации Татевосова вывели несколько обобщений:

- (4) $P_{IPFV} \rightarrow P$: Предикат с интерпретацией P в имперфективном акциональном множестве IPFV обладает интерпретацией P в сочетании с формой на *-te i-*. (*-te i-* в значении прогрессива по [Shirai 2000])
- (5) $S_{IPFV} \rightarrow S$: Предикат с интерпретацией S в акциональном множестве IPFV обладает интерпретацией S в сочетании с формой на *-te i-*. (*-te i-* в значении стативного прогрессива по [Shirai 2000])
- (6) $ES_{PFV} \rightarrow S$: Предикат с интерпретацией ES в акциональном множестве PFV обладает интерпретацией S в форме на *-te i-*. (*te i-* в значении результата по [Shirai 2000])

Эти обобщения позволяют доказать, что только часть интерпретаций, доступных форме, соответствует МКТ имперфектива и является собственно аспектуальной (представлена как обобщения (4)–(5)). В употреблениях, обобщаемых как (6), акциональный тип основы меняется, соответственно, форма выступает в них как акциональный модификатор. Это различие является косвенным аргументом в пользу полисемичности формы.

Кроме этого, в рамках данной акциональной классификации каузативные и антикаузативные корреляты основы отличаются

предсказуемым образом: например, в паре 冷やす *hiyasu* ‘охлаждать’ и 冷える *hieru* ‘замерзать, мерзнуть’ первый глагол (каузативный коррелят) принадлежит к классу <ES, P>, а второй (антикаузативный) – к классу <ES, ->. Согласно полученным данным, отличие между ними заключается в наличии неопределенной интерпретации у каузативного коррелята. Полученные обобщения предсказывают невозможность прогрессивной интерпретации с антикаузативным коррелятом основы, что позволяет отказать от синтаксических ограничений по [Shirai 2000].

В докладе планируется обсудить глаголы, принадлежащие к классу IV по Киндаити [Kindaichi 1950], а также взаимодействие представленных ограничений.

Литература

- Конума 2011 – *Конума Ю.* Понятие суперлексемы и аспектуальная характеристика японского глагола // Вопросы языкознания. 2011. № 6. С. 67–89.
- Куликова 2022 – *Куликова, Анна Андреевна.* Корпусное исследование японской прогрессивно-результативной конструкции на -te i-. Курсовая работа, НИУ ВШЭ, 2022.
- Татевосов 2015 – *Татевосов, Сергей Георгиевич.* Глагольные классы и типология акциональности. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Dahl 1985 – *Ö. Dahl.* Tense and Aspect Systems. Oxford: Blackwell, 1985.
- Jacobsen 1992 – *Jacobsen W.M.* The transitive structure of events in Japanese. Tokyo: Kuroshio, 1992.
- Kikuta 1999 – *Kikuta C.U.* Lexicalization of information: reflexivity and the resultative interpretations of te-ir and te-ar constructions // Doshisha daigaku eigo eibungaku kenkyu [Doshisha University English Language and Literature Research]. 1999. T. 71. C. 99–129.
- Kindaichi 1950 – *Kindaichi, Haruhiko.* Kokugo doosi no itibunrui [A classification of Japanese verbs]. Gengo Kenkyu. 1950. 15 : 48–3.
- Nara 1999 – *Nara H.* Strength of evidence and the semantics of the Japanese-te iru aspect affix // Language Sciences. 1999. T. 21. №. 4. C. 423–447.
- Shirai 2000 – *Y. Shirai.* The semantics of the Japanese imperfective -te iru: An integrative approach // Journal of Pragmatics. 2000. № 32. P. 327–361.

Перевод цитат из китайских классических произведений,
используемых в информационных сообщениях
(на материале СМИ КНР)

Юлия Г. Лемешко

Московский государственный институт международных отношений, Москва

Translation of quotations from Chinese Classical works
used in news reports (based on PRC Media)

Iuliia G. Lemeshko

Moscow State Institute of International Relations, Moscow

Abstract. The proposed article is devoted to the study of the patterns of citation of quotations from ancient treatises in newspaper reports. Within the framework of the research we analyzed fragments of electronic newspaper texts (total number of texts are 258), where quotations from ancient Chinese treatises function. Such quotations are a powerful means of influence, which predetermines their active use both in the PRC leader's speech and in information messages on topical issues. When translating quotations from ancient texts in Xi Jinping's speeches and articles by correspondents of the central press, it is possible to use both literal and adapted translation. The accuracy of translation depends on several components: authorship, function of the quotation, frequency of its use, its sender, genre of the article. Graphic markers help to identify ancient Chinese sayings in the text.

Keywords: quotation, direct quotation, precedence, PRC Media, translation

Текст соткан из цитат,
отсылающих к тысячам культурных источников.
Р. Барт «Смерть автора»

Функционирование заимствований из древних классических текстов в современном китайском языке всегда вызывало не только интерес, но и трудности их перевода на иностранный язык, в силу чего любое филологическое исследование, посвященное переводу древнекитайской мысли, не перестает быть актуальным. Данная тема представлена прежде всего в научных работах, раскрывающих особенности различных форм цитат, встречающихся в публичных выступлениях и письменных заявлениях лидеров КНР. Большинство исследований посвящено речевому поведению и речевым предпочтениям Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Си Цзиньпина. Опубликованные в последние годы статьи

используют методологию и категориальный аппарат новой дисциплины – лингвополитической персонологии. «Это новое направление в современной российской науке, которое ориентировано на исследование проявлений профессиональной языковой личности в политической сфере» [Руженцева 2021: 7].

В июне этого года на базе ИКСА РАН была создана первая в мире лаборатория по изучению идей Си Цзиньпина в области экономики, внешней и внутренней политики, культуры и идеологии. Возможно, что по окончании проекта в 2025 г. кроме выхода научной монографии, написанной политологами и историками, нас ждут интересные статьи и доклады о речевом портрете нынешнего лидера Китая. Для комплексного описания его речевого поведения могут помочь материалы информационной онлайн платформы «Коммунист», (共产党员网)¹. На сайте представлен теоретический раздел «Собрание цитат из классических произведений, [используемых в работах] Си Цзиньпина» (习近平用典)², где разобраны примеры использования цитат из древних произведений председателем страны. В каждом конкретном случае отмечены дата и место публичного выступления, содержащего цитату. Важно, что кроме указания на ее источник предложен достаточно подробный комментарий отрывка древнекитайской фразы.

Анализ речей Си Цзиньпина показал, что кроме формирования имиджа лидера державы с древнейшей историей, цитаты из классических древнекитайских текстов реализуют несколько функций: аргументирующую, ассоциативную, эмоционально-оценочную. В рассмотренных нами текстах китайский политик как правило прибегает к прямому цитированию (дословному или видоизмененному), указывая при этом автора. Практически в каждой речи, транслируемой как в Китае, так и за его пределами, Си Цзиньпин использует прецедентные имена. Согласно утверждению Н.Н. Воропаева, «к прецедентным именам китайскоязычного культурного пространства следует относить все широко известные в китайском лингвокультурном сообществе индивидуальные онимы, которые используются в китайскоязычном дискурсе не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа и актуализатора определенных качеств, событий, судеб» [Воропаев 2018: 19].

Выступая в 2013 г. перед Сенатом Мексики, Си Цзиньпин призвал стороны приложить усилия к продвижению всестороннего стратегического партнерства. По его мнению, цитата из «Лунь юй» максимально

¹ <https://www.12371.cn>

² <https://www.12371.cn/special/ydhj/>

выражает высший нравственный принцип, которым должны руководствоваться страны в построении двусторонних отношений:

«中国古代思想家孔子说过：“己所不欲，勿施于人。”» – *Древнекитайский мыслитель Конфуций говорил: “Чего не желаешь себе, того не делай другим”.*

Далее в своей речи председатель КНР указывая на то, что имена Лао-цзы и Чжуан-цзы известны в Мексике благодаря переводам поэта, публициста, дипломата Октавио Паса (1914-1998), обратился к аудитории, используя цитату из первой главы «Странствия в беспредельном»:

«庄子说过：“水之积也不厚，则其负大舟也无力。”我们要让中墨两国人民友情汇聚成浩瀚的大海，让中墨友好合作的大船不断乘风破浪前进。» – Чжуан-цзы говорил: “При малой глубине воде не под силу поднять большой корабль”. Нам следует превратить дружбу народов двух стран в безбрежный огромный океан, чтобы корабль китайско-мексиканской дружбы и сотрудничества смело шел на всех парусах³.

В первом и во втором примерах цитата была введена в текст нейтральным глаголом говорения *шо* (说 «сказать»), в обоих случаях указан ее автор. Председатель использует всем известное изречение Конфуция, смысл которого понятен для представителя любой культуры. Во втором примере цитату из «Чжуан-цзы» также можно перевести дословно.

При устном переводе, если переводчик не может дословно передать цитату из древнекитайского текста, он прибегает к адаптированному переводу, стремясь при этом заполнить существующие лакуны в языковом сознании реципиента для максимального восприятия прецедентного имени. В письменных заявлениях политических деятелей кроме прецедентного имени переводчику помогают выявить прямую цитату графические маркеры. Определив заимствование из древнего текста, специалист благодаря специализированным интернет-платформам и справочным материалам может сделать выбор между дословным или адаптивным переводом.

Цитаты, используемые лидерами Китая, в большинстве случаев определены стилистическими особенностями политического дискурса, многие из них транслируются с постоянной частотностью, поэтому проблема перевода может быть решена благодаря сформированной

³ http://toronto.china-consulate.gov.cn/zgwxw/201306/t20130606_7018089.htm (дата обращения: 17.07.2023)

лингвострановедческой компетенцией. В 2002 г. был выпущен «Китайско-русский словарь терминов и выражений, встречающихся в периодике», содержащий несколько приложений. Наиболее полезным в контексте обозначенной темы является приложение словаря «Поэзия. Изречения древних» (诗词古训), где представлены самые частотные цитаты, функционирующие в СМИ КНР, которые можно рекомендовать переводчикам к заучиванию.

Наибольшую трудность для перевода представляют информационные статьи, созданные корреспондентами на актуальные темы, содержащие цитаты из древней классики.

Литература

Воропаев 2018 – *Воропаев Н.Н.* Китай. Имена на все времена. Прецедентные персонажи.

Лингвокультурологический словарь-справочник. ВКН. М., 2018. 384 с.

Руженцева 2021 – *Руженцева Н.Б., Нахимова Е.А., Суетина А.И.* Лингвополитическая персонология: Учеб. для вузов / Уральский гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2021. 262 с.

Создание и исследование корпуса современных корейских песен

Алина В. Лобанова

Варвара В. Васильева

Алёна Г. Зенина

Екатерина С. Неминова

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва

Creation and analysis of Contemporary Korean (K-pop) Song Corpus

Alina B. Lobanova

Varvara B. Vasileva

Alena G. Zenina

Ekaterina S. Neminova

National Research University «High School of Economics», Moscow

Abstract. We created a parallel Korean-Russian corpus containing texts of the contemporary Korean popular songs (k-pop). K-pop texts are interesting for two major reasons. First, they introduce the notion of rhyme to Korean poetry. Second, they are written with code-switching between Korean and English. Our corpora is aligned and has morphological and poetic annotation for Korean and English and morphological annotation for Russian. For now, our corpora has around 30,000 tokens, but we plan on expanding this number to 100,000 tokens by autumn. We are also currently improving the poetic annotation using a self-created Python library for Korean IPA transcription. As a final result, we will make our corpus public and present the basic statistics of poetic characteristics of the Korean popular songs.

Keywords: corpus, Korean language, code-switching, rhyme

Данная работа посвящена составлению и анализу параллельного поэтического корейско-русского корпуса на основе текстов песен К-ПОП. К-ПОП – корейская популярная музыка, зародившаяся в 90-х гг. XX в. в Южной Корее [Ingyu, Lee 2014]. Структура таких песен – привычная для западной поп-музыки: отличающиеся куплеты чередуются с полностью повторяющимися припевами.

Актуальность работы. Выбранный лингвистический материал интересен по нескольким причинам. Во-первых, большинство текстов песен этого жанра – двуязычные: используются корейский и английский

языки, с преобладанием всё же корейского. Встречается как переключение кода на уровне одного слова (1), так и на уровне фразы (2) и клаузы (3):

- (1) 머리 싸매고 고민할수록 minus
*meori ssamaego gominhalsurok minus*¹
[TWICE – Scientist]
- (2) 녹아버리는 지금 내 기분 so lovely
nogabeorineun jigeum nae gibun so lovely
[TWICE – Feel Special]
- (3) I wanna know 사랑처럼 달콤하다는데
I wanna know satangcheoreom dalkomhadaneunde
[TWICE – What is love?]

Это делает наш корпус уникальным в двух направлениях: насколько нам известно, не существует корпусов, во-первых, с текстами, содержащими переключение кода между корейским и английским, а во-вторых, параллельных корейско-русских корпусов с поэтической разметкой для корейского языка. Поскольку разработка нашего корпуса началась в рамках [Лобанова 2022], некоторые тексты будут пересекаться с текстами параллельного корейского корпуса НКРЯ². Однако в НКРЯ доступны только строки песен, не содержащие английских слов, и они не имеют поэтической разметки.

На данный момент в нашем корпусе около 150 произведений, имеющих суммарный объём около 30,000 токенов. Однако мы расширяем наш корпус и планируем достичь объёма в 100,000 а также выложить его в открытый доступ.

Разметка корпуса

Для оригинальных текстов были выполнены автоматические морфологическая обработка, перевод слов самостоятельных частей речи (при помощи словарей), стиховедческая разметка: рифма и количество слогов в строке. Для русского перевода были осуществлены леммати-

¹ В этой работе используется система транслитерации, принятая Национальным институтом корейского языка, принципы этой системы можно найти на официальном сайте организации.

National Institute of Korean Language. Romanization of Korean. URL: https://www.korean.go.kr/front_eng/roman/roman_01.do (дата обращения: 16.09.2023)

² Национальный корпус русского языка, 2003–2023, параллельный корейский корпус. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgkyBwgFEgNrb3IwAQ%3D%3D> (дата обращения: 24.07.2023)

зация и определение частей речи. При этом морфологическая разметка для корейского, английского и русского совпадают по набору тегов: мы придерживались принятых в НКРЯ стандартов разметки³.

На данный момент была сделана предварительная стиховедческая разметка, основанная на таких соответствиях звуков, которые на наш взгляд могли бы образовывать рифму [Лобанова 2022]. Однако данный подход нельзя считать вполне обоснованным, поэтому мы провели предварительный анализ рифм (см. ниже) и теперь разрабатываем новую автоматическую систему для определения рифм.

Предварительный анализ рифм

Рифмы используются в корейской лирике гораздо реже, чем в западной. Чтобы составить выборку из 50 корейско-корейских и 50 корейско-английских рифм, нам пришлось просмотреть более 100 песен.

Задача по определению корейско-корейских рифм осложняется отсутствием ударения в корейском языке. Однако в песнях акцентные слоги все-таки присутствуют. Самый популярный вид рифмовки таких слогов – ассонансная рифма (*assonance rhyme*), при котором в обоих слогах наблюдается одинаковый гласный, а согласные отличаются, например:

- (4) 너무 빨리 너는 빼끗 (*nomu ppallo noneun ppikkeut*)
원한다면 그냥 지름 (*wonhantamjen keunjan chireum*)
[BLACKPINK – Ice Cream]

Также довольно часто можно встретить и точные рифмы. Среди таких рифм можно выделить как полные повторения слов (5), так и одинаковые части слов (6).

- (5) 하마터면 또 넘어갈 뻔 했어 (*hamateomyeon tto neomeogal ppeon haesseo*)
하마터면 또 네게 속을 뻔 했어 (*hamateomyeon tto neomeogal ppeon haesseo*)
[BIBI – Life is a Bi... (인생은 나쁜X)]
(6) 쌓인 먼지 털어, 우리끼리 걸어 (*ssain monchi thoro urikkiri koro*)
[MAMAMOO – 덩가딩가 (Dingga)]

В основном, точные рифмы обусловлены рифмовкой грамматических показателей:

³ Национальный корпус русского языка, 2003–2023. Морфологическая разметка. URL: <https://ruscorpora.ru/page/instruction-morph/> (дата обращения: 10.05.2023)

- (7) 인생은 나를 놀래키려 하지만 (*insaeng-eun nareul nolraekiryeo hajiman*)
 Sex money murder 나를 중독시키지만 (*Sex money murder nareul jungdoksikijiman*)
 [BIBI – Life is a Bi... (인생은 나쁜X)]
- (8) 별거 아니라고 나를 타이르지만 (*byeolgeo anirago nareul ta'ireujiman*)
 네가 지나가고 나면 남아 껌질만 (*nega jinagago namyeon nama kkeopjilman*)
 [BIBI – Life is a Bi... (인생은 나쁜X)]

Главная сложность анализа межъязыковых рифм – адекватное сопоставление звуков. В таблице 1 представлены предварительные соответствия корейских и английских гласных в рифмах из нашей выборки. В первых двух колонках находятся английские и корейские гласные звуки, которые рифмуются в песнях. Транскрипция выполнена в традиции Международного Фонетического Алфавита⁴. В колонках с примерами приведены рифмующиеся строки с такими гласными звуками, а в последней колонке – исполнитель и название песни через тире. Рифмующиеся слоги подчёркнуты.

Таблица 1

Предварительные соответствия корейских
и английских гласных в межъязыковых рифмах

англ	кор	Пример		Источник
		английский	корейский	
aɪ		Try to take me down and wave me goodbye	내 어쩔 밑고 가는 동안	BIBI – 난 (NAAN)
ʌ	ɐ	가시밭길 위로 riding, you made me boost <u>up</u>	거짓으로 가득 찬 party 가렵지도 <u>않아</u>	Le Sserafim – ANTIFRAGILE
	ʌ	Maybe you could be the <u>one</u>	누가 내게 뭐래든 남들과는 달라 <u>넌</u>	NewJeans – Hype Boy
ə	i	Drip, drip, ice it out, bust it down, top to the <u>bottom</u>	우리 이름 틀린다면 뚜두뚜두 맞 <u>으</u>	BLACKPINK – Pretty Savage
əʊ	o	Kick in the door, waving the <u>coco</u> '	팍콘이나 챙겨 꺾 <u>들</u> 생각 말 <u>고</u>	BLACKPINK – Pink Venom

⁴ IPA Chart, URL: <http://www.internationalphoneticassociation.org/content/ipa-chart>, available under a Creative Commons Attribution-Sharealike 3.0 Unported License. Copyright © 2015 International Phonetic Association.

i:	i	한참을 쳐다봐, 가까이 다가가 <u>you see</u>	You and me 내 맘이 보이지	NewJeans Attention	–
i		(Keep) looking at my cookie	한입은 모자라니	NewJeans Cookie	–
u:	u	One by one, then two by <u>two</u>	내 손끝 툇 하나에 다 무너지는 줄	BLACKPINK Pink Venom	–
ə		네 질투가 문제야, Maybe I'm the <u>problem</u>	BLACK 했다 PINK 했다 내 맘대로 바꿈	BLACKPINK Pretty Savage	–
e	e	줄 달린 인형은 no thanks 내 미련 쓸 나의 노래	뜨거운 관심은 환영, 귀여운 질투는 go <u>ahead</u>	Le Sserafim ANTIFRAGILE	–

Нам предстоит собрать ещё больше примеров рифм и провести более тщательный анализ. Мы создали библиотеку на языке Python⁵ для транскрипции корейского⁶ и планируем также использовать её для автоматической детекции рифм. В итоге мы сможем посчитать статистику по всему корпусу по типу рифм (аддитивные, ассонансные, точные) и рифмующимся звукам.

Литература

- Лобанова 2022 – Лобанова А. В. Корпус современных корейских песен. М., 2022. 16 с.
 Ingyu, Lee 2014 – Oh Ingyu, Hyo-Jung Lee. K-pop in Korea: How the Pop Music Industry Is Changing a Post-Developmental Society // Cross-Currents East Asian History and Culture Review 3(3). University of Hawai'i Press. 2014. № 1. P. 72–93.

⁵ Python Software Foundation. URL: <https://www.python.org/> (дата обращения: 24.07.2023)

⁶ Lobanova A., Neminova E., Vasilyeva V., Zenina A. IPAkor. URL: https://github.com/Ne-minus/kor_to_phonemes (дата обращения: 24.07.2023)

Семантические принципы конструирования графики иероглифов-синонимов китайского языка

Надежда В. Михалькова

Минский государственный лингвистический университет, Минск

Semantic principles of the Chinese characters-synonyms construction

Nadezhda V. Mikhalkova

Minsk State Linguistic University, Minsk

Abstract. The article is devoted to the analysis of the semantic principles in the graphic construction of the Chinese characters-synonyms, to the problem of choosing the semantic component of a complex character-synonym. Based on the material of one structural group of synonymous units (complex signs of two graphemes, one of which is a radical), it is determined to what extent the choice of the semantic component of the character sign is the same or different for the synonymic chains, how Chinese writing reflects the semantic differences described by scientists between identical or close in meaning units, what components of semantics are represented in character graphics and, as a result, how much language nomination depends or does not depend on logical mental operations, i.e. the construction of synonymous characters is the desire to gain distinguish between semantically close linguistic units or the result of the principles of character organization common to the entire Chinese writing system.

Keywords: synonym, character, semantics, determinative, the Chinese language

Как подчеркивает А.М. Карапетьянц, именно китайское письмо, которое, начиная с самых ранних этапов его создания и по сей день, является оторванной от устной нормы системой, областью собственных правил функционирования, формирования и представления, как ничто иное дает возможность понять китайцев, поскольку синографы – это прежде всего идеи-символы и всегда были таковыми [Карапетьянц 2019]. Среди данных правил наиболее сложными и, как результат, наименее разработанными являются структурно-семантические характеристики образования китайских иероглифов. Именно они закономерно оказываются ведущими при анализе китайской идеографической письменности, поскольку детерминируют не только и не столько построение, сколько употребление китайских сложносоставных знаков [Тань Аошуан 2004].

Вместе с тем, на фоне уже выполненных исследований в этой области [Готлиб 2007; Прудких 2003; Карасева 2019 и др.] возникает ряд дополнительных вопросов относительно принципов формирования отдельных семантических групп иероглифов, в частности, каким образом китайская знаковая система «реагирует» на такие базовые задачи, как построение синонимических единиц, насколько она «отражает» описанные учеными семантические различия между тождественными или близкими по значению единицами, какие компоненты семантики репрезентируются в иероглифической графике.

Для решения поставленных задач в качестве материала исследования нами была взята отдельная структурная группа синонимических единиц – сложные иероглифические знаки (от двух графем, одна из которых детерминатив) [汉语近义词典, 汉语词典], например, 拔 (bá) – 抽 (chōu) – 拉 (lā) «тянуть что-то в определенном направлении». Общее число исследованных знаков составило 224 иероглифа, образующих 105 синонимических цепочек, представляющих собой как двучленные (聊 (liáo) – 谈 (tán) «разговаривать», 汇 (huì) – 寄 (jì) «отправлять что-то»), так и трехчленные ряды синонимов (何 (hé) – 呵 (hē) – 诨 (hēn) «бранить, ругать», 喊 (hǎn) – 叫 (jiào) – 嚷 (rǎng) «кричать» и др.).

Анализ материала исследования показал, что чаще всего образование иероглифов-синонимов затрагивает сферу обозначений действий различного характера, так, например, из 105 синонимических рядов, 71% являются обозначениями процессов (拔 (bá) – 抽 (chōu) – 拉 (lā) «тянуть что-то в определенном направлении», 摆 (bǎi) – 搁 (gē) – 放 (fàng) «поместить что-то в определенное место», 传 (chuán) – 递 (dì) «переходить от одного человека к другому»), 10% рядов номинируют объекты (括 (kuò) – 桤 (guā) «конец древка стрелы»), 15% рядов – атрибутивные постоянные характеристики (低 (dī) – 矮 (ǎi) – 短 (duǎn) «небольшой», 冷 (lěng) – 凉 (liáng) «холодный (о низкой температуре)», 挑 (tiáo) – 佻 (tiāo) «легкомысленный»), 9% представлены иными номинациями, в частности, 样 (yàng) – 种 (zhǒng) «вид». Следует отметить, что у 14% из представленных пар иероглифических единиц кроме односложного синонима также в синонимическом ряду присутствовал многосложный вариант, анализ которого не производился (捕 (bǔ) – 捉 (zhuō) – 逮捕 (dàibǔ) «ловить», 售 (shòu) – 卖 (mài) – 出售 (chūshòu) «продавать что-либо»).

Для большинства (74%) иероглифов-синонимов детерминатив оказывается различным, что говорит о том, что, во-первых, выбор смыслового компонента сложного иероглифа, скорее всего, основывается не на категориальном признаке семантики знака (иначе в большинстве синонимических рядов в иероглифы-синонимы должен был бы быть включен одинаковый детерминатив), а на иных принципах. Во-вторых,

полученные данные подтверждают общезыковые принципы, на которых строятся синонимические ряды: поскольку мы имеем, как уже было отмечено выше, не тождество, а близость значений, основанную на различии дифференциальных компонентов семантики, логично предположить, то именно этот аспект и находит выражение в иероглифическом знаке, приводя к высоким показателям синонимических рядов иероглифов с различными детерминативами.

Анализ иероглифов-синонимов с одинаковыми детерминативами представляется наиболее сложным процессом, поскольку семантические различия при неодинаковом детерминативе практически уходят из графики. Так, например, в паре иероглифов-синонимов 捕 (bǔ) – 捉 (zhuō), объединенных значением «ловить», детерминатив 扌 (shǒu) «рука» является репрезентантом инструмента, с помощью которого выполняется действие, что в определенной степени коррелирует с общей тенденцией китайской письменности использовать в графике знаков со значением действий различного характера детерминативов – инструментов, с помощью которых выполняется процесс. Однако, в то же время, иероглиф 捕 (bǔ), кроме детерминатива, имеет в составе графему-фонетик 甫 (fǔ) «человек без имени». Исходное значение глагола 捕 (bǔ) – «выслеживать беглых рабов». Можно предположить, что данный компонент не только несет звуковую подсказку, но и является дополнительным смыслообразительным элементом, указывающим на субъект, над которым производится действие. Иероглиф 捉 (zhuō), в свою очередь, также неслучайно кроме графемы-детерминатива 扌 (shǒu) «рука» имеет в своем составе графему-фонетик 足 (zú) «нога, стопа», можно предположить, что в данном случае мы имеем два инструмента действия: 扌 (shǒu) «рука» и 足 (zú) «нога, стопа».

Следовательно, номинативные процессы в китайской письменности относительно иероглифов-синонимов происходят независимо от лингвистических оснований, т. е. имеющих в системе или формирующихся семантических связей, а оказываются гораздо более тесно связаны с экстралингвистическими основаниями, что приводит к соответствующим различиям в употреблении и функционировании знаков-синонимов китайского письма. Поскольку экстралингвистический фактор оказывается ведущим при создании иероглифических знаков-синонимов, исследуемые ряды единиц создаются с помощью различных смысловых компонентов и, соответственно, разных мотивировочных оснований, которые находят отражение в иероглифе не только с помощью семантического компонента – детерминатива, но и через другие графические элементы, в частности, составляющие фонетики знаков и занимающие позицию ведущих семантических компонентов.

- Готлиб 2007 – *Готлиб, О.М.* Основы грамматики китайской письменности. Москва: АСТ Восток-Запад, 2007. 284 с.
- Карапетьянц 2019 – *Карапетьянц, А.М.* Гимн иероглифу. URL: https://www.youtube.com/watch?v=vq1ij-X_ZxU&t=5012s (дата обращения: 20.02.2022).
- Карасева 2019 – *Карасева, К.В.* Принципы декодирования логограмм и реконструкция их семантики: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.22. Минск, 2019. 26 с.
- Пруцких 2003 – *Пруцких, А.А.* Структурно-семантический анализ иероглифов с ключом «женщина»: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 141 с.
- Тань 2004 – *Тань, Аошун.* Китайская картина мира: язык, культура, ментальность. М.: Яз. слав. культуры, 2004. 231 с.

Трудности совмещения
лексико-грамматических систем вэньяня и СКЯ
у изучающих китайский язык

Людмила О. Наний

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Ксения В. Кузьмина

*Тайваньский государственный педагогический университет,
Институт преподавания китайского языка как иностранного, Тайбэй*

Problems of incorporating lexico-grammatical systems
of Classical Chinese into Modern Chinese

Liudmila Nanii

Russian State University for the Humanities, Moscow

Kseniia V. Kuzmina

*National Taiwan Normal University
Graduate Institute of Chinese as a Second Language, Taipei*

Abstract. The main topic of this paper is the common problems that Mandarin Chinese learners encounter when beginning to learn Classical Chinese (Wenyan) and possible approaches to solving these problems. It is a general consensus among Mandarin Chinese educators that these problems stem from the differences in lexical and grammatical systems of Classical and Modern Chinese. Thus, in order to overcome these issues, learners need to understand these differences and gain the ability to switch between the systems of Classical and Modern Chinese. This ability is also crucial for learning Modern Chinese on more advanced levels, where Classical Chinese elements are often intertwined with the Modern Chinese text, and, subsequently, for producing texts in written Modern Chinese. In order to achieve these goals, this paper proposes several types of exercises that can help students obtain the abilities mentioned above.

Keywords: Classical and Modern Chinese, Wenyan, lexical and grammatical systems

Обычно изучение вэньяня начинается уже после знакомства с китайским языком на базовом уровне. Необходимость его изучения вызвана тем, что в аутентичных текстах на современном китайском языке присутствует большое количество элементов вэньяня (начиная от служебных слов и заканчивая чэньюями и четырёхъероглифиче-

скими выражениями, где лексика используется в более архаичных значениях и в соответствии с грамматической структурой вэньяня). При этом вэньянь отличается от путунхуа на всех уровнях языка, и не всегда можно определить, грамматические эти отличия или лексические: лексика и грамматика в принципе связаны в языках достаточно тесно и могут переходить одна в другую, ср. процессы грамматикализации и лексикализации, например, [Horper, Traugott 2003].

Одно из широко известных различий лексико-грамматических систем вэньяня и СКЯ – разница в круге значений слов, которые записываются одними и теми же иероглифами в путунхуа и вэньяне. Подавляющее большинство лексики в вэньяне представлено однослогами, и круг значений, в которых они употребляются свободно, шире по сравнению с лексикой СКЯ. Одним из частных случаев этой многозначности можно считать то, что однослог в вэньяне при переводе может соответствовать словам различных частей речи. В современном китайском языке эта многозначность часто разрешается на уровне двуслогов.

Таким образом, на начальном этапе освоения вэньяня основные трудности заключаются, с одной стороны, в необходимости расширять не только лексическую базу, но и системы значений для уже известных иероглифов, в том числе развивать навык подбора подходящих однокоренных слов разных частей речи при переводе в зависимости от функции в конкретном предложении или словосочетании. С другой стороны, в необходимости усвоить функционирование основных служебных слов и конструкций вэньяня. Но эти проблемы в целом хорошо известны, в том числе отмечаются во всем хорошо известном учебнике классического китайского языка А.М. Карапетьянца и Тань Аошуан [Карапетьянц, Тань 2001].

Выше мы кратко обсудили трудности, возникающие при освоении системы вэньяня как таковой. Но более подробно хотелось бы остановиться на трудностях, возникающих уже на следующем этапе, а именно при совмещении систем вэньяня и СКЯ. Это, во-первых, проблема распознавания элементов вэньяня в текстах на современном китайском языке, а во-вторых, проблема последующего понимания и перевода этих элементов. Например, студенты могут испытывать сложности с распознаванием «разнесенных» конструкций (элементов) из вэньяня в текстах на СКЯ, таких как 居.....之首. Зачастую учащийся не распознаёт 居 как элемент вэньяня и переводит его в более привычном по СКЯ значении ‘жить, проживать’, что затрудняет понимание смысла и структуры дальнейшей части предложения.

Другим примером являются четырёхиероглифические сочетания (口是心非, 不屑一顾, 循序渐进, 半途而废, 微不足道, 聚精会神, 实事求是 и др.), в том числе окказиональные, которые нужно анализировать

и переводить, исходя из языковой структуры вэньяня. Тут трудности вызывает также то, что в составе этих четырёхъероглифических выражений присутствуют элементы, знакомые студентам по СКЯ, но имеющие в указанных выше сочетаниях другие (более архаичные) значения.

Для тренировки данных навыков – распознавания и переключения систем при столкновении с элементами вэньяня – предлагается использовать несколько типов упражнений, в число которых входят:

- упражнения, направленные на синтез, то есть на активное порождение фраз на вэньяне (упрощённых и, возможно, искусственных), для закрепления владения служебными словами и лексико-грамматической системой;
- упражнения на перевод фраз современного китайского языка с грамматическими и лексическими элементами вэньяня для отработки навыка их распознавания и понимания в контексте СКЯ. Сюда же входит анализ структуры встречающихся четырёхъероглифических выражений;
- упражнения на перевод с разговорного СКЯ на более официальный, письменный, «вэньянизированный» язык, для отработки активного применения уже освоенных компонентов вэньяня.

Литература

- Hopper, Traugott 2003 – *Hopper P., Traugott E. Grammaticalization*. Cambridge: CUP, 2003.
- Карапетьянц, Тань 2001 – *Карапетьянц А.М., Тань Аошун*. Учебник классического китайского языка вэньянь. Начальный курс. М.: Муравей, 2001. 432 с.

Стратегии и приемы в корейско-русском и русско-корейском синхронном переводе

Ро Чжи Юн

*Московский государственный лингвистический университет,
Москва / Республика Корея*

Strategies and techniques in Korean-Russian and Russian-Korean simultaneous interpreting

Rho Ji Yun

Moscow State Linguistic University, Moscow / Korea

Abstract. According to the “efforts model” by Daniel Gile, the interpreter must strategically share total capacity in the process of simultaneous interpreting between listening and analysis effort, short-term memory effort and speech production effort [Gile 2009: 168]. But since capacity is limited, the interpreter faces an increased cognitive load due to various linguistic and extralinguistic factors, which leads to errors. As part of the presentation, strategies and techniques will be examined on the example of materials of Korean-Russian and Russian-Korean simultaneous interpreting by native Korean speakers, and will particularly focus on the differences in syntactic structure and word order between the Korean and Russian languages.

Keywords: Corean, translation, interpreting strategies

Согласно «модели усилий» Даниэля Жили, переводчик должен стратегически распределять ресурсы в процессе синхронного перевода по трем видам усилий: усилие для слушания информации и ее анализа, усилие для ее сохранения в краткосрочной памяти, усилие для речевого воспроизведения [Gile 2009: 168]. Но поскольку ресурсы ограничены, переводчик сталкивается с повышенной когнитивной нагрузкой, обусловленной различными лингвистическими и экстралингвистическими факторами, что приводит к возникновению ошибок. Поэтому в условиях дефицита времени переводчик вынужден выбирать переводческие стратегии и приемы, такие как ожидание, столлинг, вероятностное прогнозирование, компрессию, декомпрессию, членение сегментов, трансформацию, перестановку, замену, добавление, опущение и прочие, для преодоления трудностей, возникающих в процессе своей работы и выполнения переводческих задач.

В то же время, поскольку если исходный язык – не родной язык переводчика, то для перевода потребуется больше способностей к пониманию

исходного текста, понимание переводчика в значительной степени будет определять качество перевода. Однако если переводчик работает с родного языка на целевой язык, качество работы переводчика, скорее всего, будет определяться способностью передачи сообщения на целевой язык. Это также затрудняют выбор наилучшей переводческой стратегии.

В рамках выступления будут рассматриваться стратегии и приемы на примере материалов корейско-русского и русско-корейского синхронного перевода корейскоязычных переводчиков и особо будет уделяться внимание различию синтаксической структуры и порядка слов между корейским и русским языками.

Литература

Gile 2009 – *Gile D.* Basic concepts and models for interpreter and translator training. Revised. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing company, 2009. 283 p.

Сравнительный анализ употребления показателей 着 zhe и 在 zai в современном китайском языке

Мария Б. Рукодельникова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Comparative analysis of the 着 zhe and 在 zai usage in modern Chinese

Mariia B. Rukodelnikova

Russian State University for the Humanities, Moscow

Abstract. The paper describes the difference between verb constructions with 在 and 着 indicating ongoing situation and duration in modern Chinese and focuses at their erroneous usage by Chinese language learners.

Keywords: Modern Chinese grammar, duration verb constructions

Ситуации, описываемые с помощью грамматических показателей 在 zài и 着 zhe не идентичны. Однако изучающие китайский язык часто не понимают разницу в их употреблении и предпочитают использовать сразу обе конструкции (причем не только 在, но и 正/正在/呢 одновременно с 着) в одном предложении, опасаясь допустить ошибку. Вызвано это, в частности, нечетким пояснением употребления показателей 正 zhèng / 正在 zhèngzài / 呢 ne и 着 в грамматических комментариях ряда популярных учебных пособий по китайскому языку как иностранному, где 在/正/正在/呢 трактуются как «показатели прогрессива, продолженности действия (действие в процессе его протекания)», а 着 описывается как «аспектуальный суффикс, выражающий состояние, в котором находится человек или предмет в определенный момент действия» (показатель состояния), при этом отмечается, что «продолженность действия, как правило, означает, что действие находится в развитии, поэтому 着 может употребляться с 在/正/正在 и 呢»¹. Говоря о подобных грамматических комментариях, Тань Аошуан справедливо отмечала: «такое лаконичное обобщение только ставит обучающихся в тупик. Невольно возникает вопрос: зачем же надо говорить о двух аспектуальных категориях, если продолженность действия и прогрессив фактически одно и то же?» [Тань 2002: 349]. Наиболее часто из возможных вариантов 在/正/正在 студенты используют наречие 在.

© Рукодельникова М.Б., 2023

¹ Практический курс китайского языка. Начальный этап в двух томах (под ред. А.Ф. Кондрашевского).

Рассмотрим наиболее частотные контексты употребления 在 и 着.

A. Оба показателя могут использоваться для описания схожей ситуации. Например, ситуацию «На ней красное ципао» можно передать по-китайски, используя и тот, и другой способ, в чем же разница? Сравним:

(1) 她在穿红旗袍。

tā zài chuān hóng qíáo (букв. Она надевает ципао)

在 «задает локализацию действия во времени» [Тань 2002: 353], то есть действие продолжается и находится в состоянии непрерывного протекания.

(2) 她穿着红旗袍。

tā chuānzhe hóng qíáo (букв. Она надела ципао)

着 используется не для выражения значения прогрессива, а для указания на длящееся в момент речи состояние, наступившее в результате предыдущего действия «надевать».

B. С формальной точки зрения – показатели 在 и 着 занимают разные позиции в предложении. Наречие 在 может стоять исключительно в препозиции к глаголу, а 着 – только в постпозиции к глаголу (реже прилагательному). Разницу в их использовании можно выделить по следующим аспектам.

1. Для обозначения непрерывного длящегося действия может использоваться конструкция с 在, показатель 着 не употребляется:

(3) 你看！火车在过黄河。

nǐ kàn huǒchē zài guò Huánghé Смотри! Поезд пересекает Хуанхэ.

(3*) 你看！*火车过着黄河。

nǐ kàn huǒchē guòzhe Huánghé

2. Для выражения последовательного действия и наступившего затем состояния используется показатель 着.

(4) 爸爸敲着桌子笑道。

bàba qiāozhe zhuōzi xiàodào Папа постучал по столу и рассмеялся.

(4*) *爸爸在敲桌子笑道。

bàba zài qiāo zhuōzi xiàodào

3. В ситуации диалога, когда речь идет о конкретном совершаемом действии, а не об описании того, что видит говорящий [Ивченко 2021: 449], используется только 在.

(5) 谁在闹？小王在闹。

shéi zài nào? Xiǎo Wáng zài nào Кто там шумит? Сяо Ван [шумит].

(5*) *谁闹着? *小王闹着。

shéi nàozhe? Xiǎo Wáng nàozhe

(6) 奶奶在干什么? 她在洗碗。

nǎinai zài gàn shénme? tā zài xǐ wǎn Что делает бабушка? Она моет посуду.

(6*) *奶奶干着什么? *她洗着碗。

nǎinai gānzhe shénme? tā xǐzhe wǎn.

4. Семантика глагола также влияет на выбор конструкции. Глаголы состояния обычно оформляются показателем 着 (итоговое состояние агентивного действия в момент речи), а не наречием 在, сравним:

(7) 黑板上写着汉字。

hēibǎn shàng xiězhe hànzì На доске написаны китайские иероглифы.

(7*) *黑板上在写汉字。

hēibǎn shàng zài xiě hànzì букв. На доске [сейчас] пишутся китайские иероглифы.

(8) 台上坐着主席团。

tái shàng zuòzhe zhǔxí tuán Президиум сидит на сцене.

(8*) *台上在座主席团。

tái shàng zài zuò zhǔxí tuán

(9) 桌子上摆着很多课本。

zhuōzi shàng bǎizhe hěn duō kèběn На столе [разложено] много учебников.

(9*) *桌子上在摆很多课本。

zhuōzi shàng bǎizhe hěn duō kèběn

5. Глаголы, выражающие статичное положение в пространстве, употребляются с показателем 着, выражающим итоговое состояние действия. Добавление наречия 在 возможно только в дополнение к конструкции с 着.

(10) 他躺着。

tā tǎngzhe Он лежит.

(10*) *他在躺。

tā zài tǎng

(11) 他在躺着。

tā zài tǎngzhe Он лежит (в настоящий момент).

6. В многоглагольном предложении глагол 1, оформленный показателем 着, описывает состояние субъекта, а не его действие (глагол 2), причем состояние и действие совпадают по времени. Наречие 在 в таких предложениях не употребляется.

(12) 小云张着嘴睡觉。

Xiǎo Yún zhāngzhe zuǐ shuìjiào Сяо Юнь спит с открытым ртом.

(12*) *小云在张嘴睡觉。

Xiǎo Yún zài zhāng zuǐ shuìjiào

7. В многоглагольном предложении, в которых агенс одновременно выполняет два действия, можно использовать показатель 着, но не наречие 在.

(13) 他喝着啤酒看电视。

tā hēzhe píjiǔ kàn diànshì Он пьет пиво и смотрит телевизор.

(13*) *他在喝啤酒看电视。

tā zài hē píjiǔ kàn diànshì

Пример 13* станет грамматичным, только если добавить запятую или союз: 他在喝啤酒, (还)看电视。

8. Если глагол 1 выражает инструмент действия глагола 2 или глагол 2 выражает цель действия глагола 1, то в таких предложениях употребляется наречие 在.

(14) 他在用绷带包扎伤口。

tā zài yòng bēngdài bāozā shāngkǒu Он накладывает повязку на рану.

(14*) *他用着绷带包扎伤口。

tā yòngzhe bēngdài bāozā shāngkǒu

9. В побудительных предложениях для выражения просьбы к адресату продолжать сохранять определенное состояние или действие может использоваться показатель 着.

(15) 穿着雨衣!

chuānzhe yǔyī Надень дождевик!

(15*) *在穿雨衣!

10. Наречие 在 может оформлять глаголы, описывающие повторяющиеся или длительные непрерывные действия, а 着 – нет.

(16) 易校长在研究汉语方言。

Yì xiàozhǎng zài yánjiū Hànyǔ fāngyán Директор И изучает китайские диалекты.

(16*) *易校长研究着汉语方言。

Таким образом, на выбор подходящей грамматической конструкции влияют несколько факторов:

Понимание описываемой ситуации.

Глагольная частица (суффикс) 着 описывает: 1. действие, длящееся в момент речи или в указанный в предложении момент; 2. некоторое

фоновое действие, происходящее одновременно с основным; 3. длящееся в момент речи состояние, наступившее в результате предыдущего действия. [Ивченко 2021: 445]

Наречие 在 подчеркивает, что некое действие совершается в момент речи, «задает локализацию действия во времени». Это лишь один из способов выражения прогрессива (помимо 正、正在、呢).

Предложения с 在 отвечают на вопрос «что делает субъект?», а предложения с 着 описывают в каком состоянии находится субъект или его застали.

Семантика глагола

С 着 не сочетаются ментальные глаголы состояния, глаголы моментального действия, результативные глаголы, еще ряд глаголов со значением эквивалентности или отношения. Что же касается сочетаемости с 在, то с этим наречием сочетаются в первую очередь глаголы, описывающие виды деятельности.

Литература

Тань 2002 – *Тань Аошуан*. Проблемы скрытой грамматики. Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). М.: Языки славянской культуры, 2002. 896 с.

Ивченко 2021 – *Т.В. Ивченко*. Китайский язык. Полная грамматика в схемах и таблицах. М.: АСТ, 2021. 736 с.

Нейросетевой перевод с китайского: проблема устранения языкового шума

Татьяна А. Рыбакова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Neural Network Translation from Chinese: The Problem of Eliminating Language Noise

Tatiana A. Rybakova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

Abstract. Parallel data corpora are necessary for training statistical and neural machine translation systems. The article discusses the most used methods for filtering the texts of parallel corpora, in which the source and target languages belong to different types of writing: alphabetic writing and hieroglyphic. The analysis of such methods as evaluation of the ratio of sentence lengths, word lengths, number of words is given on the example of the Russian-Chinese language pair of sentences. The specifics of the semantic filter are described.

Keywords: Parallel corpus, text filtering, alignment, neural machine translation, Chinese.

Параллельные корпуса необходимы для создания высококачественных систем машинного перевода: как статистического (СМП), так и нейронного (НМП). Параллельный корпус состоит из текстов на одном языке (исходный, source) вместе с его переводом на другой язык (целевой, target). Они служат для того, чтобы увидеть перевод различных языковых явлений в определенном контексте, для непосредственного получения знаний согласно целям перевода. Большие корпуса, используемые в качестве обучающих наборов для алгоритмов машинного перевода, обычно извлекаются из больших массивов аналогичных источников, баз данных. Сбор и согласование параллельных корпусов требует значительного времени, особенно когда речь идет о языках разного типа письменности: трудно получить высококачественные параллельные данные, особенно для языков с ограниченными ресурсами.

Извлеченные фрагменты могут быть зашумленными, поскольку в каждый корпус вставляются дополнительные элементы. «Шум» – это общее понятие, которое может относиться не только к посторонней информации в открытых текстах, но также может указывать на недопустимые данные, такие, как беспорядочные коды, несоответствие

выравнивания предложений, цифр, адресов, строки с небуквенными символами, хештеги, библиографическую информацию и др.

Выделяют несколько типов шума: 1. *Невыровненные предложения*. Частым источником шума в параллельных корпусах является неправильное выравнивание документов или предложений. Это приводит к тому, что предложения не соответствуют их переводу; 2. *Слова, расположенные в неправильном порядке*. Язык может быть неразборчивым по разным причинам: в результате машинного перевода, плохого человеческого перевода или узкоспециализированного использования языка, как, например, маркеры использования продуктов. Слова могут располагаться в случайном порядке в предложении. 3. *«Третий» язык*. Параллельный корпус может быть загрязнен текстом на третьем языке, например, французском в немецко-английском корпусе. 4. *Укороченные сегменты текста*. Некоторые предложения состоят из одного-двух токенов, поэтому могут быть незаметны для фильтрующих инструментов (распознаваться вместе с соседним предложением как единый сегмент); 5. *Небуквенные символы*. 6. *Библиографическая информация*. 7. *Хештеги*.

Устранить такой шум может фильтрация текстов. Методов фильтрации параллельных корпусов огромное множество:

- оценка соотношений длин предложений исходного и целевого языков;
- анализ максимальной длины предложения;
- анализ максимальной длины слов;
- анализ соотношения количества слов в исходном и целевом предложении;
- проверка уникальности пар предложений;
- проверка предложений на наличие в них иностранных слов;
- проверка предложений на различные несоответствия цифр, символов.

Встает вопрос о необходимости такой фильтрации в текстах, где, исходный язык относится к алфавитному письму, как, например, в русском и английском языках, в которых знак – это буква, обозначающая фонему, а целевой язык основан на иероглифах, как в китайском, где знак – иероглиф, которому приписано определенное значение, но, в отличие от буквы – не только фонетическое. Иероглиф может означать звуки, слоги, морфемы, слова и понятия. Словоизменение в китайском языке отсутствует, поэтому грамматические значения выражаются с помощью порядка слов, предлогов и вспомогательных слов.

Разнице в длине предложений способствует экономичность китайского языка: начиная от длины иероглифа и заканчивая «сжатостью»

лексических значений слов. Так происходит из-за высокой идиоматичности китайского языка.

Еще одной важной особенностью фильтрации таких текстов являются пробелы между словами. Вопрос о границе китайских иероглифов остается спорным и нерешенным, поэтому токенизация (разбиение китайского текста на слова) представляет особую трудность при создании параллельного корпуса. В русском языке лексемы разделены пробелами, знаками препинания. В китайском же языке между словами нет пробелов, а знаков препинания гораздо меньше. Отсутствие табуляции усложняет задачу фильтрации предложений по длине слов.

Семантические фильтры, направленные на устранение многозначности иероглифов – в большем приоритете. В китайском языке пять тонов (4 основных и один легкий, или нулевой). В зависимости от тона иероглифа может меняться и его лексическое значение. Часто это значение определить можно только в контексте. Вот почему так важно уделить внимание семантической фильтрации параллельных текстов. Семантический фильтр, как утверждают Толдова С.Ю., Кустова Г.И., Ляшевская О.Н. [Толдова 2008], основан на принципе контекстной однозначности, то есть на том, что в каждом конкретном контексте слово имеет одно значение (за исключением случаев языковой игры). Семантический фильтр – это правило, задающее некоторый минимальный контекст, в котором реализуется определенное значение слова. Если программа, содержащая фильтры, обнаруживает в предложении такой контекст, то она оставляет соответствующую ему семантическую помету, а остальные пометы удаляет. Таким образом, многозначность снимается с точностью до семантического класса (т. е. с точностью до семантической пометы).

Литература

Толдова 2008 – Толдова С. Ю., Кустова Г. И., Ляшевская О. Н. Семантические фильтры для разрешения многозначности в национальном корпусе русского языка: глаголы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.) Вып. 7. М.: РГГУ, 2008. С. 522–529.

Японско-русский параллельный корпус: цели и перспективы

Анна С. Слащева

независимый исследователь

Елизавета В. Максименко

независимый исследователь

Дмитрий В. Сичинава

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Стрижак Ульяна Петровна

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва

A Japanese-Russian parallel corpus: objectives and prospects

Anna S. Slashcheva

Independent Researcher

Elizaveta V. Maksimenko

Independent Researcher

Dmitrii V. Sitchinava

Vinogradov Institute of Russian Language (RAS), Moscow

Uliana P. Strizhak

National Research University «High School of Economics», Moscow

Abstract. The team is presenting a project of parallel Japanese-Russian corpus, containing translations of the Japanese fiction as well as Japanese news texts into Russian. The preliminary version of corpus (containing news only) was developed in 2020. At present moment the corpus includes around 500 thousand tokens with plans for further expansion. Currently the alignment is in progress, with the publication within Russian National Corpus (ruscorpora.ru) expected in 2023–2024.

Keywords: corpus, Japanese news, Japanese fiction, parallel corpus, linguistic annotation

Наш проект посвящен составлению японско-русского параллельного корпуса в составе НКРЯ. Коллективом разработан параллельный японско-русский корпус, который в течение 2023–2024 гг. будет опубликован в составе параллельных корпусов Национального корпуса

русского языка (guscorpora.ru). Для корпуса размечена и выровнена электронная коллекция оригиналов и переводов (преимущественно в направлении с японского на русский) объемом 500 тыс. словоупотреблений. Корпус включает в себя переводы японских художественных произведений и новостных текстов.

Актуальность работы

Проект представляет собой непосредственное развитие общедоступного параллельного японско-русского корпуса, созданного Е.М. Бирюковой [Бирюкова 2020]. Используются также материалы параллельного авторского корпуса, собранного У.П. Стрижак [Стрижак 2023]. Хотя уже к 2000 г. существовал ряд японско-английских корпусов [Isahara 2000], среди корпусов японского языка, с конца 1990-х разрабатываемых Государственным институтом японского языка и лингвистики (National Institute of Japanese Language and Linguistics, NINJAL), параллельных корпусов нет [Костыркин 2009; Корецкая 2022].

Применение параллельных выровненных текстов в лингвистических исследованиях пользуется большим спросом среди лингвистов, теоретиков и практиков перевода, культурологов. Несмотря на то, что переводные тексты отличаются от оригинальных по ряду лингвистических параметров (так называемый феномен переводного языка, или translationese), параллельные тексты представляют собой важный источник сведений о межязыковых соответствиях. Теоретическому обоснованию использования переводных текстов в лингвистических исследованиях и изучению средств выражения агентивности на материале параллельного корпуса посвящено исследование [Стрижак 2023]. С точки зрения лексических соответствий, для русского слова *тоска* (и однокоренных, таких, как *тоскливый*) в собранных параллельных текстах доступны разнообразные эквиваленты 寒く *самуку* ‘холодно’, 無惨 *мудзан* ‘злой, горестный’, 悲しい *канасий* ‘печальный’, もやもや *моямая* ‘туманный, унылый’, 鬱 *уцу* ‘уныние, меланхолия’, 寂しい *сабисий* ‘одинокый, унылый’, 息苦しい *икигурусий* ‘дышащий с трудом’, 寂寥感 *экирё:кан* ‘чувство печали, одиночества’, 憂く *укэку* ‘горестно’, 倦怠 *кэнтай* ‘усталость, вялость, апатия’, 侘しい *вабисий* ‘жалкий, унылый, печальный’. Для этого русского корня в целом характерно разнообразие (высокая энтропия) переводных эквивалентов в разных языках; не является исключением и японский, в нашем материале повторяются лишь некоторые соответствия (*сабисий*).

Выровненные корпуса доступны для поиска и статистического анализа с целью установить соответствия для перевода лингвистических единиц или грамматических конструкций (ср. в типологическом контексте [Cysouw, Wälchli 2016]), а также выяснить зависимость этих

соответствий от жанровых и диахронических параметров. В корпус уже сейчас включаются тексты и переводы, созданные на протяжении 100-летнего периода, на протяжении которого японские языковые нормы изменились очень значительно.

Состав корпуса: текущее состояние и перспективы

В настоящий момент отобрано 236 пар японских художественных текстов 44 авторов вместе с их переводами на русский. Все они представляют собой произведения художественной литературы, написанные на протяжении ста лет: самый ранний текст датируется 1920 г. (“Божество мальчугана” Сига Наоя), поздний – 2020 (“Моего идола осуждают” Усами Рин).

Временной охват переводов несколько уже: за исключением перевода уже упомянутого рассказа “Божество мальчугана”, выполненного М. П. Григорьевым в 1930-е в Харбине, основной корпус текстов содержит переводы, выполненные с 1960-х гг. по 2022. Для некоторых текстов представлены два перевода. Часть переводов также выполнена через язык-посредник (английский).

На данный момент корпус характеризуется именно фокусом на современной (*гэндай*) литературе, переведенной профессиональными переводчиками. В дальнейшем планируется пополнить корпус текстами, доступными на сайте “Аодзора бунко” с увеличением нижней границы охвата японских текстов до 1900-х гг. (т. е. написанными на “разговорном языке” *кого*). Отдельное внимание также будет уделено произведениям, переводившимся (в том числе и неоднократно) на русский язык в 1920–1930-е гг. (пролетарской литературе). Также планируется добавить тексты русскоязычных авторов, переведенных на японский.

Морфологическая разметка

Предварительная версия корпуса (ПРЯНИК – параллельный русско-японский корпус) содержала только тексты новостей ([Бирюкова 2020]; программный код доступен по адресу <https://github.com/kateabr/parallel-ru-ja-corpus>). В дальнейшем этот формат был доработан под формат НКРЯ.

Морфологическая разметка корпуса опиралась на систему автоматической аннотации JUMAN. В соответствии с форматом Национального корпуса русского языка [Сичинава 2019] в нем была размечена также транскрипция словоформ и лемм, так что поиск в корпусе возможен как по записи иероглификой и слоговой азбукой, так и с опорой на ромадзи. Кроме того, в разметку интегрирован перевод лексем на английский и русский язык из словарей Warodai и Yaxxi.

Разработана [Заболотская 2021] и интегрирована в корпус аннотация частей речи и грамем с опорой на Лейпцигские правила

гlossирования и “Теоретическую грамматику японского языка” [Алпатов, Аркадьев, Подлесская 2008]. Грамматические пометы, принятые в системе JUMAN, транслированы в эту типологически-ориентированную систему аннотации.

Литература

- Алпатов, Аркадьев, Подлесская 2008 – *Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И.* Теоретическая грамматика японского языка: [В 2-х кн.]. М.: Наталис, 2008.
- Бирюкова 2020 – *Бирюкова Е.М.* Параллельный японско-русский корпус: Выпускная квалификационная работа студентки 2 курса магистратуры. М., 2020. 50 с.
- Заболотская 2021 – *Заболотская А.Р.* Лингвистическое обеспечение разметки русско-японского параллельного корпуса: Курсовая работа студентки 2 курса бакалавриата. М., 2021. 19 с.
- Корецкая 2022 – *Корецкая И.Л.* Корпусы Государственного института японского языка и лингвистики // Рема. Rhema. 2022. № 4. С. 81–100.
- Костыркин 2009 – *Костыркин А.В.* Корпус японской разговорной речи // Национальный корпус русского языка: новые результаты и перспективы. СПб., 2009. С. 474–500.
- Сичинава 2019 – *Сичинава Д.В.* Параллельные тексты в составе Национального корпуса русского языка: Новые языки и новые задачи. // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2019. № 21. С. 41–60.
- Стрижак 2023 – *Стрижак У.П.* Эпистемологический потенциал переводных текстов (на материале русско-японского параллельного корпуса художественных произведений). // Вестник Московского Университета. Серия 22. Теория перевода. 2023. № 1. С. 93–109.
- Cysouw, Wälchli 2016 – *Cysouw M., Wälchli B.* (eds.). Parallel Texts. Using Translational Equivalents in Linguistic Typology. Theme issue // Sprachtypologie & Universalienforschung STUF. 2016. № 60 (2).
- Isahara 2000 – *Isahara H. et al.* Japanese-English aligned bilingual corpora // Text, Speech and Language Technology. Dordrecht: Kluwer, 2000. P. 313–334

Трудности передачи отсылок к текстам,
неизвестным широкому российскому читателю,
при переводе художественных произведений
с корейского языка

Мария В. Солдатова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Difficulties in conveying references to texts,
unknown to the general Russian reader,
when translating literary works from Korean

Mariia V. Soldatova

Russian State University for the Humanities, Moscow

Abstract. In literary works we often find references to other, previously written texts. Such references are an integral part of the traditional literature of China, Korea and Japan, and they play a vital role in the modernist and postmodernist literature of the West and the East. When translating from an oriental language into Russian, difficulties are added by the fundamental difference between the ranges of knowledge of the average educated readers of the original text and the translation. I would like to demonstrate some specific examples of working with intertextual references from my own practice of translating literary works from Russian into Korean and from Korean into Russian.

Keywords: Korean, translation, intertextual references

В художественных произведениях мы зачастую встречаем отсылки к другим, ранее написанным текстам. Такие отсылки являются неотъемлемой составляющей традиционной литературы Китая, Кореи и Японии, важнейшую роль они играют в модернистской и постмодернистской литературе Запада и Востока. Для обозначения связи текстов с другими текстами в середине XX в. Ю. Кристева ввела термин «интертекстуальность».

Работая с художественным текстом, переводчик должен, во-первых, распознать не только явные, но и неявные отсылки, а во-вторых, постараться донести их до носителей языка перевода. При переводе с восточного языка на русский трудностей добавляет принципиальное несовпадение полей эрудиции у среднестатистических образованных читателей оригинала и перевода. Даже если переводчику удастся разгадать все загадки автора оригинального текста, не обязательно

получается перезагадать их в переводе. А если и получается найти красивые решения, далеко не всегда приходится рассчитывать на то, что читатели их оценят.

В рамках выступления я хотела бы обратиться к некоторым конкретным примерам работы с интертекстуальными отсылками из собственной практики перевода художественных произведений с русского языка на корейский и с корейского языка на русский.

Подсистемы квантитативных метафор в русском и китайском языках

Тун Чао

Минский государственный лингвистический университет, Минск

Subsystems of quantitative metaphors in Russian and Chinese languages

Tong Chao

Minsk State Linguistic University, Minsk

Abstract. This article explores the problem of expressing an indefinite quantity in Russian and Chinese using metaphorical means. The subsystems of metaphorical expressions of uncertainty in both languages are analyzed and their features are determined. Through semantic analysis and contextual data analysis, various metaphorical models are identified that are used to express an indefinite amount in each of the languages. Particular attention is drawn to the similarities and differences in approaches to the metaphorical expressions of uncertainty in Russian and Chinese. The key structures used to convey this meaning are identified and analyzed how they are related to the cultural and linguistic features of each language.

Keywords: metaphor; quantification; indefinite amount; Russian; Chinese

Квантитативная метафора – это языковая фигура, с помощью которой количественные характеристики одного понятия используются для описания или указания на степень количества другого понятия, например, *океан занятий, гора проблем, море возможностей, куча причин, река слез*. На квантитативную метафору и средства выражения размерности и количества в русском и китайском языках не раз обращала внимание Тань Аошуан. В частности, она отмечала, что квантификаторы в китайском языке описывают целые классы имен, сопоставительных предметов со сходной конфигурацией, классификация которых производится согласно наивным представлениям [Тань Аошуан 2004: 69]. Например, для указания *три книги* используется квантификатор 本 ‘книга’, который относится к классу имен, представляющих книги. Это отражает представление о том, что книги воспринимаются как единое целое класса [Чэнь Чживэй 1951: 107].

В русском языке также есть элементы классификации, которые могут быть использованы для выражения размерности и количества. Например, существительные в русском языке могут иметь различные

классификационные признаки, которые указывают на принадлежность предмета к определенной группе. Это может отражать схожую идею классификации предметов в китайском языке.

Таким образом, как в русском, так и в китайском языках существуют специальные метафоры и средства выражения размеренности и количества. Они могут различаться в своей природе и способах выражения, но оба языка предоставляют средства для описания и классификации предметов в соответствии с количеством и размеренностью.

Анализ национальных корпусов русского и китайского языков [Национальный корпус русского языка, Национальный корпус китайского языка] позволил выявить множество метафорических средств, используемых для выражения неопределенно большого количества в обоих языках. В русском языке было выявлено более 135 количественных метафор, таких как: *масса проблем, гора событий, волна любви, зерно веры, капля сожалений, куча времени* и др. Эти метафоры часто не указывают на конкретное число или вес, а лишь косвенно описывают неопределенно большое количество. Например, метафора *полон энергии* описывает состояние человека, обладающего высоким уровнем активности и энтузиазма, но не указывает на физическую наполненность чего-либо. Метафора *река событий* подчеркивает непрерывность, последовательность и непреодолимость течения времени и событий.

Для выражения неопределенно малого количества в русском и китайском языках могут использоваться соответствующие метафорические выражения, например *капля надежды* – эта метафора используется для обозначения того, что у человека осталась всего лишь небольшая надежда на успех или изменение ситуации. Метафора *зерно сомнения* подразумевает, что у человека есть небольшие сомнения или сомнительные моменты в отношении чего-либо. В китайском языке метафора – 点信心 ‘немного уверенности’ указывает на небольшое количество уверенности или веры в успех. Метафорическое выражение – 丝希望 ‘тонкая нить надежды’ описывает крайне маленькое количество надежды на положительный исход.

В русском языке также существуют основные метафорические подсистемы, используемые для выражения неопределенного количества, такие как *куча, гора, море* (например, *куча денег, гора работы, река слез* и др.).

В китайском языке, с другой стороны, часто используются метафорические количественные (счётные) слова, такие как 堆 ‘куча’, 点 ‘точка’, 海 ‘море’, 云 ‘облако’ и другие. Например, – 堆问题 ‘куча проблем’, – 点心 ‘немного любви’, 人海 ‘море людей’, 疑云 ‘много сомнений’ и др. Анализ показал, что в китайском языке существует более 107 метафорических единиц, используемых для выражения неопределенности.

Например, – 串 ‘одна цепь’ используется для указания на серию или последовательность вещей или событий, а – 堆 ‘одна куча’ обозначает большое количество предметов, событий или проблем, подчеркивая их сложность и непростую природу.

Различия между русским и китайским языками в использовании метафорических средств для выражения неопределенного количества заключаются в лексических особенностях и структуре выражений. “Модели познания мира, отраженные в разных языках, не могут совпадать полностью. У каждого языка может быть свое представление о ширине, высоте, глубине и своя избирательность видения в предметах того или иного параметра” [Тань Аошуан 2004, 51]. В русском языке метафорические выражения неопределенности часто основаны на понятиях объема, таких как *куча* или *море*, в то время как в китайском языке более распространены метафоры, связанные с расчлененностью, единичностью, с определенными счетными словами, например, 堆 ‘*куча*’ или – 片 ‘один кусочек’. Это может отражать различия в культурных представлениях и восприятии количества в каждом из языков.

Литература

Тань Аошуан 2004 – *Тань Аошуан*. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004. 240 с.

陈志伟, 北京话单音词词汇。北京: 科技出版社, 1951. 315页

Чэнь Чживэй 1951 – *Чэнь Чживэй*. Пекинская диалектная односложная лексика. Пекин, 1951. 315 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>. (дата обращения: 10.03.2023).

Национальный корпус китайского языка. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn> (дата обращения: 10.03.2023).

Стилистические факторы изменения порядка слов в китайском предложении (на примере инверсии)

Ксения А. Ульянова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Stylistic factors in Chinese word order variation (the case of inversion)

Ksenia A. Ulianova

Russian State University for the Humanities, Moscow

Abstract. The present study focuses on stylistic variation in Chinese word order that is represented mainly by inversion used in a few genres and cases. Stylistic inversion involves putting logical stress to emphasize a particular statement, adding the emotional coloring to the meaning of an utterance; it is commonly used in poetry to satisfy the demands of the metre. Stylistic inversion not only should be distinguished from grammatical inversion but also from pragmatically motivated word order variation in spoken Chinese.

Keywords: Chinese language, word order variation, stylistic inversion

Факторы изменения порядка слов (ПС) непосредственно связаны с его функциями: грамматической, коммуникативной и стилистической; последняя сводится к тому, что в зависимости от ПС в предложении может достигаться различная степень экспрессивности высказывания¹, в т.ч. путем реализации такого приема, как инверсия 倒装 (И).

В данной работе И. интересует нас как грамматико-стилистическое явление, которое наряду с использованием служебных слов и контрастным ударением является одним из средств эмфазы как выделения важной в смысловом отношении части высказывания. В системе экспрессивных средств синтаксиса И. определяется как фигура, образованная посредством операции перестановки и выполняющая экспрессивную, эмфатическую или ритмико-мелодическую функцию [Чжан 1963;

© Ульянова К.А., 2023

¹ Под экспрессивностью понимается совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 591].

Никитина Васильева 1996: 80]. Инверсированная конструкция 倒装句 противопоставляется стилистически нейтральной прототипической синтаксической конструкции, предполагающей прямой ПС S-V₁-О (для переходных глаголов) или S-V₂ (для непереходных)².

Вопрос о различении И. собственно грамматической и И. грамматико-стилистической заслуживает отдельного внимания, поскольку для формирования навыка эффективного выбора языковых единиц в конкретной речевой ситуации следует знать, в каких случаях используется И., учитывать взаимосвязь изменения ПС и смещения логического ударения, а также появление контрастного ударения и расстановку пауз при различных видах И.

В настоящей работе предпринята попытка проанализировать основные виды стилистической И. элементов простого предложения в СКЯ с учетом того, что в отечественной традиции стилистическая И. в КЯ отдельно не рассматривалась. В курсах лекций по стилистике КЯ, изданных в России [Горелов 1979; Калинин 2023; Шевцова 2018], примеры И. приводятся в числе прочих средств стилистической эмфазы, а некоторые эмфатические конструкции, указанные в работах китайских исследователей, не следует причислять к грамматико-стилистической И. [Ло 2010; Юй 2012]. В связи с разностью подходов к толкованию И. в широком смысле как любого отклонения от базового ПС и в узком – как отклонения, которое не приводит к изменению синтаксических связей и актуального членения предложения³, необходимо обозначить непротиворечивые критерии разграничения стилистической и грамматической И., а также частного случая коммуникативно обусловленной И. – транслокации членов предложения 口语易位现象 в устной речи КЯ, подробно проанализированной в [Лу 2011].

Материалом исследования послужила выборка 200 предложений с И. из пособий по стилистике и грамматике КЯ. 120 из них иллюстрируют транслокацию в устной речи, остальные 80 представляют собой примеры стилистической и грамматической И. Выделяются следующие

² В фокусе исследования конструкции с глагольным сказуемым, т. к. И. в предложениях с качественным сказуемым вида 很漂亮, 这个姑娘, а также именным сказуемым 笨蛋一个, 他是 наблюдается в единичных случаях при транслокации членов предложения в устной речи (об этом далее). В силу ограниченного объема данной работы стилистическая И. частей сложного предложения, а также использование И. в поэтическом тексте для создания рифмы рассматриваться не будут.

³ См. Алпатов В.М. Инверсия // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С.176, а также о сходных понятиях 随言倒装 и 变言倒装 в китайской традиции: Чэнь Вандао. Сюцы фафань (Общие понятия стилистики). Шанхай, 1962.

основные виды стилистической И. в простом предложении в зависимости от того, какой член предложения инверсируется:

- 1) постпозиция обстоятельства к сказуемому: времени – 1 случай (1,25%), места – 2 примера (2,5%), образа действия – 4 предложения (5%), предложной конструкции – 3 (3,75%);
- 2) препозиция распространенного и нераспространенного дополнения без предлога – 5 (6,25%) случаев стилистической И.;
- 3) И. подлежащего и сказуемого – 4 примера (5%) – только в восклицательных предложениях;
- 4) постпозиция определения к главному слову – в 4 случаях (5%);
- 5) И. дополнительного элемента (ДЭ) – 1 пример (1,25%).

На долю стилистической И. приходится 30% (24 примера) от проанализированных случаев грамматической И. Критерии анализа и результаты исследования представлены в таблице.

Вид И.	Стилистическая И.	Грамматическая И.	Транслокация в устной речи
Особенности Цель и сфера применения	Применяется для повышения степени экспрессивности высказывания преимущественно в художественном и разговорном стилях	Используется в определенных типах предложений, инверсированный элемент приобретает дополнительное грамматическое значение	Слова размещаются в последовательности возникающих у говорящего мыслей. В первой части предложения информация, которую говорящий считает значимой
Просодическое и пунктуационное оформление	Инверсированный элемент контрастно выделен, обязательно отделяется запятой и длинной паузой от остальной части предложения	Между перемещенными элементами, как правило, отсутствуют запятая и пауза	Запятая и короткая пауза между частями предложения, фразовая частица (при наличии) всегда в конце первой части, вторая часть <u>безударна</u>

1. И. подлежащего и сказуемого 主谓倒装	1.1. Только в восклицательных предложениях, в художественном стиле 终于过去了, 中国人民哭泣的日子! Прошли наконец, дни, наполненные слезами китайского народа! [Лю 2010]	1.2. Одноремные конструкции с инверсированным субъектом-агентом, информация о субъекте новая для слушающего 来客人了。‘Пришли гости!’ [Тань 2002: 63]	1.3. Все типы предложений по цели высказывания; в повествовательных только при ответе на вопрос⁴ 真高啊, 这楼! ‘Высокое же это здание!’ 身体好吗, 你? ‘Как себя чувствуешь, ты?’
2. Вынос дополнения (без предлога) в препозицию к сказуемому 宾语前置	2.1. Стилистическая эмпфаза дополнения 我的世界, 你来过就好... ‘В моем мире – ты был, и этого достаточно’	2.2.1. Вынос дополнения в начало предложения в качестве темы высказывания (объект известен собеседникам) – 主任你认识吗? – ‘Заведующего знаешь?’ – 主任我认识。 – ‘Заведующего знаю’. [Лу 2011: 70] 2.2.2. В усилительных конструкциях 疑问代词...都+动 什么都会。 ‘Все умею’. 疑问代词 / 一+量词+名词...也 / 都+不 / 没+动 他平时一分钱也不乱花。‘Обычно он ни копейки не тратит зря’. [Лу 2011: 75] 2.2.3. При перечислении характеристик субъекта в соединительном сложносочиненном предложении 并列句 (в примере ниже стилистическая эмпфаза дополнения реализуется за счет	2.3. Только при ответе на вопрос – 你认识谁啊? – ‘Кого ты знаешь?’ – 主任, 我认识。 – ‘Заведующего, знаю’.

⁴ В этом столбце кроме п. 5.3. примеры из [Лу 2011].

		аналогичной структуры частей предложения) 他一天头不梳, 脸不洗, 饭不吃。‘Он весь день ничего не ел, не умывался и не причёсывался’. [Калинин 2023: 167] 2.2.4. В предложении с ДЭ оценки 情态补语 в устной речи 他汉语说得不好。‘Он плохо говорит по-китайски’. [Ивченко 2021: 537]	
3. Вынос обстоятельства в постпозицию к сказуемому 状语后置	3.1. В эмфатических целях в постпозицию могут ставиться предложные конструкции, обстоятельство образа действия, места 我漫步者, 漫步者, 在这少有的寂寞里。 ‘Я бесцельно брел и брел, в этой редкостной скуке’. [Шевцова 2018: 98] 大家都来了, 从东, 从西, 从南, 从北。 ‘Все приехали, с востока, запада, юга, севера’. [Лу 2011: 79]	3.2. Предложный ДЭ со значением места 载着红松、白松, 汽车飞奔在群山中。‘Труженные маньчжурским кедром, белой сосной, машины мчались среди гор’. [Шевцова 2018: 99]	3.3. В устной речи в постпозиции размещаются наречия и предложные группы 八点了, 都! ‘Восемь часов, уже!’ 我妈妈回来了, 从四川。 ‘Моя мама вернулась, из Сычуани’.

4. Вынос определения в постпозицию к главному слову 定语后置	4.1. Применяется в художественном стиле, чтобы заострить внимание читателя на отдельной детали повествования 四五年的时光, 对她似乎不生影响, 肉体的和精神 的。‘Прошедшие 4-5 лет словно не оказали на нее влияния, ни в физическом, ни в духовном плане’. [Горелов 1979: 66]	4.2. В разговорном стиле, используется для дополнительного пояснения, уточнения к-л качества 这种橘子, 特别小的, 是南丰的特产。 ‘Этот сорт мандаринов, особенно маленьких, – особая продукция Наньфэна’. [Шевцова 2018: 98]	–⁵
5. Инверсия ДЭ 补语倒装	5.1. При перечислении (см. п. 2.2.3) ДЭ кратности может следовать за дополнением, выраженным нарицательным существительным, в примере ниже говорящий подчеркивает свои усилия 我做了不少工作, 跟小李谈话两次, 给小赵打电话五次。‘Я провел немало работы: 2 раза говорил с Ли, 5 раз созванивался с Чжао’. [Лю 2004: 616]	5.2. Перемещение ДЭ длительности в препозицию к сказуемому может рассматриваться как обстоятельство времени со значением длительности 我三个月翻译了一本小说。‘Я переводил роман в течение трех месяцев’. [Ли 2008: 302]	5.3. Только ДЭ оценки 怎么这么慢呀, 你走得! ‘Как же так медленно, ты идешь!’.

⁵ Определение в КЯ не подвергается транслокации, подробнее см. Лу Цзяньмин. Гуаньюй динъюй ивэй дэ вэньти (К вопросу о транслокации определения) // Избранные труды. Пекин, 2011. С 83–87.

Тань Аошуан также приводит случаи И., в т. ч. мотивированной стилистически⁶. В сериальной конструкции 连动句, предполагающей невозможность перестановки глагольных элементов (действие – цель), актант со значением цели может переноситься в препозицию для увеличения степени экспрессивности – такие предложения имеют разговорный оттенок: – 小王呢? ‘Где же Сяо Ван?’ – 他玩儿去了。 ‘Он гулять пошел’ [Тань 2002: 229].

Ранее рассматривались примеры, относящиеся к художественному и разговорному функциональным стилям, где И. сравнительно частотна. В публицистическом стиле И. применяется при создании лозунгов и заголовков статей. В 2022–2023 гг. мы проанализировали 100 заголовков ресурса 百度新闻, И. наблюдалась в 8% случаев. Помимо экспозиции обстоятельства (迎着子弹, 中国军人在非洲驻守阵地 ‘**Под пулями:** вооруженные силы Китая удерживают позиции в Африке’), стилистическая эмфаза обстоятельства в заголовках также достигается путем выноса предложной группы в постпозицию, в частности, в конец заголовка может помещаться бенефициант.

蒙古国对华毁约后, 提价卖煤炭给印度 ‘Разорвав контракт с Китаем, Монголия поставляет уголь по повышенной цене [**теперь**] в Индию’

Приведем также единичные примеры стилистической И., относящиеся к устной форме официально-делового стиля: 立党为公, 执政为民 ‘строить партию **во имя интересов большинства**, управлять государством **во имя народа**’ (из речи Цзян Цзэминя по случаю 80-й годовщины КПК). В научном стиле наблюдается коммуникативно обусловленная И. частей сложного предложения (преимущественно придаточного причины).

Стилистическая И. как средство повышения степени экспрессивности речи ограниченно применяется в разговорном, художественном, а также публицистическом стилях в вышеуказанных случаях. Дополнительного исследования требует вопрос о соотношении инверсированных конструкций и конструкций с измененным ПС в рамках одной коммуникативной парадигмы.

Литература

- Горелов 1979 – Горелов В.И. Стилистика современного китайского языка. М., 1979. 192 с.
Ивченко 2021 – Ивченко Т.В. Китайский язык. Полная грамматика в схемах и таблицах. М., 2021. 736 с.

⁶ Подробный анализ И. в сериальных конструкциях см. [Лу 2011: 71-73], об И. ремы у [Тань 2002: 132-142].

- Калинин 2023 – *Калинин О.И., Раду, Л.А.* Стилистика китайского языка: теория и практика: учебник. М., 2023. 392 с.
- Никитина Васильева 1996 – *Никитина С.Е., Васильева Н.В.* Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. М., 1996. 172 с.
- Тань 2002 – *Тань, Аошуан.* Проблемы скрытой грамматики. М., 2002. 896 с.
- Шевцова 2018 – *Шевцова Н.И.* Стилистика современного китайского языка: Курс лекций. Владивосток, 2018. 261 с.
- Ли 2008 – *Ли, Дэцзинь, Чэн, Мэйчжэнь.* Вайгожэнь шиюн ханьйюй юйфа (Практическая грамматика китайского языка для иностранцев). Пекин, 2008. 652 с.
- Ло 2010 – *Ло, Сяосо.* Сяньдай сюцисюэ (Стилистика современного китайского языка). Куньмин, 2010. 376 с.
- Лу 2011 – *Лу, Цзяньмин.* Ханьйюй коуюй цзюйфа ли дэ ивэй сяньсян (Явление транслокации в синтаксисе китайской устной речи) // Избранные труды. Пекин, 2011. 482 с.
- Лю 2004 – *Лю, Юэхуа, Пань, Вэньюй, Гу Вэй.* Шиюн сяньдай ханьйюй юйфа (Практическая грамматика китайского языка). Пекин, 2004. 1005 с.
- Чжан 1963 – *Чжан, Гун.* Сяньдай ханьйюй сюцисюэ (Стилистика современного китайского языка). Тяньцзинь, 1963. 312 с.
- Юй 2012 – *Юй, Чэнгун.* Ханьйюй чжун дэ «вэй даочжуан» (О «ложной инверсии» в китайском языке) // Дусесуань: цзяюй цзяосюэ яньцзю (Чтение, письмо, арифметика: исследования в области образования и преподавания). Цзинмэнь, 2012. № 31.

Идея патриотизма в китайской социальной рекламе

Анастасия А. Усольцева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

The idea of patriotism in Chinese social advertising

Anastasiia A. Usoltseva

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

Abstract. The article discusses the features of the representation of the idea of patriotism in Chinese social advertising. Verbal and non-verbal means are investigated, and the article attempts to explain the pragmatics of using these means. The article also reveals the characteristic features of Chinese culture.

Keywords: patriotism, social advertising, advertising discourse, multimodal analysis, Chinese culture

Патриотизм в Китае всегда являлся движущей силой развития общества и государства. Готовность быть частью единого целого и приоритет государственных интересов над личными помогали китайскому народу преодолевать трудные для страны времена. Даже в эпоху глобализации китайский народ не теряет чувства национальной идентичности. Существует несколько инструментов формирования патриотических чувств у населения, среди которых можно выделить СМИ. Китайская власть в различных средствах массовой коммуникации активно пропагандирует идеи патриотизма. Социальная реклама является одним из инструментов государственного патриотического воспитания как взрослой, так и детской аудитории.

Согласно Г.Г. Николайшвили, «социальная реклама – это разновидность рекламы некоммерческого характера, которая направлена на привлечение внимания общества к проблемам социально-общественного характера, содержащая в себе определенные нравственные ценности и культурные традиции той или иной страны, предназначенная для гуманизации общества, изменения поведения и общественного мнения» [Николайшвили 2008: 25].

Главной целью дискурса социальной рекламы является пропаганда общезначимых социальных ценностей, она ориентируется на формирование поведенческих образцов и стереотипов [Чжан Жун 2010: 16]. Для

осуществления данной цели используется широкий спектр вербальных и невербальных средств, которые транслируются как эксплицитно, так и имплицитно. Следовательно, идея патриотизма в китайской рекламе может выражаться посредством различных семиотических кодов, которые требуют актуализации сразу нескольких перцептивных каналов.

Среди невербальных средств визуальная модальность является активным каналом репрезентации смысла в социальной рекламе патриотизма. В рассмотренных нами рекламных материалах содержатся следующие образы и символы китайской национальной культуры:

- бамбук (竹子 *zhúzi*), который символизирует чистоту, гармонию и умиротворение. Бамбуковая роща считается местом обретения душевного покоя и избавления от людской суеты и шума;
- горы и реки (山水 *shānshuǐ*) – источники вдохновения китайцев, которым на протяжении многих веков посвящались стихи и проза;
- персонажи традиционной китайской пекинской оперы (京剧 *jīngjù*);
- хутуны (胡同 *hútòng*), представляющие собой узкие улочки и переулки, которые застроены одноэтажными домами;
- каллиграфия (书法 *shūfǎ*) – сокровище китайское культуры, отражающее духовное состояние китайского общества.

Символика цвета содержит в китайской культуре немаловажную смысловую нагрузку. Самый распространенный цвет в дизайне социальной рекламы – красный, символизирующий счастье, силу и удачу.

Одним из важных факторов социальной рекламы также считается выбор языковых средств. Этот выбор всегда влияют культура, традиции, исторические события, особенности менталитета, которые способны эффективнее привлечь внимание целевой аудитории к конкретной социальной проблеме [Те, Тринько 2022: 1].

В ходе анализа дискурса социальной рекламы был обнаружен такой стилистический прием, как использование чэньюев. Под чэньюем понимают «устойчивое фразеологическое словосочетание (чаще четырехсловное), построенное по нормам древнекитайского языка, семантически монолитное, с обобщенно-переносным значением, носящее экспрессивный характер, функционально являющееся членом предложения» [Калинин, Радус 2017: 107]. Примером можем послужить чэньюй 大好河山 *dàhǎo héshān*, что означает ‘просторы и красоты родной страны’, досл. ‘прекрасные реки и горы’, которые занимают особое место в символике китайского пейзажа. В сознании китайцев горы выступают как символ душевного покоя, а реки – неиссякаемой жизненной энергии.

Олицетворение также можно проследить в рекламном дискурсе. Автор обращается к своей родине на ‘ты’ (你 *nǐ*), тем самым наделяя ее человеческими свойствами и делая рекламу личной и эмоциональной: 我的祖国是你让我无视那些艰难的时刻, 面对每一份挑战都慷慨激昂。

Wǒ de zǔguó shì nǐ ràng wǒ wúshì nàxiē jiǎnnán de shíkè, miàn duì měi yī fèn tiǎozhàn dòu kāngkǎijī'áng 'Моя родина, благодаря тебе я пережил трудные времена и стал бесстрашным перед любым испытанием.' Данный пример отсылает нас к тяжелой борьбе с пандемией COVID-19. Следующим стилистическим приемом выступает повтор, а именно анафора. Приведем пример:

爱你 中国道路 *ài nǐ zhōngguó dàolù* 'люблю тебя, китайский путь' – путь социализма с китайской спецификой, цель которого заключается в создании зажиточного, демократического, гармоничного современно-го социалистического государства.

爱你 56 个民族一家亲 *ài nǐ 56 gè mínzú yī jiā qīn* 'люблю тебя, семья из 56 национальностей'. Акцент делается на том, что Китай – это одна большая семья из 56 национальностей, где一家亲 'все близки как в одной семье', несмотря на их культурные и языковые различия.

爱你 绿色发展 *ài nǐ lǜsè fāzhǎn* 'люблю тебя, зеленое развитие', которое направлено на эффективное экономическое развитие и сохранение природной среды в долгосрочной перспективе. Таким образом, анафора создает глубокое эмоциональное воздействие на зрителя и делает рекламу запоминающейся.

На лексическом уровне используется целый ряд прилагательных с положительной коннотацией, демонстрирующих глубокую и безоговорочную любовь к своей стране: 动听 *dòngtīng* 'трогательный' (动听的国歌 *dòngtīng de guógē* 'трогательный гимн'), 鲜艳 *xiānyàn* 'красочный/яркий' (鲜艳的国旗 *xiānyàn de guóqí* 'яркий флаг'), 清澈 *qīngchè* 'чистый/прозрачный' (清澈的爱 *qīngchè de ài* 'чистая любовь'), 深沉 *shēnchén* 'глубокий' и 持久 *chíjiǔ* 'долговечный' (这是最深沉的, 最持久的深情。 *Zhè shì zuì shēnchén de , zuì chíjiǔ de shēnqíng* 'Это самая глубокая и долговечная любовь.').

Среди лингвистических средств можно также выделить каузативный глагол 让 *ràng*, выражающий значение воздействия на объект с целью внести в его состояние какие-то изменения. Каузация ярко выражена в одной из реклам, в которой дети делятся своей мечтой служить на благо родины: 我要当升旗手, 让国旗在手中升起 *Wǒ yào dāng shēngqí shǒu, ràng guóqí zài shǒu zhōng shēngqǐ* 'Я хочу быть знаменосцем, чтобы флаг развивался в моих руках', 我的梦想是让祖国飞得更高更远 *Wǒ de mèngxiǎng shì ràng zǔguó fēi dé gèng gāo gèng yuǎn* 'Моя мечта – позволить родине летать выше и дальше'. В данном контексте дети выступают в роли маленьких героев, желающих в будущем внести свой вклад в развитие страны.

Любовь к родине также проявляется в соблюдении чистоты окружающей среды, поддержании общественного порядка и здорового образа жизни. В следующем рекламном сообщении содержатся призывы

отказаться от злоупотребления табачной продукцией и алкоголя: 控烟 *kòng yān* ‘боритесь с курением’, 减盐 *jiǎn yán* ‘сокращайте потребление соли’, 限酒 *xiàn jiǔ* ‘ограничивайте потребление алкоголя’. Все вышеперечисленные глаголы несут в себе семантику контроля и ограничения вредных для здоровья веществ. Соблюдение чистоты и порядка выражено следующей конструкцией 清洁城乡环境 *qīngjié chéngxiāng huánjìng* ‘следите за чистотой в городах и селах’. Автор подчеркивает важность бережного отношения к природе и экологии, ведь патриотизм – это любовь к месту, где ты живешь. Кроме того, в Китае культивируется здоровый образ жизни. В данной социальной рекламе можно выделить два призыва: 开展全民健身 *kāizhǎn quánmín jiànshēn* ‘занимайтесь коллективной гимнастикой’ и 普及健康知识 *pǔjí jiànkāng zhīshí* ‘популяризируйте знания о здоровье’, которые направлены на формирование полезных привычек у населения.

Таким образом, для социальной рекламы характерна комбинация вербальных и невербальных приемов, которая способствует эффективности восприятия информации. Анализ рекламы показал, что китайский патриотизм имеет разные формы проявления, а именно выражается в любви к природе, культуре, национальному разнообразию, развитию зеленой экономики, здоровому образу жизни нации, а также в борьбе с вредными привычками.

Литература

- Калинин, Радус 2017 – Калинин О.И., Радус Л.А. Курс лекций по стилистике китайского языка: Учеб. пособие. М.: Издательский дом ВКН, 2017. 344 с.
- Николайшвили 2008 – Николайшвили, Г.Г. Социальная реклама: Теория и практика: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2008. 191 с.
- Те, Тринько 2022 – Те О.Е., Тринько Д.В. Лингвокультурологические особенности современной социальной рекламы в Китае // Гуманитарный вестник. 2022. С. 1–14.
- Чжан Жун 2010 – Чжан Жун. Социальная реклама в Китае как инструмент государственной социальной политики // Вестник Университета Российской академии образования. 2010. С. 14–17.

Особенности кодирования подлежащего
при номинализациях в корейском языке
(на материале устного и письменного корпусов
корейского языка)

Александра М. Федотова
Институт востоковедения РАН, Москва

Specific features of subject coding
in nominalizations in Korean
(on the material of Korean oral and written corpora)

Aleksandra M. Fedotova
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow

Abstract. This paper is devoted to the phenomenon of differential subject coding in Korean nominalizations. The material of Korean oral and written corpora demonstrates examples of nominal subject coding (subject takes genitive case marker) and verbal subject coding (subject takes nominal case marker) in Korean nominalizations. I argue that the nominal subject coding and the verbal subject coding are distributed in the following way: the nominal coding is used when nominalizations are interpreted as facts while the verbal coding is used when nominalizations are interpreted as situations.

Keywords: nominalizations, subject coding, facts, situations, Korean corpora

Генитив в корейском языке используется для выражения разнообразных семантических отношений между составляющими именной группы и ее вершиной. В частности, если вершиной является непроеизводное существительное, то генитивом может кодироваться любой его аргумент [Sohn 1999: 332]. Например:

- (1) *theyle-wa-uy* *conceng-kwa* *haykkiswul* *hwaksan*
терроризм-и-GEN война-COMIT ядерное.оружие распространение
rangci *tung-euse*
недопущение другой-DAT
“В сферах борьбы с терроризмом, нераспространения ядерного ору-
жия и т. д.”

Исследования в области грамматики корейского языка демонстрируют, что вариативность кодирования подлежащего при номинализа-

ции наблюдается исключительно у номинализаций, образованных при помощи аффикса *-um*.

Так, подлежащее может кодироваться номинативом *-ka/-i*, как в примере из корпуса (2), или генитивом *-uy*, как в примере (3) [Logunova 2016: 7].

- (2) ku-**ka** cwukum aph-eyse
Он-**NOM** умирать-NMLZ перед-DAT
Перед его смертью
- (3) khun hyeng-**uy** ilu-m-i olh-ta
старший брат-**GEN** говорить-NMLZ-NOM верно-DECL.
То, что говорит старший брат – верно.

В работах Копчевской-Тамм [Koptjevskaja-Tamm 1990: 24], Хо-Мин Сона [Sohn 2004: 319] и других отмечается, что номинализации на *-ki* и *-kes* подразумевают употребление субъекта исключительно с номинативным показателем *-ka/i*, в то время как номинализации на *-um* допускают кодирование подлежащего как показателями номинатива *ka/i*, так и показателем генитива *-uy* (см. примеры 2-3).

Что в свою очередь порождает вопрос о модели управления при номинализации в корейском языке. Является ли эта модель исключительно глагольной? Возможно ли именное кодирование субъекта в номинализациях в корейском языке, и если возможно, то распространяется ли данный факт одинаково на номинализации с аффиксами *-um*, *-ki* и *-kes*?

Результаты исследования устного и письменного корпусов корейского языка показали, что помимо номинативного кодирования *-ka/-i* подлежащего в номинализациях на *-ki* и *-kes* также, как и в случае с номинализациями на *-um*, допускается именное кодирование субъекта генитивом *-uy*. Например:

- (5) kyosa-**uy** ilk-ki-ka kkuth-namyen...
Профессор-**GEN** читать-NMLZ-NOM закончить-CVB...
Когда профессор закончит читать лекцию (когда чтение лекции профессором закончится)...

В данной работе мы исследовали факторы, влияющие на выбор именной или глагольной моделей управления в указанных случаях.

В результате проведенного исследования был сделан вывод о влиянии референции номинализации на кодирование ее аргументов, в частности, референция факта или ситуации. При употреблении данных терминов мы ссылаемся на работы А.А. Зализняк.

Рассмотрим следующие предложения (4) и (5).

- (4) 우리는 수업이 빨리 끝나기를 바라고 있다
wuli-nun [swuep-i ppalli kkuthna-ki-lul] pala-ko
Мы-TOP урок-**NOM** быстро закончиться-NMLZ-ACC желать-CVB
iss-ta.
есть-DECL.
Мы хотим, чтобы урок поскорее закончился.
- (5) 음성공학 전문가들의 도움을 받아 그의 말하기를 파헤쳤다.
umsung-konghak cunmwunka-tul-uy towum-ul
устная.речь-наука специалист-PL-GEN помощь-ACC
pat-a [ku-uy malha-ki-lul] phaheych-yess-ta
получить-CVB он-**GEN** говорить-NMLZ-ACC раскрыть-PST-DECL
Благодаря помощи специалистов по риторике, они смогли понять его речь.

Номинализация в примере (4) является пропозицией со значением факта, что довольно просто объясняется заключением *окончания урока* в «ментальную оболочку» *мы хотим, чтобы* [Зализняк 2006: 450].

В примере (5) мы наблюдаем номинализацию – ситуацию. В данном случае *речь* не заключается в «ментальную оболочку», здесь нет подчиняющего предиката пропозициональной установки.

Таким образом, результаты исследования продемонстрировали, что в корейском языке наблюдается тенденция вариативности кодирования подлежащего при номинализациях в зависимости от их референции. Глагольная модель встречается в случаях интерпретации номинализации как факта, а именная модель – в случае интерпретации номинализации как ситуации.

Литература

- Зализняк 2006 – Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. – М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
- Сон 2004 – Хон Чон Сон. Номинализации. Сборник отдела языков Университета Корё, 2004. С. 1-19. (홍중선, 명사화).
- Sohn 2001 – Ho-Min Sohn. The Korean Language (Cambridge Language Surveys). 2001.
- Koptjevskaja-Tamm 1990 – Koptjevskaja-Tamm M. Nominalizations // Theoretical Linguistic Series. London; N. Y., 1993.
- Lapointe 1990 – Lapointe S.G. EDGE features in GSPG // Chicago Linguistic Society. 1990. № 26.
- Logunova 2016 – Logunova E. Nominalization in Modern Korean. С. 1–8. URL: https://www.academia.edu/16650375/Nominalization_in_Modern_Korean (дата обращения 06.06.2023).

Гешица – вымирающие диалекты
на территории Китая и Тибета.
Тибетские и китайские когнаты

Софья А. Хафизова

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва

Geshitsa – endangered dialects in China and Tibet.
Tibetan and Chinese cognates

Sophia A. Khafizova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Abstract. There is a number of insufficiently explored and endangered languages in a present-day People's Republic of China. One of them is Horpa – cluster of closely related dialects, which includes Geshiza. Horpa is situated in Sichuan province of China and some Tibetan counties. Geshiza represents a fascinating linguistic, cultural and social phenomenon on a territory where two great civilisations – Han and Tibetan – historically encounter. Horpa is valued for providing extended knowledge about proto-transhimalayan language, Tangut language and their linguistic reconstruction. Some tibetan and chinese cognates of Horpa are also beneficial for scientific purposes. Although future of those dialects is concerned with possible assimilation with Mandarin or full extinction, further research about Geshiza is needed for historical preservation and sociocultural representation of Geshiza people. Every language is important, needed and valued.

Keywords: Horpa, Geshiza, Sino-tibetan linguistics, Sichuan province, Proto-transhimalayan language, East-Asian historical linguistics

Гéшица (самоназвание rgævcetsa-skæ “язык гешица” или bæ-skæ “тибетский язык”) представляет собой один из диалектов малоизученного кластера близкородственных языков Хорпа, расположенных на западной территории провинции Сычуань Китайской Народной Республики и на территории нескольких префектур Тибета. Кластер Хорпа состоит из пяти основных ветвей и считается источником лингвистически значимых сведений о вымершем прото-сино-тибетском языке. Являясь представителем сино-тибетской языковой семьи, Гешица относится к тибето-бирманской ветви, группе гьялронг (гярун, цзяжун) [Shearer, Sun 2002].

Таким образом, относить Гешица к строго китайским языкам, либо строго тибетским языкам, неверно. Этносы-носители Гешица населяют

регион Сычуани, в котором исторически на культурном, социальном и бытовом уровнях сталкиваются две цивилизации – тибетская и китайская. С региональной точки зрения, Гешица относятся к представителям этноса цзяжун на территории Сычуани. Тем не менее, китайское правительство классифицирует этносы Гешица как тибетцев (как было известно ранее, *bæ-skæ* означает “тибетский язык”, в то время как другие самоназвания, например, *ɲæ=ɲi skæ*, означает “наш язык”, а *goɲ-skæ* буквально переводится как “язык фермеров”). Вследствие отсутствия письменности и затрудненного междиалектного общения, этносы-носители Гешица (Хорпа) при необходимости используют тибетскую письменность [Honkasalo 2019]. Более того, большинство носителей Гешица – билингвы, и в дополнение к своему родному языку, говорят на местном варианте сычуаньского диалекта стандартного мандарина. Все языки Хорпа на данный момент входят в число исчезающих языков мира.

Это иллюстрирует распространенную на территории Китайской Народной Республики тенденцию безвозвратной потери множества языков. Кроме того, ввиду отсутствия письменности, данный диалект не имеет репрезентации в средствах массовой информации и в интернете, и более того, не имеет возможности быть обработанным компьютером для возможного создания корпуса языка. На территориях, где проживают носители Гешица, также встречаются такие близкородственные к Хорпа языки, как Тибетский Амдо, Тибетский Кхам, Стау, Донгу, Байма и Баван [Martin, Bentor 1997]. Данные языки представляют такой же особенный интерес, как и Гешица, но, к сожалению, таким же образом малоизучены. Сосуществование с китайским языком означает большое количество заимствованных из него слов в Гешица, фонологические изменения и возможно, даже упрощение языка. Если отсутствие письменности является нормой для языка и объясняется соответствующим периодом в его развитии (либо отсутствием необходимости иметь письменность), упрощение языка ведет к потере многих значимых особенностей и возможной дальнейшей ассимиляцией с другим языком.

Не менее значимым для лингвистики и культурологии является тот факт, что Гешица (Хорпа) являются потомками древнего тангутского языка. Некоторые китайские и тибетские когнаты Хорпа, полученные посредством создания и использования списка Сводеша, также представляют собой определенный научный интерес.

- Honkasalo 2019 – *Honkasalo S. A* Grammar of Eastern Geshiza: A Culturally Anchored Description // University of Helsinki, Faculty of Arts. Helsinki, 2019. 899 pp.
- Shearer, Sun 2002 – *Shearer W., Sun H.* Speakers of the non-Han languages and dialects of China // Edwin Meller Press, 2002.
- Martin, Bentor 1997 – *Martin D., Bentor Y.* Tibetan Histories: A Bibliography of Tibetan-Language Historical Works. // London: Serindia Publications. London, 1997. 295 p.

Употребление предлога 比 *bi* в сравнительных предложениях современного китайского языка: анализ грамматических ошибок

Анна В. Шатравка

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Use of the preposition 比 *bi* in comparative sentences in modern Chinese: an analysis of grammatical errors

Anna V. Shatravka

Russian State University for the Humanities, Moscow

Abstract. The article describes the basic grammatical constructions with the preposition 比 to denote comparison. At present, most Chinese grammar textbooks are quite detailed about comparative constructions, but in practice this type of sentences causes great difficulties for learners. Error analysis and their systematization are of practical importance when studying this grammatical phenomenon.

Keywords: Modern Chinese grammar, comparison, construction, preposition

В современном китайском языке служебные слова занимают важное место в системе частей речи. Это объясняется довольно слабо развитой морфологией и преобладанием частиц над аффиксами. В настоящее время вопрос о разграничении слов по частям речи в китайском языке считается решенным: за каждым словом закреплена принадлежность к определенной части речи, подробно описаны общие и частные грамматические особенности каждого класса знаменательных и служебных слов. Поскольку в последние годы интерес к изучению китайского языка возрастает, стоит более подробно останавливаться на проблемах и трудностях, которые возникают при изучении китайского языка.

Сравнение занимает важное место в грамматике любого языка. В китайском языке одним из самых распространенных типов сравнительных предложений являются «предложения с предлогом 比» (比字句). Это предложения, в которых основным маркером сравнения является предлог 比 (произошел от глагола древнекитайского языка 比 «сравнивать»). Такие предложения обозначают, что человек или предмет при сравнении с другим (человеком или предметом) отличается от него в качественном, количественном или другом отношении. Основные типы предложений с предлогом 比:

1. А 比 В Сказуемое (прилагательное / глагол)
 我现在的发音比以前好。 *Сейчас у меня произношение лучше, чем раньше.*
 他比我了解中国。 *Он лучше, чем я, знает Китай.*
2. А 比 В Сказуемое (прилагательное / глагол) [得] Прилагательное
 А 比 В Сказуемое (прилагательное) + Прилагательное + 多了
 他的个子比我高得多。 Он намного выше, чем я.
 他的个子比我高多了。 Он намного выше, чем я.
 他比我跑得快。 Он бежит быстрее, чем я.
 他跑得比我快。 Он бежит быстрее, чем я.
3. А 比 В Сказуемое (прилагательное) + количественно-предметное словосочетание
 我比弟弟大九岁。 Я старше брата на 9 лет.
4. А Сказуемое (глагол) + Дополнение + сказуемое 得 + 比 В + Прилагательное
 他说汉语说得比我流利。 Он говорит по-китайски более бегло, чем я.
 А Сказуемое (глагол) + Дополнение + 比 В + сказуемое 得 Прилагательное
 他说汉语比我说得流利。 Он говорит по-китайски более бегло, чем я.
 Дополнение + А 比 В + Сказуемое 得 Прилагательное
 汉语他比我说得流利。 Он говорит по-китайски более бегло, чем я.
 Дополнение + А + Сказуемое 得 + 比 В Прилагательное
 汉语他说得比我流利。 Он говорит по-китайски более бегло, чем я.

Все эти четыре конструкции имеют одинаковый перевод на русский язык, отличие состоит в позиции предлога 比 относительно сказуемого.

5. Подлежащее 一 + Счетное слово + 比 + 一 + счетное слово + сказуемое (прилагательное)
 春天来了, 天气一天比一天暖和了。 Наступила весна, погода становится теплее с каждым днем.
6. А 不比 В Сказуемое (прилагательное / глагол)
 我不比他差, 我怎么不能当优秀生? Я не хуже, чем он. Почему же я не могу стать отличником?

Следует отметить, что предложения сравнения с отрицанием обозначают, что А и В почти одинаковы по своим качествам. В них, как правило, есть оттенок возражения – собеседник не согласен с точкой зрения оппонента.

Кроме того, в предложениях с предлогом 比 перед качественным сказуемым часто стоят наречия 还 «еще», 更 «еще более», обозначающие, что у В уже есть определенное качество, однако А все же превосходит В в этом качестве. Например:

哥哥很高, 弟弟比哥哥还高. Старший брат высокий, младший брат – еще выше, чем старший [15 лекций о служебных словах современного китайского языка 2007: 136].

Несмотря на достаточно четкий алгоритм описания структуры предложений с предлогом 比, на практике изучающие китайский язык часто допускают ошибки, которые можно систематизировать следующим образом:

1. **Употребление наречий степени 很 «очень», 太 «слишком», 非常 «чрезвычайно».** Предложения сравнения с предлогом 比 не сочетаются с наречиями степени. Чтобы показать, что А по степени отличается от В, после качественного сказуемого можно поставить дополнительный член степени (程度补语). Например: 今天天气比昨天冷得多。= 今天天气比昨天冷多了。
Сегодня погода гораздо холоднее, чем вчера.
2. **Употребление наречия степени 最 «самый».** Чтобы показать, что А превосходит по своим качествам объект В, под которым подразумеваются два и более человека или предметов, следует использовать наречие 都 «все», занимающее позицию перед сказуемым. Например:
他的发音比别的同学都好。У него самое лучшее произношение из всех одноклассников.
3. **В предложениях с глагольным сказуемым при наличии дополнения часто не используют форму повтора сказуемого.** Это одна из самых распространенных грамматических ошибок, которую мы обнаружили у изучающих китайский язык. Следует запомнить: если место после сказуемого занято дополнением, сказуемое необходимо продублировать, после него поставить постпозитивную частицу 得 и только после этого дополнение с предлогом 比.
Например: 他写汉字写得比老师快. Либо дополнение с предлогом 比 может занимать позицию перед вторым сказуемым: 他写汉字比老师写得快. Предложения переводятся одинаково: «Он пишет иероглифы быстрее, чем учитель».
4. **Использование слов 一点儿, 一些 «немного» перед качественным сказуемым.** В предложениях с предлогом 比 такие слова должны стоять после сказуемого. Например: 进口的汽车比国产的贵一些. Импортные машины (немного) дороже, чем отечественные.
5. **В предложениях с глагольным сказуемым односложное прилагательное, обозначающее качество, часто оказывается после глаго-**

ла, а мера (количественно-предметное словосочетание) – после прилагательного. Следует обратить внимание на грамматическую особенность таких предложений: при наличии меры в предложениях с предлогом 比 односложные прилагательные, такие как 早 «рано», 晚 «поздно», 多 «много», 少 «мало», 好 «хороший», 难 «трудный» и др., должны стоять перед глаголом, а мера – после глагола. Например:

他比老师早来了**30分钟**。Он пришел на 30 минут раньше, чем учитель.

我比弟弟多吃了**20个**饺子。Я съел на 20 пельменей больше, чем брат. Однако, если в предложении отсутствует мера (количественно-предметное словосочетание), прилагательное необходимо поставить после глагольного сказуемого, оформив его постпозитивной частицей 得. Например:

他比老师来得早。Он пришел раньше, чем учитель.

我比弟弟吃得**多**。Я съел больше, чем брат.

- 6. При переводе предложений с отрицанием часто допускают ошибку: по аналогии с позицией отрицания перед сказуемым в русском языке в предложениях на китайском языке отрицание ставят перед сказуемым.** Следует запомнить, что в предложениях сравнения отрицание всегда занимает позицию перед предлогом 比. Например: 我不比他胖。Я не толще, чем он.

В заключение стоит отметить, что знание грамматики китайского языка является показателем уровня владения языком. Грамматика – это фундамент, на котором можно совершенствовать свои навыки говорения и понимания китайского языка. Анализ и разбор грамматических ошибок позволяют лучше понять теорию, на практике применить свои знания и сделать свою речь грамотной.

Литература

汉语虚词15讲 / 白晓红, 赵伟编著. 北京: 北京语言大学出版社, 2007 (15 лекций о служебных словах современного китайского языка / Ред. Бай Сяохун, Чжао Вэй. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та языков, 2007.

Стяженные предложения как тип полипредикации в мандаринском китайском

Анна С. Шварц
Институт востоковедения РАН, Москва

Contracted sentences among polypredicatives in mandarin Chinese

Anna S. Schwarz
Institute of Oriental Studies RAS, Moscow

Abstract. This paper addresses the so-called contracted sentences in Mandarin Chinese from the perspective of their polypredicativity. What seems most problematic in defining contracted sentences, upon previous research, is whether to attribute them to simple or complex sentences, and on what grounds. The same holds for other polypredicative constructions, such as resultative and serial verb constructions. The paper proposes ranging all abovementioned constructions according to a set of parameters, such as 1) capability of independent marking of the components 2) mutual independency of their arguments 3) types of subordination and its marking 3) capacity of inversion between components. The paper argues that such multidimensional approach serves to specify contracted sentences as a syntactic unit, as well as to clarify their mutual relations with other types of polypredicative constructions in Chinese.

Keywords: contracted sentences, polypredicative constructions

Предложения вида *你爱信不信 букв. ты любить верить не верить:*
«хочешь верь, хочешь – не верь» и
谁来了也不怕 букв. кто прийти-PFV тоже не бояться:
«кто бы ни пришел – я [все равно] не боюсь»

принято называть стяженными (紧缩句 jǐnsuōjù). Стяженные предложения определяют по-разному, но почти все авторы сходятся в том, что это некоторая трансформация сложного предложения, «стяжение», и оно может быть многоступенчатым. Ср. пример последовательных синонимичных стяжений из [Wang 2007]:

你爱来的话就来, 不爱来就不来 «ты, если хочешь, приходи, а не хочешь – не приходи» → 你爱来就来 不爱来就不来 → 你爱来不来 → 你爱来来 → 爱来来.

Этот феномен довольно давно попал в поле зрения китайских лингвистов. основополагающим считается труд [Xiang 1956], за ним последовало немало других исследований, из которых, однако, трудно вычленить общее исчерпывающее определение стяженных предложений. Очевидно, что родовым свойством стяженных предложений является полипредикативность, т. к. они состоят из двух предикаций, связанных синтаксически, однако одной стяженности формы недостаточно для видового различения. Поэтому мы видим своей задачей выявить синтаксические особенности таких предложений внутри класса полипредикативных конструкций, к которому в китайском также относятся результативные и сериальные конструкции^{1, 2}.

Помимо «отсутствия паузы между частями», отмечаемого во всех работах, для стяженных предложений характерен особый способ оформления связи между предикатами. Либо она никак не оформлена (бессоюзная), либо выражена одним/парными моносиллабными наречиями (таких, как 一...就, 非...不, 再...也 etc) из небольшого закрытого списка [Shao 2007]. Хотя принято считать, что в стяженном предложении возможны все те же типы связи между предикатами, что и в сложном предложении [Liang 2002], однако внимательный анализ списка наречий показывает, что большинство из них условные, уступительные, или условно-уступительные показатели. Бессоюзные же, судя по всему, могут обозначать только условную связь.

Довольно типичной для стяженного предложения является структура, где у двух частей общий субъект, и он находится в начале предложения. Но неверно, что первый и второй субъекты обязательно совпадают. Могут быть кореферентны, например, первый объект и второй субъект, возможны и другие комбинации аргументов [Wang 2007].

Стяженное предложение нельзя считать синтаксически простым (из-за того, что предикаций больше одной), но нельзя отнести и к сложным (из-за того, что две предикации синтаксически не полностью независимы друг от друга). Переходя на язык семантики, можно сказать, что это положение определяется тем, насколько тесно связаны события, обозначенные составляющими конструкцию предикатами: описывают ли два предиката единое событие, или две фазы одного события, или два разных события. Теснота этой связи может быть разной, и по-разному проявляться на морфосинтаксическом уровне. Какие критерии позволяют оценить степень слитности полипредикации?

¹ Возможно, стоит в дальнейшем включить в этот список также конструкции с сентенциальными актантами, *pivotal constructions*

² Некоторые авторы (небезосновательно) считают результаты подмножеством сериальных конструкций, мы вынесем этот вопрос за рамки данного исследования

1. Оформление самих предикатов. Для каждого из перечисленных типов полипредикаций определим, какие из показателей глагола могут присоединяться отдельно к каждому из двух предикатов. Среди этих показателей: отрицание, модальные глаголы, аспектные и пространственные послелогии. Чем выше способность каждого из предикатов к независимому оформлению, тем выше степень его независимости.
2. Взаимоотношения между аргументами исходных предикатов. Чем больше между ними связей (референциальных или синтаксических), тем больше слитность двух предикатов.
3. Поверхностное обозначение типа связи между предикатами.
4. Возможность перестановок. Чем свободнее взаимный порядок предикатов, тем выше их самостоятельность.

Помимо стяженных предложений, подобный промежуточный статус имеют также результативные конструкции, такие как 我打死了苍蝇 букв. *я ударить убить*-PFV *муха*: «Я прихлопнул муху», и сериальные конструкции, такие как 我拿到切了肉 букв. *я взять нож резать*-PFV *мясо*: «Я взял нож резать мясо». Эти два типа, так же, как и стяженные, сложно однозначно отнести как к простым, так и к сложным предложениям.

Применив последовательно перечисленные выше тесты к результативным, сериальным и стяженным конструкциям, получим такую картину.

Наиболее тесно связанными, то есть ближе всего по свойствам к простой клаузе, показывают себя результативные конструкции. Их части не могут по отдельности принимать никакие глагольные показатели: отрицание, модальный глагол, аспектные и направительные послелогии – все это присоединяется только целиком ко всей конструкции. С точки зрения аргументов результативная конструкция тоже ведет себя как единый предикат, поэтому аргументы исходных предикатов меняют статус. Ср. напр. 她哭湿了枕头 букв. *она плакать мокрый*-PFV *подушка*: «Она так плакала, что промокла подушка» [Fan 2021], где субъект второго глагола становится объектом результирующего предложения. Тип связи между предикатами в результативной конструкции может несколько варьироваться (результат или степень), но это определяется не синтаксисом, а семантикой ее компонентов. Перестановок результативная конструкция не допускает.

Сериальные конструкции, так же, как и результативы, не допускают раздельного оформления глагольными показателями своих частей. В отличие от результативов, они сохраняют объекты при каждом из предикатов; при этом в большинстве случаев субъект общий и вынесен вперед. Типов связи может быть несколько: цель, последовательность. Порядок между частями фиксирован.

Наконец, стяженные предложения частично допускают независимое оформление своих компонентов. Отрицание, модальные глаголы и частица 了 свободно сочетаются с обеими частями. Аргументы исходных предикатов не меняют статус, но чаще, чем в сложном предложении, бывают опущены. Кроме того, для стяженного предложения типично наличие референциальных связей между аргументами первого и второго предиката, как говорилось выше. Порядок частей фиксирован при бессоюзной связи. Если же связь выражена парными наречиями, то перестановки ограниченно возможны, хотя стяженные предложения сильно тяготеют к коммуникативно-нейтральному порядку клауз [Zhou, Yuan 2022].

Таким образом, стяженные предложения обладают наиболее выраженной полипредикативностью из перечисленных типов полипредикаций. Внутри этого типа также возможна большая или меньшая степень слитности. Однако синтаксически стяженные предложения все равно отличаются от прототипических сложных предложений мандаринского китайского языка. Критерии, перечисленные выше, позволяют убедиться в этом наглядно.

В целом, подобный многофакторный подход, будучи распространен на другие конструкции и расширен дополнительными параметрами, позволит получить более объемное и структурированное описание полипредикаций в китайском.

Литература

-
- Liang 2002 – *Liang Yuehua*. An analysis of contracted sentences in contemporary Mandarin Chinese. Journal of Shenzhen University: Humanities and Social Sciences Edition, 2002(2). (梁蕴华. 现代汉语紧缩结构分析. 深圳大学学报: 人文社会科学版)
- Shao 2007 – *Shao Jinmin*. A general theory of modern Chinese. Shanghai: Shanghai jiaoyu chubanche, 2007 (邵敬敏. 现代汉语通论. 上海教育出版社)
- Wang 2007 – *Wang Hongming*. Studies on contracted sentences. Chenchun: Jilin University MA thesis, 2007 (王红明. 紧缩句研究. 长春: 吉林大学硕士学位论文)
- Xiang 1956 – *Xiang Ruo*. Contracted sentences. Shanghai: XinZhishi chubanshe, 1956/1984 (向若. 紧缩句. 上海: 新知识出版社).
- Fan 2021 – *Ying Fan*. Argument structure representation: Formation of serial verb constructions in Standard Mandarin Chinese. *Lingua*, Volume 249, 2021
- Zhou, Yuan 2022 – *Zhou Siruo, Yuan Liqiu*. The Comparison and Transformation between Contracted Sentences and Related Sentence Patterns in Mandarin Chinese // *Modern Linguistics*. 2022. № 10(6) (周思若, 袁立秋. 紧缩句与相关句型的特征比较与变换. 现代语言学)

Некоторые заимствования библейской лексики и фразеологии в современном японском языке на основе словарей XIX– XX вв.

Антон И. Шиябов

*Нижегородский государственный университет им. Н.А. Добролюбова,
Нижний Новгород*

Some borrowings of biblical vocabulary and fixed expressions in modern Japanese based on 19th- and 20th-century dictionaries

Anton I. Shiiabov

Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University, Nizhny Novgorod

Abstract. This paper is a comprehensive study of the stages of consolidation of the biblical lexicon in the Japanese language, and also touches upon the aspect of borrowing Christian phraseological units. The aim of the study was to characterize the peculiarities of the processes of borrowing Christian lexemes and fixed phrases in the Japanese language on the materials of dictionaries of different types published in the period of XIX–XX centuries. The words for the study were randomly chosen as lexical units that could most likely be found in the earliest sources considered, as well as in small dictionaries that include a very limited number of dictionary entries. In addition, such an approach to the selection of the most common concepts was conditioned by the historical context of the development of Christianity in Japan. Phraseological borrowings of Christian character have been studied only partially, which, however, gives a general idea of the nature of reproduction of such units in the Japanese language, as well as opens the possibility for further deeper study of this group.

Keywords: Japanese language, dictionary, Christianity, bibleism, lexicography

На сегодняшний день тема, затрагивающая этапы закрепления христианских заимствований в японском языке, фактически остаётся не разработанной, что обуславливает актуальность исследования.

Цель работы состоит в характеристике особенностей заимствования некоторой библейской лексики в современном японском языке по данным словарей XIX– XX вв.

Для достижения цели ставятся и решаются такие задачи, как: отбор лексикографических источников XIX–XX вв. и выделение особенностей составления, выявление контекста и предположение возможных причин выбора того или иного перевода библеизма на японский язык, сопоставление переводов библеизмов на японский язык в словарях разных типов.

В современном японском языке многие библеизмы стали обиходными, или, по крайней мере, узнаваемыми, а история их становления, напротив – остаётся нетронутой и находит своё место лишь на страницах старых письменных источников, самыми ценными представителями которых являются двуязычные переводные и толковые словари японского языка.

Материалы для исследования включают толковые словари японского и английского языков, переводные словари с и на японский, английский, французский, немецкий, голландский, латинский, китайский и русский языки, изданные в период XIX–XX вв. и ранее, старые китайские и японские источники, а также тематические веб-ресурсы.

Использование большого количества словарей разных видов и типов обусловлено не только малым числом оцифрованных источников в открытом доступе, но и стремлением достичь всестороннего и точного анализа каждой из избранных лексических единиц.

Самые ранние из найденных словарей – двуязычные переводные (на японский язык) передают языковые реалии языка оригинала средствами языка перевода, что в свою очередь позволило проанализировать возможную мотивацию выбора того или иного иероглифа или слова для передачи библейских не устоявшихся понятий на японский язык.

Переводные словари с японского языка позволяют проследить какие варианты перевода избирались в качестве предпочтительных и только в качестве таких, поскольку не всегда данные варианты встречались в том же значении в японо-японских толковых словарях.

Японо-японские толковые словари являются самыми надёжными источниками исследования, поскольку отражают реальное положение того или иного слова в языке, ввиду чего позволяют с уверенностью утверждать о закреплении (или утрате) христианской семантики за японским эквивалентом исследуемого библеизма.

Более старые письменные источники, использованные в работе, позволяют аргументировать суждения-предположения касательно причин выбора того или иного слова в качестве христианского эквивалента в японском языке.

Библейские лексемы широко представлены внутри больших словарных гнёзд в ранних переводных словарях на японский язык, что обусловлено, как историческим контекстом, связанными с возобновившимися христианскими миссиями и частой употребляемостью таких слов европейцами в XIX в., так и с ориентиром при составлении подобных словарей на уже существующие западные.

При анализе японских переводов христианских лексем становится очевидным влияние трудов китайских миссионеров-переводчиков на формирование соответствующих аналогов в японском языке, впоследствии доминирующими и вытесняющими прочие варианты перевода.

В более поздних словарях, после завершения процесса закрепления единственного эквивалента, появляется синоним, а также англоязычное заимствование, а позже ещё одно с альтернативным написанием, что характерно для каждого из исследованных слов.

Понятие «крещение» долгое время не могло найти единственно верное воспроизведение в языке, поскольку каждый переводчик предлагал свой вариант [藤林 1810: 44], [村上 1864: 32], однако впоследствии, под влиянием китайских переводов, закрепился вариант 洗禮 сэнрэи (позже 禮 упростится до 礼, затем до 礼), где первый иероглиф 洗 сэн «омывать» раскрывает крещение, как водную процедуру, а второй 禮 рэй «этикет» – как обряд [井上 1917: 1971], [新村 1993: 1350].

Помимо появившихся во второй половине XX в. англицизмов バプテスマ бапутэсума и バプティズム бапутидзуму «крещение», в качестве эквивалента выступал и выступает 浸礼 синрэи, однако имеет узкую семантику и означает «крещение погружением», поскольку словообразующий 浸 син имеет значение «погружать», а само слово составляет лексему 浸礼協會 синрэи-кёкаи «баптистская церковь», поскольку для баптистов вопрос способа крещения является основополагающим [井上 1917: 136, 2022], [新村 1993: 1478, 2095].

Библеизм «ангел», как и «крещение» изначально следовал японскому пути и в данном случае сопоставление шло с уже существующими божественными существами в синтоизме и буддизме, однако под влиянием китайских переводов в языке стремительно закрепился вариант 天使 тэнси, в принципе не имевший отношения к христианству и обозначавший гонца императора, так как 天 тэн означает небо (сам император – 天子 тэнси досл. «сын неба»), а 使 си, помимо распространённого «использовать», обозначает гонца или посланника, вытесняет значение «посланник (сына) неба», приобретая семантику «посланник небес» (ангел) [藤林 1810: 53], [Medhurst 1847: 54-53], [村上 1864: 19], [井上 1917: 1143, 2024, 2183, 2230], [陳濤 1972: 1427], [新村 1993: 1478, 1783].

Ангел, в отличие от крещения не имеет синонима, помимо более раннего продуктивного англицизма エンゼル эндзеру «ангел» и более позднего エンジェル эдзэру «ангел» [陳濤 1972: 226], [新村 1993: 302, 1783].

Изначально распятие описывалось как изображение креста, духовного наставника и пр., ссылаясь в первую очередь на визуальную составляющую [藤林 1810: 111], [Medhurst 1847: 340, 342-343], [村上 1864: 91].

Позже происходит развитие семантики, связанной с крестом, однако сам по себе 十字 дзюдзи «крест» является скорее контекстуальным, нежели прямым эквивалентом понятия «распятие», так как обозначает лишь символ креста и является крайне продуктивным [藤林 1810: 111], [Medhurst 1847: 340, 342-343], [村上 1864: 91], [井上 1917: 1057], [陳濤 1972: 929], [新村 1993: 1214].

Семантическое развитие в качестве библеизма лексемы 十字 дзюдзи отражено в англицизмах クロス куросу «крест», являющийся словообразующим для очень большого количества слов, а также в более узком クルス курусу «крест» [陳濤 1972: 588, 592], [新村 1993: 764, 770].

Христианское понятие «распятие» довольно быстро нашло прямой аналог в виде японского 磔 харицукэ, которое представляет собой ту же казнь с некоторыми особенностями и уже позже у исследуемого библеизма появился синоним 磔刑 таккэи, где иероглиф 刑 кэи указывает на казнь [井上 1917: 786, 1143, 2151], [陳濤 1972: 1684], [新村 1993: 1595, 2108].

Литература

Словари и справочники

井上 1917 – *Inoue T. ABC-biki Nihon-Jiten*. Tokyo, 1917. P. 2400. (井上 哲次郎, ABC びき 日本辞典)

Medhurst 1847 – *Medhurst W. English and Chinese dictionary in two volumes Vol. II*. Shanghai, 1847. P. 791.

新村 1993 – *Shimmura I. Kojien*. Tokyo, 1993. P. 2858. (新村 出, 広辞苑)

藤林 1810 – *Fujibayashi F. Yaku-ken (Yakken)*. 1810. P. 316 (藤林 普山, 訳鍵. 乾, 坤)

陳濤 1972 – *Chen Tao. Rì hàn cídiǎn*. Shanghai, 1972. P. 2591. (陳濤, 日漢辭典)

Опыт исследования японского союза *ga* по данным контрастивного анализа

Людмила Г. Шляхтина

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

A contrastive analysis of the Japanese conjunction *ga*

Liudmila G. Shliakhtina

Russian State University for the Humanities, Moscow

Abstract. This paper aims to study the syntax and semantics of the Japanese conjunction ***ga*** as a coordination marker. We wished to find out what semantic zone the conjunction is able to cover, and for what reason it is chosen by the translator among other morphological, syntactic and lexical means of clause linking. Traditionally, ***ga*** is considered to be an adversative conjunction that connects components of the compound sentence with the contrastive meaning. However, we discovered several other meanings that ***ga*** is able to convey, which makes its semantics exceptional and unique. Those meanings include: comparison, introduction of the discourse topic, quotation, greater weight of the following clause, causality, illocutionary modality. Based on data from the contrastive analysis of the novel ‘Harry Potter and the Philosopher’s Stone’ by J.K. Rowling and its Japanese translation, we clarified, confirmed or refuted the descriptions of the conjunction existing in the literature, as well as formulated generalized rules for its usage.

Keywords: Japanese, compound sentence, conjunction, semantics, syntax

Целью настоящего исследования было уточнение, подтверждение и/или опровержение с помощью контрастивного анализа параллельных текстов уже имеющихся сведений о синтактике и семантике союза ***ga***, считающегося одним из немногих средств, указывающих на симметричность компонентов полипредикативной конструкции в японском языке. Материалом для исследования послужили первые десять глав романа Дж. Роулинг “Гарри Поттер и Философский камень” в оригинале в сравнении с японским переводом [Rowling 2015, Matsuoka 1999]. Мы проанализировали базу из 159 примеров употреблений союза в сравнении с английским текстом и выявили несколько основных значений, в которых может употребляться ***ga***, а также присущие ему синтаксические особенности.

Наиболее распространённым, как и отмечалось в японистической литературе [Алпатов и др. 2008, Martin 1975, Makino & Tsutsui 1986, Hinds 1986], оказалось значение противопоставления, проявляющееся

в двух вариантах в соответствии со следующими схемами (в квадратных скобках помещаются фрагменты значения, которые могут эксплицитно не выражаться):

Пусть X – “Хотел купить хлеб”; Y – “Не купил хлеб”; Z – “магазин был закрыт”.

Схема 1: X, но Y

“Хотел купить хлеб, но не купил [хлеб]”

Схема 2: X, но [Y, потому что] Z

“Хотел купить хлеб, но [не купил хлеб, потому что] магазин был закрыт”

Примеры с противительным **ga** составили 74% (116 примеров из 159) всей выборки, из них треть составили употребления второго типа с компонентом со значением причинности. Примеры для демонстрации каждой из представленных схем приводим ниже.

1) ハリーもおじさんと同意見だったが、上機嫌にはなれなかった。

<i>harii</i>	<i>mo</i>	<i>ojisan</i>	<i>to</i>	<i>dooiken</i>	<i>dat-ta</i>	ga
Гарри	тоже	дядя	с	то.же.мнение	cop-pst	

<i>jookigen</i>	<i>ni</i>	<i>hanare-na-katta</i>
хорошее.настроение	dat	высвободиться-neg-pst

Оригинал: *Harry privately agreed, though the thought didn't cheer him up at all.* ‘Гарри был согласен с дядей, **но** [то, с чем он согласился,] его не радовало.’

2) ダドリーが手紙を奪って読もうとしたが、おじさんは手が届かないように高々と掲げていた。

<i>dadorii</i>	<i>ga</i>	<i>tegami</i>	<i>o</i>	<i>ubat-te</i>	<i>yom-oo</i>	<i>to</i>
Дадли	nom	письмо	acc	украсть-cnv	прочитать-hor	quot

<i>shi-ta</i>	ga	<i>ojisan</i>	<i>wa</i>	<i>te</i>	<i>ga</i>	<i>todok-ana-i-yoo</i>	<i>ni</i>
aux.vrb-vrb		дядя	top	рука	nom	достать-neg-prs-hor	dat

<i>takadaka</i>	<i>to</i>	<i>kakage-te</i>	<i>i-ta</i>
высоко.высоко	adv	поднять-cnv	aux.prg-pst

Оригинал: *Dudley tried to grab the letter to read it, but Uncle Vernon held it high out of his reach.*

‘Дадли, украв письмо, [только] собирался его прочитать, **но** дядя, чтобы Дадли не достал, высоко-высоко поднял его.’

2% выборки (4 примеров из 159) составили употребления союза в значении сопоставления, выглядящие схематически как противопоставление рем по какому-либо общему признаку при темах, связанных между собой тезаурусно или ситуативно – [X P, Y Q], ср. “*Вася любит яблоки, а Петя груши*”. Десятая доля всех примеров показала, что союз **ga** также может выполнять дискурсивную функцию и выступать в значении интродуктирующего фон маркера в конструкциях вида [X; а что касается X, то Y]. Среди прочих значений, встретившихся в корпусе значительно реже, мы выявили выражение цитационного отношения между конъюнктами, смягчение прямолинейного сообщения в контексте устного дискурса, маркирование иллокутивной модальности и присвоение второму фрагменту полипредикативной конструкции большего веса в сравнении с первым. Примеров, где союз был бы способен выражать причинное значение и вводить коммуникативную формулу, как утверждалось в прочих японистических работах, обнаружено не было; мы также опровергли ограничение на обязательную симметричность предикатов с точки зрения адресивности и временного маркирования при употреблении **ga** в противительном значении.

Что же касается синтактики союза, в ходе нашего исследования было выявлено три линейных варианта употребления **ga**: [X **ga**, Y], [X **ga**. Y], [X. **ga**, Y]. Первый вариант, “классический”, встретился в подавляющем большинстве примеров выборки; второй присущ диалогическим контекстам и представлен в конструкциях с самой разной семантикой. Третий линейный вариант встретился в выборке лишь единожды, однако это доказывает допустимость подобного употребления союза.

Контрастивный анализ позволил нам продемонстрировать особенности синтактики и семантики **ga** и показать, почему переводчик выбирает именно этот союз, имея в руках богатейший арсенал лексических и грамматических средств маркирования связи в полипредикативной конструкции. Несмотря на обилие прочих коннекторов, конвербов, лексических и морфосинтаксических маркеров в японском языке, во-первых, лишь единицы демонстрируют склонность к «прототипическому сочинению»; во-вторых, только **ga** в числе этих единиц обладает столь разнообразной семантикой, позволяющей переводчику выбрать именно этот союз в качестве аналога английским *but, though, and* и т. д. Тем не менее, небольшой объем нашей выборки пока не позволяет провести системный количественный анализ конструкций с союзом **ga** – эту задачу мы оставляем на будущее.

Благодарности

Работа поддержана грантом РНФ № 22-18-00120.

Источники

Rowling 2015 – *J.K. Rowling*, Bloomsbury Publishing PLC, 2015

Matsuoka 1999 – *Matsuoka Yuko*. Sayzansha Publications Ltd., 1999.

Литература

Алпатов и др. 2008 – *Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И.* Теоретическая грамматика японского языка: В 2 кн. Кн. 2. М.: Наталис, 2008.

Hinds 1986 – *Hinds J.* Japanese: Descriptive Grammar (Croom Helm Descriptive Grammar Series) – Routledge; Bilingual edition, 1986.

Makino & Tsutsui 1986 – *Makino S., Tsutsui M.* A Dictionary of Basic Japanese Grammar. Tokyo: The Japan Times, 1986.

Martin 1975 – *Martin S.E.* A reference grammar of Japanese. New Haven: Yale University Press, 1975.

Научное издание

Лингвистика
языков Китая, Кореи и Японии

Тезисы докладов
I Международной
научно-практической конференции

Москва, 30 ноября – 1 декабря 2023 г.

Оформление обложки
М.Е. Заболотникова

Корректор
А.А. Сакаева

Компьютерная верстка
Н.И. Медведева

Подписано в печать 27.11.2023

Формат 60×84¹/₁₆

Уч.-изд. л. 8,0. Усл. печ. л. 9,6

Тираж 300 экз. Заказ № 1861

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru